

Мурад Вилфрид Хофманн

Дневник дипломата

ПУТЕШЕСТВИЕ В ИСЛАМ

*«Байт Аль-Куф'ан»
Манама, 1 мая 1999 г.
Не только день, но и
безвестная преданность 9-го
Абдуллахира Джамсиди
Кану принесли Бахрейну, а
владельцем сокровищам, наследия,
www.islam.plus*

Библиотека сайта "Ислам для всех" www.islam.plus

Мурад Вилфрид Хофманн

ПУТЕШЕСТВИЕ В ИСЛАМ

Дневник немецкого дипломата

1951–2000

Издание второе стереотипное

Киев

«Ансар Фаундейшн» 2012

УДК-28-1
ББК-№86.38-4
Х-85

Хофманн, Мурад Вилфрид

Путешествие в Ислам: Дневник немецкого дипломата 1951–2000/
Пер. с английского Л.Ю. Самсоненко. – К.: Ансар Фаундейшн, 2005.

ISBN 966-7927-23-7

Книга немецкого дипломата Мурада Вилфрида Хофманна в форме дневника фиксирует непрерывный духовный процесс поиска вечных ценностей, его первые встречи с исламской философией, и завершившийся принятием автором Ислама. В книге рассказывается о личном опыте дипломата, паломничестве в Мекку, а также духовной конфронтации мусульманских интеллектуалов европейского происхождения с идеологией и ценностями западного постиндустриального общества.

Перевод с английского *Л.Ю. Самсоненко*

Авторское право на эту книгу принадлежит
The Islamic Foundation.

Данный перевод и макет книги принадлежат
«Ансар Фаундейшн». Переиздание и перепечатка текста
без предварительной договоренности с редакцией запрещены.

Пожалуйста, обращайтесь в письменной форме,
мы с радостью дадим вам разрешение.

ISBN 966-7927-23-7

© The Islamic Foundation, 2001
© “Ансар Фаундейшн”, перевод, 2005
© “Ансар Фаундейшн”, макет, 2012

БИСМИ-ЛЬ-ЛЯХИ-Р-РАХМАНИ-Р-РАХИМ!

**ВО ИМЯ АЛЛАХА МИЛОСТИВОГО,
МИЛОСЕРДНОГО!**

“У тех, которые не веровали и уклонились от пути Аллаха, Он направит в заблуждение дела их. А у тех, которые уверовали и творили благие деяния, и уверовали в то, что было ниспослано Мухаммаду, – а это – истина от их Господа, – Он загладит дурные деяния и упорядочит их состояние. Это – за то, что те, которые не веровали, последовали за ложью, а те, которые уверовали, последовали за истиной от их Господа. Так приводит Аллах людям подобия их!”

(Сура 47, аяты 1–3)

*Моим братьям-мусульманам
на Западе*

Содержание

Предисловие	9
Предисловие	11
Введение	13
Самореализующиеся пророчества	15
Аварии, в которых не выживают	18
Изображения обедняют фантазию	20
Терпимость как самоотречение.....	23
Язык Самого Бога?	24
Спиртное для Германии.....	27
Я нашел ответ	29
Реакция мусульман	31
Любовь за доллар	33
По стопам епископа Ария	35
Узаконенная терпимость	37
Намерение в соблюдении поста	40
Без откровения – слепы	42
Вожделенный глоток воды	44
Боль в мышцах и подъем духа	46
Конкурс балета – теологический спор	47
Кисмет – не оправдание	49
Представление дервишей	50
Еретик св. Павел	52
Нравственность в бизнесе	54
Три раза, а не четыре	56
«Дорога в Мекку»	57
Эмансипация по-мусульмански	60
Печать пророков	61
Ислам <i>a la carte</i> ?.....	62
Мусульманин вопреки самому себе.....	63
Ля иляха ильляллах, Мухаммад расулюллах	64

Почему не учетверенность?	65
Вертящиеся дервиши из Коньи	66
Неуязвимость Ислама	68
Исламское международное право	71
Скандал <i>haute couture</i>	73
Ибн Хальдун, а не Маркс	75
Сунниты и шииты	78
Первый Никейский Собор	81
Церковь – не мечеть	83
Слишком хорошо, чтобы быть правдой?	85
Общество алкоголя, никотина и свинины	86
Исламское братство	88
Паломничество в Мекку	89
Возвращаясь к Аврааму	91
У могилы Пророка	93
Недоразумение в отеле	94
О женских покровах	95
Забывшийся в молитве	98
Беспокойство о действительности молитвы	100
Ислам и нефтяной бум	102
Подчиняя свой разум	104
Прорыв для Ислама	107
Чистый, чище, чистейший	109
Немецкие мусульмане	110
Лингвистические уловки	112
В этом есть что-то невероятное	114
Мусульманский плюрализм	116
Американский пророк	119
Обрезание	120
Суеверие	121
Побеждая, молитесь о прощении	123
Сказание о Дионисии Ареопагите	124
Они подумали, что я шучу	128

Женщины в Исламе	131
В чем ошибается мистика	134
Библия свидетельствует	137
Рациональность, свобода и любовь	139
Лучше бы Его Честь воздержались	140
Исламская демократия?	142
Нет попадания – нет и опасности	145
Непрестанное приглашение	147
«О!» – сказала она	150
Четыре соловья из Стамбула	151
Братская любовь и братство	153
Не глуп и при этом мусульманин?	156
«Библия, Коран и наука»	158
Ислам и стресс	160
Хазрети Ататюрк и другие странности	163
Ностальгия в Ускюдаре	165
Об отношении к смерти	166
Встреча с Мухаммадом Асадом	169
Руки прочь от Корана!	171
Долгий путь по организациям	172
Чернокожие мусульмане, белый имам	174
Потому что это не должно быть правдой	176
Да это же пантеизм, Гегель и гностицизм!	177
Глазами очевидца	181
Предания и факты	183
Права человека и Ислам	186
Суеверная нумерология	189
19 – это разгадка?	193
Последовательность <i>a la</i> Кюнг	195
Народное восстание в Алжире	198
Последние из ‘ибадитов	201
Большой взрыв: Богу места нет?	204

«Когда сотрясается земля...»	206
Ислам: Альтернатива	207
Старейший город на земле?	209
Поспешная расправа СМИ	212
Вечерние уроки	215
Паломничество как проблема материального характера	218
Неприятности сносим с терпением	220
В саду Пророка.....	221
Хадж – не ‘умра	223
‘Арафат	225
Праздник Жертвоприношения – тогда же и там же	227
Если бы они были китами	229
Чего же стыдиться!	232
Как быть политически корректным	233
Диалог или конфронтация	235
После Малколма Икс	237
Мусульманин года	240
Коран: вновь и вновь	241
Мое засвидетельствование почтения Махди	243
«Байт Аль-Кур’ан»	245
«Когда сотрясается земля...»	246
<i>Да’уа</i> под кокосовыми пальмами	248
Фес и Лахор	250
Похороны в Стамбуле	252
Столетие Мухаммада Асада	254

Предисловие

Сложное положение современного человека можно передать несколькими словами: мы научились летать в небесах, словно птицы, и плавать в океанах подобно рыбам, но нам еще предстоит научиться жить на земле добропорядочными людьми. В новом тысячелетии стремление людей научиться жить достойно становится для человечества сложнейшей задачей. Двадцатый век был замечателен достижениями в области науки, технологий и разработок. Однако он оказался и самым жестоким веком в истории человечества, унесшим более 100 миллионов жизней в ходе двух мировых войн и более чем двухсот локальных конфликтов. Несмотря на два столетия небывалого экономического роста, свыше 40% людей живут в бедности и около 20% – в крайней нищете, тогда как 87% мирового ВВП (валового внутреннего продукта) находится во владении и распоряжении двадцати стран, где проживает лишь 18% населения мира. Станет ли двадцать первый век хоть чем-то лучше? На этот вопрос простых ответов нет.

Простые ответы бывают обманчивы. Но поскольку отказ от поиска неизбежно ведет к нигилизму и гибели, то единственным реальным вариантом является попытка найти альтернативу. Существует множество историй о людях, которые решили приступить к подобному занятию, но им зачастую удается лишь несколько скрасить то, что иначе представляется как мрачная перспектива. Среди тех, кто неутомимо занимался этим поиском и смог увидеть мерцающий свет в конце туннеля, двое немецких интеллектуалов – Леопольд Вайс (Мухаммад Асад) и Мурад Вилфрид Хофманн. Повествования об их исканиях ведутся в двух разных стилях. Если “Дорога в Мекку” Асада – это трогательная одиссея бурных свиданий души с судьбой в первой половине XX века, то «Дневник» Мурада Хофманна,

который охватывает вторую половину того же столетия, принадлежит к иному жанру. Мысли, записанные в нем, излучают свет, ведь они раскрывают трепет сердца и стремления души, ищущих истину в мире, где изобилует нищета, процветает отчаяние, а вместо прогресса царит дисгармония. Едва уловимые блики света, вспыхивающие на страницах этого «Дневника», оживляют ум и волнуют душу.

Я с удовольствием читал его, когда готовился принять д-ра Мурада Хофманна в Исламабаде в качестве нашего первого докладчика на лекции, посвященной памяти Хуррама Мурада, в феврале 2000 г. Я очень огорчился, узнав, что книга увидела свет уже довольно давно, и поэтому вдвойне благодарен, что брат Мурад Хофманн с такой готовностью согласился дополнить «Дневник» и предоставить «The Islamic Foundation» возможность опубликовать его. Так появилось это новое издание.

Я считаю для себя честью написать Предисловие к книге, столь богатой мыслями и рассуждениями о мире, в котором мы сегодня живем, и открывающей тем самым мириады вех в пути к Исламу. Это не просто дневник одного человека; это хроника нашего времени и, быть может, указатель в будущее.

Хуршид Ахмад

Лестер,
20 октября 2000 г.
22 раджаба 1421 г.

Предисловие

Замечательные наблюдения, приведенные в этом дневнике, проливают свет на то, как автор приближался к Исламу – процесс, растянувшийся на многие годы и увенчавшийся его решительным обращением в эту веру 1980 г.

Как отмечает Мурад Хофманн, страницы данной книги – это не более, чем «диалог с самим собой», проистекающий из серьезной увлеченности немецкого интеллектуала проблемами этики, нравственности и эстетики.

На первый взгляд кажется, что Мурада Хофманна, которому претят как практицизм современной технологической цивилизации, так и непродуктивность западной социологической мысли с ее молчаливым отрицанием какой-либо значимости вопроса о духовной судьбе человека, словно что-то подталкивало найти гармонию между видами искусства мусульманского мира и религиозными взглядами людей, представляющих его. Со временем это открытие позволило ему обнаружить внутреннюю связь между мусульманской культурой и исламской верой как таковой.

Опыт дипломата и впечатления от путешествий по мусульманским странам – в основном государствам Северной Африки и Турции – побудили Хофманна углубиться в изучение Корана, и спустя годы он понял, что обращение в Ислам является логическим завершением его поисков главной жизненной истины. После этого он выбрал себе имя Мурад, которое означает “цель” – то есть самую сокровенную цель жизни Вилфрида Хофманна.

Несомненно, «Дневник», представленный на последующих страницах, значительно поспособствует улучшению понимания Ислама теми жителями Запада,

которые и поныне смотрят на нашу религию с подозрением, граничащим с враждебностью, и упрямо отказываются даже помыслить о возможности истинно Божественного Откровения после жизни Иисуса – а тем более такого, которое благодаря своей ясности и простоте существенно отличается от образной теологии Библии и религиозного опыта Запада.

Мухаммад Асад

Лиссабон,
декабрь 1985 г.

Введение

*Коль кто-либо не ведает о каком-либо деле, то
легко становится его противником.*
(Изречение, приписываемое ‘Али ибн Абу Талибу)

Легче, пожалуй, объяснить, чем не является этот дневник, нежели описать, что он из себя представляет. Он определенно не представляет собой ни запись психодраматической «исповеди» новообращенного в Ислам, ни попытку скрупулезно рассмотреть то, что не поддается анализу, т.е. единую систему элементов чувств и познания, побуждающих к смене вероисповедания. Не является этот дневник и хронологической биографией, даже при том, что в нем правдиво показаны конкретные события, происшедшие, к примеру, в Мекке и Медине. Данная книга, скорее, отражает определенные этапы интеллектуального продвижения автора к обращению в Ислам, и поддержкой для этого послужил ряд ключевых событий в его жизни. Это был процесс, основную роль в котором сыграло глубокое личное влечение автора к красоте и элементам культуры Ислама, его цивилизации и философии.

Дипломатам часто завидуют, ведь они могут впитывать культуру зарубежных стран, пускай даже и со стороны. Однако истинное проникновение в другую культуру – это нечто гораздо большее как в эмоциональном, так и интеллектуальном плане. Это еще и рискованное предприятие – ведь оно подразумевает постижение изнутри самых основ той или иной цивилизации, а именно ее религии.

Новообращенный в Ислам неизбежно увидит в «новом свете» и собственную страну, что, в свою очередь,

подтолкнет его к диалогу с самим собой. Как раз это и является темой данной книги.

Мурад Вилфрид Хофманн

Брюссель,
лето 1986 г.

Самореализующиеся пророчества

Скенектади, штат Нью-Йорк, 17 мая 1951 г.

Вот уже год, как я изучаю социологию в Юнион Колледже, расположенном у реки Мохок в глубинке штата Нью-Йорк. Подход к этому предмету здесь носит строго практический характер. Изучение социальных функций и моделей поведения человека строится не на устоявшихся философских или теологических представлениях о сущности и назначении человека; ценностные суждения здесь запрещены как «ненаучные», а их место занимают количественные аспекты. Объектом подсчета и измерения здесь является социальное взаимодействие мужчины и женщины. Все их функции и роль в жизни рассматриваются исключительно с точки зрения интеграции в общество, а также приносимой ему пользы. Это согласуется с широко известным суждением в психологии Зигмунда Фрейда о личности человека, а также с господствующей материалистической, механистической концепцией жизни и разума. Такой бихевиористский подход аналогичен методу, используемому Карлом фон Фришем при определении уровня интеллекта и наследуемого поведения пчел.

За много лет до появления книг Вэнса Пакарда «Восходящие на пирамиду», «Сексуальная пустыня» и «Скрытые увещатели», а также «Агрессии» Конрада Лоренца мы открыли «законы», управляющие всей деятельностью человека и обществом. Однако мы все еще не осознаем влияния социологического исследования на формирование стандартов: чем больше люди читают о том, что является «нормальным» согласно статистическим данным, тем больше они склонны приспособливаться к этой

норме. Ведь социология – это самореализующееся пророчество! И правда, для моих товарищей по студенческому «Братству Пси Ипсилон» стремление выглядеть нормальными, быть такими, как все, не отставать от других стало едва ли не навязчивой идеей.

Подобный подход к человеческому бытию явно несовместим с антропологией, произрастающей из философии. В равной степени очевидно и то, что социологический агностицизм под маской бихевиоризма не мог не заставить людей отвернуться от традиционной системы автономной этики, на которой держится общество.

Ничто не может лучше проиллюстрировать это систематичное падение нравственных барьеров, чем бесстыдный сексуальный спорт, культивируемый в студенческой среде, к которой я принадлежу. Если соответствие чему-либо – стремление быть «не хуже других» – рассматривается в качестве самой желанной цели социально-экономической деятельности человека, то в таком случае все, в том числе и истина, становится относительным. И тогда человек хочет делать то, чего ожидают от него другие. И вот рождается «безличностный человек» (Георг Зиммель), т.е. человек с чисто социологизированным сознанием.

Подобного рода социология утверждает, что она деидеологизирована и даже враждебна идеологии. Однако на самом деле за внешними атрибутами обманчиво нетронутого естествознания скрывается псевдорелигия. Действительно, разве не в высшей степени идеологично высмеивать или отказываться отвечать на главные вопросы о человеке: Откуда? Почему? Зачем? – избежать которых не удавалось ни одному серьезному философу или теологу на протяжении веков.

А вдохновленная социологией педагогика, стремящаяся к единообразию при наименьшем общем знаменателе – разве она не является продуктом некоего мировоззрения (*Weltanschauung*)? Безусловно да, ведь социология подобного рода программирует ее результаты. Для нее атеизм – это не только рабочая гипотеза, но и аксиома. Однако если это должно стать видением мира американцев, такое же произойдет и в Европе. Как же нам справиться с псевдорелигией, подобной «научному» марксизму, если мы тоже возводим атеизм до уровня образа жизни, подвергая западную систему ценностей воздействию откровенного агностицизма и, следовательно, ценностного нейтрализма.

Аварии, в которых не выживают

Холли-Спрингс, штат Миссисипи, 28 июня 1951 г.

Путешествуя две недели автостопом и имея при себе лишь форму для работы официантом (или хотя бы помощником официанта), я уже успел проехать от севера штата Нью-Йорк через Нью-Джерси и Южную Каролину до Флориды, а затем вернуться в Джорджию. Теперь же мы с минуты на минуту должны были добраться до Мемфиса в штате Теннесси, и я уже мечтал прогуляться там по мосту через Миссисипи.

И вдруг, откуда ни возьмись, прямо перед нами возникла какая-то тень. Водитель подле меня резко отпустил педаль газа. Но ни одна из машин, мчащихся навстречу друг другу, затормозить не успела.

На следующий день, под заголовком «Любовое столкновение», местная газета сообщила, что при пересечении шоссе пьяные выскочили на полосу встречного движения. После осмотра в больнице врачи установили, что у меня сломана верхняя челюсть, изувечена нижняя губа и выбито девятнадцать зубов. Правая рука у меня была вывихнута, а на правом колене зияла глубокая рана – однако обошлось без сотрясения мозга и психологического шока.

Два «Шевроле» столкнулись лоб в лоб на общей скорости около 95 миль в час. Если бы я прыгнул с 5-го этажа высотного здания, мои шансы выжить были бы почти такими же.

У хирурга, пытавшегося привести в порядок мое изуродованное лицо, вырвалось: «Каким же он был раньше?» Движением головы мне удалось показать, что в разорванных джинсах он найдет паспорт. Какое-то время врач всматривался то в фотографию на документе, то в мое утратившее прежние черты лицо, после чего неуверенно

пробормотал, что через несколько лет я всегда смогу сделать пластическую операцию...

Затем, делая мне перед сном укол морфия в первый вечер моего пребывания в больнице, хирург покачал головой и с патетикой сказал: «Мой друг, в подобных авариях не выживают! Бог, должно быть, что-то уготовил для Вас».

Двадцать девять лет спустя, 25 сентября 1980 г., я понял смысл его слов

Изображения обедняют фантазию

Гранада – Кордова, 7 июля 1958 г.

Даже известным немецким специалистам по исламскому искусству и архитектуре – Эрнсту Кюхнелю, Катарине Отто-Дорн, Альфреду Ренцу – оказалось необычайно трудно определить предмет своих исследований. Точка зрения Олега Грабаря – и большинства – такова, что исламские художники были настолько эклектичны в силу своих собственных истоков, а также контактов с культурами Сирии, Византии, Персии и тюркских племен, что характерным признаком направлений исламского искусства можно считать лишь одну черту – декоративное использование арабского письма. Тем не менее даже дети могут безошибочно отличить исламские артефакты как относящиеся к отдельной категории.

Разумеется, ни одно течение в искусстве (в том числе и готика) не возникло на пустом месте. Так, исламское искусство не знало «нулевого отсчета», а впитывало по мере своего развития различные элементы. Но все же Ислам – это религия, способная преобразовывать конкретные аспекты веры в эстетические принципы.

Поэтому исламская архитектура, ландшафтное искусство и оформление интерьеров, несмотря на свое огромное разнообразие, действительно порождают особое исламское чувство пространства, от величественного до глубоко личного. Это можно ощутить, к примеру, в здании и внутренних дворах замка Альгамбра в Гранаде или же в традиционных мечетях – в Кордове, Кайруане, Каире и Стамбуле, причем в последнем это прежде всего мечети Сулеймание, султана Ахмета¹, Рустем-паши и Соколлу

¹ Мечеть, построенная в период 1609-1616 гг. архитектором Мехметом; более известна под названием Голубая мечеть. – *Прим. ред.*

Мехмет-паши. Это же можно сказать и о садах Альгамбры и Запретной территории в Мекке.

Некоторые элементы особенно дают почувствовать черты, отличающие исламское искусство:

1. Стремление к внешней простоте, которое оказывает на архитектуру исламских дворцов почти такое же влияние, как и на прекрасных мусульманок, когда они выходят из дому.

2. Демократическая, антииерархическая структура Ислама, которая также определяет планировку молитвенных помещений.

3. Высокая степень абстракции, что согласуется с неантропоморфным образом Бога в Исламе.

4. Соразмерность человеческих и архитектурных пропорций, что отражает стремление Ислама к гармонии, сдержанности и умеренности во всем.

5. Несовместимая с магией легкость помещений для ритуальной молитвы, что свидетельствует об отсутствии литургий, таинств и мистерий в Исламе.

6. Планировка садов в соответствии с кораническими описаниями Рая.

Оказавшись в подобных местах, чувствуешь душевный подъем (в полном смысле этого слова). Тот, кто не может молиться в мечети, не научится молиться и в соборе.

Отсутствие каких бы то ни было изображений людей или, о ужас!, Бога, в исламской среде обусловлено не столько предписаниями Корана, сколько боязнью впасть в фетишизм и идолопоклонство. Абстракция, например, в виде бесконечного переплетения арабесок, помогает разуму сосредоточиться на том, что не поддается описанию, определению, пониманию, к чему невозможно прикоснуться – на Боге.

Иллюстрации не способствуют обогащению нашего метафизического воображения. Напротив, они ограничивают нашу фантазию.

Терпимость как самоотречение

Кембридж, штат Массачусетс, 4 июня 1960 г.

Сдав ровно половину выпускных экзаменов в Гарвардской школе права, я женюсь, причем, чтобы упростить процедуру, в гарвардской капелле, где церемонию проводит священник унитарий. Его напутствие перед совершением обряда ограничилось вопросом, уверен ли я, что свободен от каких бы то ни было скрытых гомосексуальных наклонностей.

Над алтарем находится фриз с именами Будды, Конфуция, Иисуса, Моисея и Мухаммада ﷺ² – расположенными именно в таком порядке. Подобная религиозная эклектика – каждому свое! – показалась мне довольно забавной: терпимость вплоть до самоотречения. Но не полного. Здесь нарушена историческая последовательность – чтобы начертать имя Иисуса в центре. По иронии, получившийся в результате порядок визуально подчеркивает еще и то, что Мухаммад ﷺ был последним из пророков, а потому – их «печатью».

Вместо размышлений обо всем этом символизме мне бы следовало обратить больше внимания на сложности древних английских формулировок обряда бракосочетания. Когда меня попросили повторить: «И я даю Тебе свое слово», – я тотчас же запнулся.

² ﷺ – Слова “да благословит его Аллах и приветствует” на арабском языке. Эта фраза употребляется в Исламе после упоминания имени пророка Мухаммада, а также во всех случаях, когда речь идет о нем как о Пророке и Посланнике Аллаха, даже без упоминания его имени. – *Прим. ред.*

Язык Самого Бога?

Гардая, 9 апреля 1962 г.

В баре единственного в оазисе Мзаб отеля мне довелось присесть рядом с жителем этих мест. Хоть ему и зябко от прохладного кондиционированного воздуха (несмотря на плотный шерстяной бурнус), мы ведем неторопливую беседу, старательно избегая разговора о бессмысленной алжирской войне, что идет за этими стенами.

Но когда я упоминаю, что как раз закончил читать Коран в переводе на французский (*O. Pesle / Ahmad Tidjiani. Le Coran. – Paris, 1954*), мой собеседник замолкает и даже начинает злиться. Сейчас мне стало ясно, что он, придерживаясь строгого мзабитского толкования Ислама, видел во мне человека, участвующего в святотатстве – святотатстве, которое совершают те, кто искажает послание Бога, полученное Мухаммадом ﷺ от ангела Гавриила именно на арабском, а не на другом языке.

Видя такую агрессивную реакцию на всего лишь попытку перевода, я начинаю понимать еще одно обстоятельство, на которое обратил внимание, гуляя по узким, продуваемым ветрами улочкам Гардаи. Из открытых окон школ по изучению Корана до меня доносились звонкие голоса детей, протяжно произносивших коранические аяты по-арабски – на языке, который эти берберские ребятишки вряд ли понимали и, уж конечно, не говорили на нем.

Подобная настойчивость в сохранении Корана на арабском языке – на котором он был ниспослан – вовсе не примитивна.

Как раз наоборот. Она весьма разумна, если признавать, что Коран воплощает в себе послание Самого Бога, донесенное во всей своей полноте и неизменном виде. Поэтому Коран имеет гораздо более высокий статус, чем любой другой

текст, в том числе любая из частей сборника, известного как Новый Завет. В этом и состоит различие между литературой на языке оригинала и ее переводом.

На фоне этого, а также принимая во внимание печальный опыт перевода Евангелия с арамейского через греческий и латынь на английский, французский или немецкий языки, разве так уж удивительно, что мусульмане почтительно обращаются даже с самыми небольшими отрывками из текста Корана на арабском языке, прикасаясь к нему только при условии, что у них чистые и руки, и тело?³

Следует также знать о том, что исламские философы – изучавшие Аристотеля – не замедлили сделать следующий вывод: поскольку Бог – Вечен, Совершенен, Неизменен и Всеведущ, то и Его послание (слово/*логос*) должно было существовать извечно, даже до своего ниспослания и – таким образом – «появления» в истории человечества. Этот вопрос – был ли Коран сотворен или, по сути, изначален, – когда-то вызвал разногласия у исламских ученых во многом так же, как и вопрос о сотворенности мира или его извечном существовании стал причиной раскола у их христианских коллег.

Но даже при этом не нужно наивно полагать, что язык Бога – арабский. Мухаммад получил Кораническое Откровение на этом языке по той простой причине, что он – араб, проповедовавший среди арабов, – не понимал никакого другого. Нет и веских причин считать святотатством перевод этой Книги, ведь он не преподносится как замена или нечто равнозначное оригиналу. Поэтому переводы, выполненные мусульманами, обычно выходят под такими названиями, как «Смысл Корана», а рядом с переводом в таких изданиях приводится и арабский текст.

³ т.е. в состоянии ритуальной чистоты – *Прим. ред.*

Правомерно спросить, а можно ли – после столь многих попыток – добиться полностью «идентичного» перевода Корана. Многое говорит против этого.

Спиртное для Германии

Алжир, 3 мая 1962 г.

Некоторые мои соотечественники, разведывающие нефть в каменистой алжирской пустыне, вот-вот потеряют самообладание; кое-кто даже грозит покинуть лагерь. Не удивительно – ведь национально-освободительная война подступает к ним все ближе, и после предстоящего ухода французской охраны может начаться резня.

Поэтому Генеральный консул Германии в Алжире Зигфрид фон Ностиц поручает мне поднять дух этих людей с помощью двух ящичков виски: “Нефть для Германии!”

В сильнейшую бурю мы с директором нефтяной компании перелетаем через Атласские горы в ненадежном самолете DC-3 времен Второй мировой войны. Ящички с виски лежат на полу возле моего сиденья. В отличие от меня они не пристегнуты ремнем безопасности, и я тщетно пытаюсь придерживать их. Каждый раз, когда наш самолет попадает в воздушную яму, ящички поднимаются до уровня подлокотников моего кресла, секунду парят, будто в невесомости, а затем, как только самолет выравнивается, с грохотом падают на пол. Я хорошо знаю лишь одно: без виски моя миссия обречена на провал. Ведь нет спиртного, нет и морального духа.

Однако весь самолет уже пропах спиртным. Ситуация до того нелепа, что на этот раз меня минует воздушная болезнь.

В рабочем лагере нас приветствуют с некоторой сдержанностью и тревогой. Однако уцелело довольно много бутылок, и их раздают по кругу, почти как в вестернах. Я заверяю своих соотечественников, что мы в столице ежедневно находимся в гораздо более опасном положении – ведь в городе идет партизанская война. Я также обещаю, что в случае необходимости помогу им своевременно выбраться.

Говоря это – без особой уверенности в своих словах – я не могу не предвидеть судьбу местных алжирских солдат, *харки*⁴, которые охраняли этот лагерь. Вот они стоят – спокойные, сдержанные, погруженные в раздумья. В основе их непоколебимости лежит вера и только вера – Ислам. Однако моральный дух немецких рабочих требует подпитки спиртным.

⁴ *Харки* – арабы, воевавшие в Алжире на стороне французов. – *Прим. ред.*

Я нашел ответ

Алжир, 28 мая 1962 г.

Занимая пост атташе Генерального консульства Германии в Алжире, я за последние десять месяцев становлюсь свидетелем совершения ужасных преступлений и террористических актов. Редко какая ночь проходит без взрывов пластиковых бомб, а иногда их число доходит до сотни и больше. Месяц за месяцем в одной лишь столице расстреляли – в основном в упор – около тысячи человек. Фронт национального освобождения (ФНО) воюет с Францией за независимость Алжира.

«Черноногие» – французские и испанские поселенцы в колониальном Алжире – ведут борьбу и с Парижем, но лишь для того, чтобы удержать страну под властью Франции. Это их «Секретная вооруженная организация» – *Organisation Armée Secrète (ОАС)* – посылает в кварталы столицы подожженные бензовозы и охотится за алжирцами, словно за зайцами. Из окна своей квартиры в Эль-Биаре я вижу, что осталось от горного селения после того, как французские войска применили напалм. Разыскивая пациентов-немцев в больнице «Мустафа», я вижу, как каждые двадцать минут туда поступают новые жертвы, неизменно раненные в голову, в большинстве случаев в затылок.

Сейчас между Францией и ФНО заключено перемирие и назначена дата предоставления независимости. Поэтому ОАС – в рядах которой много дезертировавших немецких легионеров – сейчас отчаянно пытается подтолкнуть алжирцев к ответным действиям, усиливая террор и нарушая тем самым перемирие с Францией, чтобы оттянуть провозглашение независимости, возможно, на неопределенный срок.

По этому коварному замыслу диверсионные отряды ОАС стали уничтожать молодую алжирскую интеллигенцию в университетах, а алжирских женщин – что до сих пор категорически запрещалось – убивать, когда те ходят за покупками.

Когда на днях соседские дети пришли домой с полными ужаса глазами от увиденных зверств, которые чинили над алжирцами, мать успокоила их, сказав: «*C'ûtait seulement des Arabes!*» Всего лишь арабы...

Все это время я постоянно носил с собой пистолет «Вальтер» калибра 7,65 со взведенным курком и не раз пытался найти секрет, который позволяет этим дисциплинированным алжирцам с таким спокойствием переносить подобное презрение, оскорбления и жестокость. И наконец, я нашел ответ, перечитывая Коран. В 153-м *аяте* 2-ой *суры* сказано: **«О те, которые уверовали! Обращайтесь за помощью к терпению и молитве. Поистине, Аллах – с терпеливыми».**

Реакция мусульман

Бонн, 17 октября 1964 г.

Последние два года я – на своем уровне в политическом департаменте Министерства иностранных дел – отвечаю за отношения Германии с Индией, Пакистаном, Цейлоном, Непалом, Бутаном и Сиккимом.

Сколь бы часто я ни имел дело с индуистами или буддистами Индии или Цейлона я не могу наверняка предугадать их реакцию. С другой стороны, я, кажется, точно знаю реакцию пакистанцев или индийцев-мусульман и даже жителей Бангладеш. Она предсказуема. Данный феномен не обусловлен какими-либо мистическими связями между индо-германскими народами. Этому есть более рациональное объяснение: мусульмане исповедуют религию, основанную, как и наша, на Писании, в котором разъясняются правовые вопросы. Они тоже – «люди Писания» (ахль аль-китаб).

Профессор Мухаммад Хамидуллах, полиглот, индийский мусульманский ученый, подтвердил этот вывод, когда в 1941 г. открыл, что конституция мединского союза, обнародованная Мухаммадом ﷺ в первом году от хиджры, была первой письменной конституцией в истории государственности.

Благодаря Ибн Исхаку этот удивительный документ из пятидесяти двух статей дошел до нас в неизменном виде. В нем рассматриваются вопросы социально-экономической интеграции переселенцев из Мекки и правовых отношений между объединенными в союз иудейскими и арабскими племенами; правила оказания взаимной помощи, ведения союзнических войн и судебного производства, а также права на предоставление убежища (*Hammidullah M. The First Written Constitution in the World. – 3rd ed. – Lahore, 1975*).

На фоне этого было бы поистине удивительно, если бы имеющие правовую подготовку западные и мусульманские дипломаты не смогли сразу найти общий язык.

Любовь за доллар

Гонконг, 16 июня 1971 г.

Во время долгого перелета в Токио и Киото для участия в совещаниях между специалистами по политическому планированию министерств иностранных дел Германии и Японии мы с моим начальником, д-ром Дирком Онкеном, делаем промежуточную остановку в Гонконге.

Пролетая над Вьетнамом, мы наблюдали воздушные атаки на четко просматривавшуюся «тропу Хо Ши Мина», а стюардесса авиакомпании «Эр-Франс» тем временем подавала нам блюда *haute cuisine*⁵, приготовленные в ресторане «Риц» – в этом чувствовалось нечто сюрреалистичное. В настоящее время эта британская колония – типичная база для военных, находящихся вне зоны боевых действий, своего рода «зона отдыха». Кажется, кто-то громко и отчетливо выкрикнул: «Проститутки всех стран, объединяйтесь здесь!»

Западному туристу, гуляющему по центру города, приходится едва ли не отмахиваться от этих девушек, словно от мошкеры. Особенно щемит сердце, когда ко мне цепляется китаянка-подросток, отчаянно умоляя: «Всего один доллар, сэр!» Чтобы заработать побольше, этим девушкам, вероятно, приходится предлагать нечто особое и предаваться откровенным извращениям, наподобие некоторых особо садистских китайских форм содомии.

В любом случае, американские войска – даже в те дни, когда еще не было СПИДа – понесли от венерических заболеваний столько же потерь, сколько и во время военных действий.

⁵ *Haute cuisine* (фр.) – кулинарное искусство. – Прим. ред.

Всякий раз, когда падение нравов в сексуальных отношениях приобретает массовый характер, реакция христиан предсказуема. Сначала они начинают призывать к морали; некоторые даже считают гомосексуалистов и наркоманов жертвами заслуженного божественного возмездия. Позже, ввиду появления более убедительных для среднего обывателя объяснений, подобный метафизический, а потому «иррациональный», анализ отвергается. Вместо него христианам напоминают, что они должны проявлять сострадание к тем из своих соседей, кто сам навлек на себя беду.

Мусульмане смотрят на вещи несколько более взвешенно. Они знают, что божественные нормы поведения людей установлены не для Него, а для человека. Повинуются люди этим «нравственным» или «этическим» нормам, либо нет – это никоим образом не сказывается на Нем. Как сказал ‘Абд Аль-Кадир Аль-Джилани, чьи слова подтвердил Ибн ‘Араби: «Бог самодостаточен без Своего творения». Если люди чтут эти нормы, то действуют себе во благо; если же они их не уважают, тогда вредят себе. И этим все сказано.

Возьмем, к примеру, пьяного водителя, который врезается в дерево, или же мужчину-бисексуала, который заболевает СПИДом и передает его своей ничего не подозревающей жене: схема тут одинакова. Все это не «наказания», а всецело «естественные» последствия жизни вопреки и вразрез с внутренним устройством реальности, частью которой мы являемся.

С этой точки зрения Исламский кодекс поведения – *шариат* – получил наиболее подходящее название «путь». Остаться на этом пути – именно об этом чаще всего просят мусульмане: ведь всякий раз, читая открывающую суру Корана, «Аль-Фатиха», они молят о том, чтобы быть проведенными «прямым путем».

По стопам епископа Ария

Вена, 2 ноября 1974 г.

Вскоре после совершения в 1853 г. трудного и опасного паломничества в Медину и Мекку британский исследователь сэр Ричард Бертон (1821–1890) подробно до мелочей рассказал о своих приключениях в книге «Личное повествование о паломничестве в Аль-Медину и Мекку», которая стала незаменимым источником информации о провинции Хиджаз.

Многие представители викторианского общества тех дней ахнули от удивления, поскольку Бертон явно заврался, выдавая себя за мусульманина. Другие критики обвинили его в обратном – уж не слишком ли искренен был Бертон, поступая как мусульманин? Ведь степень его проникновения в веру, историю, язык и культуру Ислама и впрямь была неслыханной.

Сегодня кажется, что Бертон стал не только мусульманином, но даже суфием *тарики*⁶ (ордена) ‘Абд Аль-Кадира АльДжилани, – о чем сам автор мог лишь намекнуть в третьем издании своей книги, вышедшем в 1879 г. Тогда Бертон в духе мистического унитаризма отметил, что мусульмане (которые также почитают Авраама) – как «еретические христиане, а именно, последователи арианства» – ближе к учению Иисуса, чем христиане, которые следуют толкованиям, данным впоследствии св. Павлом и епископом Афанасием. В любом случае, мусульмане более просвещенные, терпимые и сплоченные, чем большинство христиан.

⁶ *Тарика* – путь; название суфийского «пути»; мистический метод, система или школа обучения; способ следования по мистическому «пути». – *Прим. ред.*

Разумеется, Бертон все-таки не смог преодолеть характерный защитный механизм, посредством которого жители Запада отгораживаются от фактов об Исламе, не соответствующих их излюбленным предубеждениям. Эта психологическая блокада восприятия сегодня действует почти так же, как и во времена крестовых походов, невзирая на недавнее изменение позиции Ватикана по отношению к этой родственной религии.

Узаконенная терпимость

София, 26 июля 1976 г.

Возвращаясь с VIII Международного конкурса балета – неофициальной хореографической олимпиады – который проходил в Варне, расположенной на черноморском побережье Болгарии, я обнаруживаю в Софии церквушку, что стоит ниже уровня улицы, словно провалившись в яму. Это странное здание – церковь св. Петки Самарджийской – является одной из главных достопримечательностей болгарской столицы. Его построили, когда страна еще входила в состав Османской империи. Мой гид объясняет, что такое странное расположение церкви свидетельствует о дискриминации христианского меньшинства со стороны мусульман. Я же рассматриваю это с другой позиции.

В конце концов, я знал, что после Реконкисты⁷ испанские христиане безжалостно уничтожили все мечети – от Малаги до Гранады и от Севильи до Толедо. Величественное здание в Кордове⁸ сохранилось, хотя и в изувеченном виде, только потому, что его можно было превратить в собор. Причем в XIX веке такая же участь постигла и Великую мечеть в Алжире.

Я также знал, что бесполезно разыскивать хоть какую-то из сотен мечетей, существовавших в Сербии и Греции, когда эти страны пребывали под владычеством Турции. В Белграде от разрушения вместе с остальными уцелела лишь одна небольшая мечеть, не представляющая никакой архитектурной ценности.

Что за поразительный контраст: мусульманские завоеватели не только позволяли христианам отправлять

⁷ Реконкиста – освобождение Испании от мавров (арабов). – *Прим. ред.*

⁸ Имеется ввиду дворец Альгамбра. – *Прим. ред.*

свои обряды в существовавших церквях, но даже разрешали им строить новые храмы при исламском правлении. Как бы еще смогли сегодняшние туристы любоваться такими шедеврами, как знаменитая византийская церковь Хора (*Кахрие-Джами*), а также греко-православные и армянские соборы в Стамбуле? Если бы мусульмане были столь же нетерпимы, как христиане, что бы тогда осталось от сербских монастырей и церквей на Охридском озере, в Грачанице, Дечани, Сопочани, Пече и Студенице и от величественного собора св. Софии (*Айя-София*) в Стамбуле?

Очевидное различие между нетерпимостью христиан и толерантностью мусульман основано на строгом предписании Корана о терпимости к верующим из числа других «людей Писания» (*ахль аль-китаб*), на котором сформировался детальный свод законов, защищающих как меньшинства, так и чужеземцев. Аят 256 суры «Аль-Бакара» четко гласит: «Нет принуждения в религии». Религиозный плюрализм разрешен в суре 5, аяте 48 как здоровое соперничество между благочестивыми людьми перед их Господом. Столь же ясно говорится об этом и в 8-ом аяте 42-ой суры : «**А если бы Аллах желал, то сделал бы вас единой общиной...**». Такую терпимость можно лучше понять, осознав, что мусульмане видят в Иисусе величайшего из иудейских пророков. «**...Что открыли Мы тебе [Мухаммаду] и что завещали Ибрахиму [Аврааму], Мусе [Моисею] и 'Исе [Иисусу]...**» (сура 42, аят 13).

Согласно либеральным исламским законам, регулировавшим права и привилегии меньшинств, христианам разрешалось создавать собственные общины и исповедывать свою религию в своих же церквях. Задолго до появления понятия «отказ от прохождения военной службы по религиозно-этическим соображениям» немусульмане освобождались от воинской повинности, выплачивая вместо

этого справедливо начисленный налог (*джизья*). Как и члены иудейских общин при христианском правлении, находящиеся под защитой субъекты (*зимми*) в исламских странах также должны были носить особую одежду. Они не могли поступать на государственную или военную службу, но имели возможность конкурировать в торговле и преуспевать в искусствах. Им даже разрешалось производить и употреблять свинину и вино. Более того, согласно исламскому праву (*фикх*) – как и римскому – договоры соблюдались независимо от вероисповедания сторон.

Увы, не в теории, а на практике печально известные крестовые походы часто приводили к значительному ухудшению положения христиан при мусульманском правлении. Как следствие, в эпоху позднего средневековья немусульманам не разрешалось строить церкви выше расположенных неподалеку мечетей – а отсюда и объяснение, почему церковь св. Петки Самарджийской стоит в низине. Ученые – последователи шафи‘итской школы *фикха* даже запретили звон церковных колоколов.

Но разве сравнима подобная дискриминация с тем фактом, что христианские правители запрещали не только призыв *му‘аззина* на молитву, но и Ислам как таковой?

Намерение в соблюдении поста

Белград, Рамадан 1977 г.

Мой садовник, албанец из сербского края Косово, что на юго-востоке Югославии, худ, как щепка, имеет, по видимому, девять жизней, словно кот, и является благочестивым мусульманином. Будто в подтверждение своего необыкновенного имени – Рамадани Рамадан – он тщательно соблюдает пост в течение всего лунного месяца Рамадан и при этом нисколько не пренебрегает своими ежедневными обязанностями. После *ифтара* – прерывания поста легкой пищей в надлежащий момент вечера – он идет пешком три мили до единственной в Белграде мечети, расположенной возле парка Калемегдан, чтобы совершить ночные молитвы (*'иша и тарауих*) вместе со своими албанскими товарищами и собратьями из Сараево, Мостара и других городов двух мусульманских республик коммунистической Югославии – Боснии и Герцеговины.

Иногда мы приглашаем Рамадани поесть с нами после *ифтара*. Это для нас единственная возможность, ведь он – с того самого момента, как мог при свете утренней зари различить белую и черную полоски – отказывался выпить с нами даже утреннюю чашку кофе.

Недавно я видел, как один пассажир-мусульманин столь же упорно соблюдал пост во время перелета в Стамбул рейсом авиакомпании JAT. Поглядывая время от времени на часы, он не притрагивался к еде, однако, при этом не позволял стюардессе унести ее – и так до тех пор, пока не наступило время *ифтара*, т.е. момент, когда разрешается прервать пост.

Не имеет значения, когда точно начинается и прекращается пост, если цель его соблюдения состоит лишь в том, чтобы сбросить вес, привести в порядок тело, очистить

его, продемонстрировать солидарность с голодающими в Африке или закалить свою волю путем психологического тренинга. Все эти результаты являются лишь побочными и случайными обретениями. Мусульманин же соблюдает правила Рамадана прежде всего потому, что их для него, Своего раба, предписал Господь.

Без откровения – слепы

Белград, 28 марта 1978 г.

Я обычно читаю две книги попеременно: отдыхаю от одного сложного текста, переключаясь на другой. Сейчас я применяю этот метод к классическому произведению исламской философии X–XIII веков *«Тахафут ат-тахафут»* («Опровержение опровержения») Ибн Рушда в переводе Саймона ван дер Берга (Лондон, 1969 г.).

Аверроэс пренебрежительно, и даже оскорбительно, обходится со своим оппонентом, выдающимся Абу Хамидом АльГазали – как это было принято в научных диспутах на Западе до XIX века включительно. Абзац за абзацем, Ибн Рушд почти полностью цитирует текст работы Аль-Газали *«Тахафут аль-фаласифа»* («Опровержение философов»), лишь добавляя в каждом из них свои опровержения, которые начинаются с горделивого: «Я, однако, считаю...».

Исламские философы раннего средневековья попали в сеть вопросов, впервые сплетенную их греческими учителями, а потому тоже пошли по стопам Платона, Аристотеля, Плотина и Прокла. Подобно грекам, персидские и арабские философы свели свои исследования к вопросам, касающимся извечности (или сотворенности) вселенной; связи между существующим и возможным, природы души и пр. Однако более всего этих мусульманских мыслителей увлекала космология: Может ли Бог, Недвижимый, быть Перводвигателем? Почему небесные тела вращаются именно так, а не иначе? Сколько существует ангелов?

Самый насущный философский вопрос нашей эпохи – «почему» или каков смысл нашего существования – затрагивался лишь поверхностно. Они подошли к нему только когда задумались над тем, создал ли Бог этот мир для Самого Себя. Так неужели эти благочестивые философы,

очарованные змием Аристотелем, остановили свой взгляд исключительно на философии прошлого? Или же они осознали тщетность, если не богохульство, занятий по исследованию мотиваций при восседающем на ложе Боге?

До наших дней дошли многие незаурядные и мудрые произведения мусульманских мыслителей, написанные такими гигантами мысли, как Аль-Фараби, Ар-Рази, Аль-Кинди, Ибн 'Араби, Ибн Сина (Авиценна), а также теми, о ком мы уже говорили. И все же сегодня больше всего поражает печальное осознание того, что интеллектуальные умозаключения применительно к вопросам метафизики приводят лишь к абсурдным предположениям. Эти философы ранней эпохи действительно доказали одно: что используя человеческую логику, мы не можем достичь сколько-нибудь достоверного понимания сути сокровенного. Если у Бога нет ни прошлого, ни будущего, если Его форма бытия – в Его вечном присутствии и если Он существует вне времени и пространства, что тогда мы можем знать о Нем благодаря интеллектуальному (или, несомненно, иррациональному) исследованию?

На фоне загадки нашего существования остаются непостижимыми даже чувственно воспринимаемые реалии бытия – то, что мы можем понюхать, к чему можем притронуться и что можем увидеть. Иными словами, без откровения мы слепы.

Вожденный глоток воды

Белград, Рамадан, 1978 г.

В этом году мы решили попытаться соблюдать пост в точности так, как это предписано мусульманам. Однако вопреки обычаю, широко распространенному в исламских странах, мы не пытаемся восполнить ночью – за счет сна – питание, от которого воздерживались днем. (Если бы, к примеру, католики устраивали роскошные пиршества с морепродуктами по пятницам, неужели бы это соответствовало духу предписания о запрете употребления мяса в эти дни?) В любом случае перед возобновлением поста важно заставить себя выпить как можно больше жидкости. (Ведь человек не сравним с верблюдом, по крайней мере, в способности быть естественным хранилищем воды.)

Первые два дня соблюдения поста – самые трудные: это дни постоянной головной боли. Поэтому желательно продолжать пост, даже когда правила позволяют прервать его, например, во время поездок.

В течение дня необходимо попытаться максимально использовать естественные «пики» кривой вашей биологической активности. Для этого я делю свою работу на дела, которые сделать «необходимо», «следует» и «можно», и решаю «необходимые» задачи тогда, когда мое кровяное давление достигает естественного максимума – поздним утром и в послеобеденное время. Я также тщательно слежу за тем, чтобы, находясь за рулем, не создавать угрозу жизни других (и своей собственной) из-за низкого содержания сахара в крови или пониженного давления. В конце концов, после VII века риск стать виновником несчастного случая со смертельным исходом по невнимательности или рассеянности возрос в тысячу раз.

Соблюдение поста в Югославии постоянно напоминает, что вы – чужак. К примеру, необходимо отказываться от турецкого кофе, сока и воды – приятной в любое другое время традиции – предлагаемых в Министерстве иностранных дел на улице Кнеза Милоша. Однако, вежливо отказываясь от такого гостеприимства во время Рамадана, я замечаю некоторое понимание и даже уважение, хотя бы потому, что в этой якобы атеистической стране и поныне проживает около миллиона граждан-мусульман.

Спустя неделю соблюдения поста – не менее восемнадцати часов в день, когда Рамадан приходится на летний период – доходишь до той точки, когда совершенно естественно начинаешь экономить свои движения и слова. Я чувствую, что двигаюсь медленнее, разговариваю только при необходимости, не смотрю понапрасну по сторонам и каждый день становлюсь все независимее и даже, пожалуй, мудрее. Вечером я приступаю к еде, начиная с традиционной оливки, которую запиваю глотком воды, – и даже это не превращается в обременительную церемонию. Как и только что политому высохшему растению, человеческому телу достаточно так мало, чтобы быстро восстановиться. Сейчас хочется легкой, вегетарианской пищи.

Кажется, что день ото дня моральный дух становится все сильнее, как и уверенность в том, что ты правильно расставляешь приоритеты. В конечном счете, не призван ли изначально пост развивать иммунитет против соблазна, называемого *ширк*, т.е. риска обожествления того, что не играет в жизни никакой существенной роли?

Боль в мышцах и подъем духа

Эдирне, 12 июля 1978 г.

Синан, который с 1539 г. был главным архитектором султана Сулеймана Великолепного, увенчал достижения своей жизни мечетью Селимийе в Эдирне, построенной в период с 1567 по 1574 гг.

Однако немногие посетители знают, что он спроектировал три обособленные лестницы внутри одного тонкого минарета. Они обвивают друг друга, не соединяясь нигде, кроме входа и выхода.

Служитель мечети сделал для меня исключение, позволив подняться. Но вот незадача! Мне пришлось низко пригнуться и медленно, приставным шагом продвигаться во тьме, распугивая летучих мышей (и, наоборот, пугаясь их). Другого пути в этом узком спиральном проеме нет. Вскоре у меня задрожали колени. Но о том, чтобы спуститься, не было и речи, ведь я не мог повернуться. Положение сложное и в высшей степени символичное: я не знаю, когда закончится этот подъем, но знаю, что это произойдет. Я избрал направление, и это решение бесповоротно.

В конце концов, я вернулся грязный, изможденный и взволнованный, но и приобрел при этом немало, заполучив – боль в мышцах и подъем духа!

Конкурс балета – теологический спор

Белград, 26 января 1979 г.

Будучи одновременно помощником адвоката, балетным критиком и исполнительным секретарем Мюнхенского балетного клуба, я ежегодно организовывал дневные танцевальные концерты в театре Гертнерплац. Программа неизменно строилась на личном, нерегламентированном участии представителей от частных балетных школ. Мое истинное (но скрытое) намерение состояло в том, чтобы продемонстрировать наивным родителям и учащимся школ танцев существенные качественные различия между балетными школами, одни из которых характеризовались высочайшим уровнем, а другие – просто жалким. Я надеялся, что в соперничестве с первыми последние исчезнут сами собой.

Возможно, Герхард Чесны втайне следовал той же схеме, публикуя результаты опроса мнений ученых-теологов от католической, протестантской, буддистской, исламской и иудейской конфессий (*Die Antwort der Religionen. – Reinbek. – 1971*). Каковой бы ни была цель редактора, трудно читать невнятные, растянутые, вымученные ответы двух представителей христиан, особенно в сравнении с краткими, точными и взвешенными ответами Мухаммада Асада, говорившего с позиции Ислама, и Курта Вильгельма, представлявшего точку зрения Иудаизма.

Профессор-протестант Эрнст Вольф исписал несколько страниц, размышляя о взаимосвязи материального и сокровенного, но при этом не удосужился хотя бы единожды упомянуть о Боге.

И только посмотрите, сколь многословен католический профессор Йоханн Баптист Мец: «Поскольку это откровение, переданное через Иисуса Христа, считается уникальным

следствием спасения, в котором вопрос о существовании человека раз и навсегда нашел свой исторически непревзойденный ответ, этот ответ должен оставаться достоверным, существовать как норма и быть доступным для человечества на протяжении его истории, и именно это стало возможным через посредство «Священного Писания», хотя эта письменная конкретизация события ниспослания откровения была осуществлена внутри человеческого общества, которое уже обладало писанием как средством объединения исторической традиции». Ну и ну!

Мухаммад Асад, напротив, четко излагает следующее: «У Ислама отсутствует двойственный взгляд на реальность... Поэтому нельзя противопоставлять «иную» и «нашу» реальность, а можно только говорить об постижимых и непостижимых аспектах одного и того же целого». И далее: «Одно лишь естествознание не в состоянии обнаружить все аспекты реальности... Чтобы дать нам необходимое руководство, которого не может предоставить наука, Бог ниспосылает нам его способом, именуемым откровение, которое Бог дает определенным особенно восприимчивым личностям, называемых пророками». И точка.

Кисмет – не оправдание

Бонн, 27 февраля 1980 г.

Восхитительная автобиография Мухаммада Асада – книга «Дорога в Мекку» (Франкфурт, 1955) – научила меня тому, что восточный фатализм, при верном понимании, – это отношение не к будущему, а к прошлому. Смиренность перед судьбой (*кисмет*) не оправдывает бездействия. Это просто означает, что во всем происходящем, нравится оно нам или нет, усматривается Божья воля.

Таким же важным для меня был и вывод Асада о том, что двойственность бытия или, скорее, враждебность по отношению к «плотскому Я», которую привнес в христианство св. Павел, лишает человека его достоинства как совершенного создания. В итоге под маской христианства возродилось манихейство, представители которого даже сегодня разграничивают так называемое «священное» и «мирское», причем способом, полностью чуждым взгляду мусульман, рассматривающих вещи в их единстве и взаимосвязи.

Асад также привлекает внимание к факту, которому часто не придают значения, – что Мухаммад ﷺ совершил переворот в системе ценностей арабского общества, заменив главенствующие племенные узы (национализм нынешнего дня) совершенно новым политическим понятием «сообщества» – его *уммы* – основанной исключительно на религиозной сплоченности. В равной степени революционными были его наставления о совершении молитвы. Ведь смиренное падение ниц перед Богом противоречило самой природе этих гордых и непокорных жителей пустыни – курайшитов.

Представление дервишей

Конья, 13 июля 1980 г.

Из окна гостиницы нам открывается вид на причудливый зеленый купол, возведенный над мавзолеем Маулана Джалаладдина Руми; это точная копия купола над мечетью Пророка в Медине. Религиозный орден, известный как «вертящиеся дервиши» (*тарика мавлавийа*), вдохновителем которого был Руми, выжил, хотя и был объявлен вне закона Ататюрком 13 декабря 1925 г., точно так же, как выжил орден иезуитов, после запрета, наложенного Папой в 1773 г. и длившегося 41 год.

Сегодняшних дервишей преподносят как актеров развлекательного фольклорного представления. Однако вскоре зритель обнаруживает, что он участвует в обряде, цветущем на обочинах Ислама. Здесь сразу же становится понятно, что непрерывное вращение дервишей – это не редкостный или странный танец, а способ погружения в религиозные созерцания.

Мой учитель игры на оркестровой бамбуковой флейте (*ней*) – сам увлеченный дервиш. Он пытается подтолкнуть меня к изучению, причем в первую очередь не Корана, а «Маснави» – монументального литературного *uvre*⁹ своего учителя, которое представляет собой огромное собрание богатой, мистически вдохновленной религиозной поэзии.

Мой *нейсен*¹⁰ обожает экстатичную лирику всеобщей любви, автором которой является Руми, так как она, повидимому, наводит мосты между всеми различиями в вероучении. Эти мавлави действительно ведут своих последователей к оптимистическому унитаризму с исламской

⁹ *uvre* (фр.) – здесь: произведение. – Прим. ред.

¹⁰ *Нейсен* – учитель игры на флейте ней. – Прим. ред.

окраской и оттенками пантеизма. Не это ли подразумевается под словом тарика – «путь»?

Еретик св. Павел

Стамбул, 20 июля 1980 г.

Нельзя ожидать ответа на вопрос, какого роста был Иисус; какой цвет ему нравился больше всего; любил ли он мед или чеснок; или же какой из башмаков он надевал поутру первым. Честно говоря, все это довольно банальные стороны жизни выдающегося человека. Но здесь нужно отметить один момент: мы знаем все эти, а также другие подробности о пророке Мухаммадеﷺ. Однако, судя по Евангелию, Иисус предстает просто как легендарная фигура, лишенная конкретных черт. Некоторые объясняют это различие трудностью ведения записей о жизни человека, который жил за 600 лет до Мухаммадаﷺ.

Но тому есть лучшее объяснение: многочисленные, тщательно собранные и проверенные сообщения (хадисы) о раннем периоде Ислама передавали только достойные доверия очевидцы, донесшие до нас бесценные собрания хадисов. С другой стороны, Евангелия – это по большей части то, что было восстановлено позже и зачастую только на основе молвы. Мы почти никогда не слышим слова самого Иисуса. Мы, скорее, читаем более поздние толкования того, что он хотел сказать.

Поскольку Новый Завет – это не первичный, а вторичный источник, его никак нельзя ставить в один ряд с Кораном. Его, скорее, можно сравнить с недостоверным собранием сомнительных хадисов. Вот самый ошеломляющий тому пример: при использовании правил исламских исследований из Нового Завета были бы исключены все послания св. Павла, поскольку он никогда не видел Иисуса, не встречался и не разговаривал с ним.

Учитывая глубочайшее влияние толкования событий вокруг Иисуса, данного св. Павлом, на развитие

христианского мира, сегодняшним христианам (в противовес ранним иудеохристианам) было бы впору называть себя «павлинистами». Поистине, вся христианская ересь – последующее истолкование Иисуса как Бога, догмат о «Троице» и демонизация «плоти» – берет свое начало от Павла.

Нравственность в бизнесе

Стамбул, 22 июля 1980 г.

Рассматривая витрины на крытом стамбульском базаре (Капалы Чарши), мы задерживаемся у оставленной без присмотра сувенирной лавки. Хозяин ближайшего магазинчика тотчас же предлагает нам товар с прилавка своего соседа, нисколько не пытаясь завлечь нас в собственный павильон с сувенирами или извлечь для себя хоть какую-то выгоду.

В другом месте мы вносим полную предоплату за изготовление на заказ и доставку в Германию кожаного пиджака. Мы получим его, хотя никогда прежде не встречались с этим торговцем и, вероятно, никогда не увидимся с ним вновь.

Позже моя жена просит ювелира оценить стоимость одного безупречного бриллианта. Он исчезает вместе с камнем на полчаса, чтобы посоветоваться с другом, который лучше разбирается в этом, чем он. Мы спокойны, так как уверены, что получим обратно именно этот бриллиант, а не другой.

Чем можно объяснить такие нравственные принципы в бизнесе – когда торговцы проявляют бескорыстие, а не вступают в ожесточенную конкуренцию? Неужели это обусловлено прозрачностью рыночных отношений на базаре или высокими нравственными нормами, унаследованными от прежней системы наказаний? Являются ли они следствием фаталистического подхода к экономической деятельности? Или это результат братских чувств в действии?

Эти исламские нравственные принципы реально существуют, и оттого сложно охарактеризовать экономическую систему Ислама как некую формальную альтернативу. Литературы, посвященной этой теме

(преимущественно ведению банковского дела на беспроцентной основе), предостаточно, однако не существует единой реально действующей модели чисто исламской экономики. Одна из главных причин этого заключается в отсутствии четкой и универсальной исламской системы регулирования коммерческих отношений. Ведь Коран и сунна, равно как и Основной закон Федеративной Республики Германия и Конституция США, устанавливают, главным образом, лишь общие рамки рыночной экономики, основанной на частной собственности и социальной ответственности. Более конкретные законы в основном сводятся к сферам действия договоров и налогообложения, и характеризуются запретом выплаты чистых процентов, ростовщичества и коммерческих сделок с элементами азарта (как, например, спекулятивная торговля товарами, которые будут произведены или приобретены в будущем).

Поэтому суть исламского ведения бизнеса следует искать в соответствующих нравственных предписаниях Корана. Она не отличается от устоев христианской экономики. На самом деле, Ислам может осуществить реформу традиций предпринимательства только – если это вообще возможно – путем реформирования человека. Значение здесь имеет не сама система, а образ экономического мышления и этика мусульманских производителей и потребителей, подрядчиков и банкиров, которые несут ответственность перед обществом.

Три раза, а не четыре

Стамбул, 29 июля 1980 г.

Ужасно жарко, а мы пробиваемся сквозь транспортный поток в знойном Стамбуле на долмуше, автобусах и пешком – на ноющих ногах, чтобы навестить друзей, с которыми нельзя связаться по телефону.

Моя теща Зекие звонит в дверь один раз, второй и – немного выждав – третий. Ответа нет. Она молча разворачивается, не давая мне позвонить в четвертый раз, потому что «так не делают». Поступая подобным образом, она вряд ли осознала, что соблюдает правило, установленное Пророком ﷺ; она действовала так, как принято в исламском мире. Однако ее реакцию можно объяснить случаем, приведенным среди правил поведения в 74-й книге знаменитого собрания хадисов АльБухари («Сахих»).

Согласно хадису № 261, переданному Анасом, Мухаммад ﷺ, обращаясь за разрешением войти, никогда не возвещал о своем намерении приветствием, оглашенным более трех раз. Если дверь оставалась закрытой, он справедливо полагал, что хозяев либо нет дома, либо они не могут его принять.

Это только один из многих примеров того, как поведение Пророка Ислама ﷺ вошло в обычную жизнь целого народа. Чем больше я изучаю огромные собрания хадисов (особенно тех, которые собрали и проверили на достоверность Аль-Бухари и Муслим), тем шире открываются мои засоциологизированные глаза. И я вижу, что Ислам – это подлинная культура.

«Дорога в Мекку»

Бонн, 18 августа 1980 г.

Мы почти подошли к концу XX века, а потому можем утверждать, что на протяжении последних ста лет никто не внес в разъяснение и распространение Ислама на Западе больше, чем австриец Мухаммад Асад (ранее носивший имя Леопольд Вайс, еврей по происхождению). Его влияние обусловлено не только признанием глубокой мудрости и образованности этого человека, но также и его нравственными качествами.

Асад родился в 1900 г. и прожил активную жизнь, получив немало возможностей проявить и применить многие свои таланты. В 14 лет он убежал из дома, чтобы вступить в австрийскую армию и сражаться в боях Первой мировой войны. В 19 лет он стал помощником д-ра Мурнау, а затем работал у Макса Рейнхарда – двух выдающихся деятелей раннего кинематографа.

К 22 годам Асад уже стал ближневосточным корреспондентом «Франкфуртер Цайтунг» – одной из самых авторитетных немецких газет. Впоследствии, приняв в 1926 г. Ислам, он подружился с королем Ибн Саудом и Мухаммадом Икбалом.

Конец Второй мировой войны застал его в Индии. А после создания Пакистана, Асад занял пост заместителя министра по ближневосточным делам в Министерстве иностранных дел этого нового государства, которое впоследствии направило его в Нью-Йорк в качестве своего постоянного представителя при ООН.

Это лишь некоторые из наиболее примечательных ролей, которые он исполнял в своей совершенно удивительной жизни, в истинно исламской манере соединившей в себе

мысль и дело, философию и религию, эстетику и политику. Асад – человек Возрождения по-исламски!

Сейчас все его книги по праву стали классикой. Книгой «Ислам на распутье» (1934) Асад помог восстановить достоинство и культурное самоутверждение апологетического исламского мира, который утратил уверенность в себе под давлением западного технологического превосходства. Работая над книгой в Дели, Асад более пятидесяти лет назад с потрясающей дальновидностью предсказал: «Может статься так... что растущее социально-экономическое недовольство и, возможно, новый виток мировых войн невиданного доселе масштаба, а также террор с использованием достижений науки – все это приведет западную цивилизацию к такому отвратительному до нелепости материалистическому самообману, что ее народы вновь станут, смиренно и старательно, искать духовные истины – а затем, пожалуй, станет возможно успешно проповедовать Ислам на Западе».

Блестяще написанная автобиография Асада «Дорога в Мекку» (1954) – это трогательное свидетельство его обращения в Ислам. В книге «Основы государства и правления» Асад без колебаний признает, что после Абу Бакра, ‘Умара, ‘Усмана и ‘Али – первых четырех халифов, правивших из Медины, истинного исламского государства так и не было. Он также утверждает, что Коран и сунна содержат лишь некоторые точные указания по устройству исламского государства и общества, и делает далеко идущие выводы:

1. Совокупность Исламских правовых норм, развивавшихся на протяжении восьми веков, гораздо обширнее, чем их обязательная для исполнения основная часть (*шариат*).

2. В рамках конституции (и законодательства), отражающих эти основные правовые нормы, исламское государство смогло проявить многие черты, присущие парламентской демократии и власти закона, в том числе американскому институту президентства и верховного суда.

3. Следовательно, пробуждение Ислама не обязательно предполагает восстановление исламской теократии.

Асад работал дома в Медине, где за несколько десятилетий перевел и прокомментировал первую часть собрания хадисов Аль-Бухари («Сахих Аль-Бухари: Ранние годы Ислама», 1938) и весь Коран («Послание Корана», 1980). Этот перевод на достойный Шекспира английский язык стал литературным, научным и историческим событием. Написанием комментариев к Корану Асад обязан великому египетскому реформатору и комментатору Корана шейху Мухаммаду ‘Абдо (автору знаменитого труда «*Рисаля ат-таухид*»¹¹, 1897 г.). Асад, как и он, всегда стремился к наиболее логичному и прямому толкованию, используя самые последние достижения лингвистики и естествознания и не выказывая ложного почитания благочестивым традициям и легендам, которые завладели живой сущностью Ислама до такой степени, что стали препятствовать логическим рассуждениям.

То, что этот великий человек, отстаивая свои духовные и нравственные идеалы, решил в возрасте 80 лет переехать из Медины в Танжер, а оттуда в Португалию и Испанию, доказывает всем, что Мухаммад Асад остается верным самому себе – требовательным, наблюдательным и деятельным.

¹¹ «Послание о единобожии». – *Прим. ред.*

Эмансипация по-мусульмански

Бонн, 25 августа 1980 г.

Идея о том, что принесением в жертву мужчины, женщины или животного можно получить прощение, очень стара (и уходит корнями в язычество). Кроме того, она явно предшествует признанию Бога «Милостивым и Милосердным». Когда христианские догматики оправдывали распятие Иисуса как «необходимую жертвенную смерть», они продолжали приводить доводы в рамках логики этого языческого культа жертвоприношения. Итак, чтобы быть способным (!) к прощению, Богу необходимо (!) принести в жертву Самого Себя? Кто, спрашивается, определил для Бога подобную потребность и поставил такое условие? Не является ли подобное мышление откровенным богохульством?

Образ Бога, представленный нам в Коране, даже в таких «христианских» *сурах* и *аятах*, как сура «Аль-Фатиха» и «Аят о Троне» (сура 2, аят 255), менее очеловечен и гораздо более возвышен, нежели традиционное христианское представление о Боге. Еще более примечательно то, что Коран не признает никакого заступничества в отношениях между человеком и его Богом. **«Кто заступится пред Ним, иначе как с Его позволения?»** (сура 2, аят 255). Ни халиф, ни имам, ни святой не могут вступаться за третье лицо (в христианском понимании слова «посредник»).

Иными словами, еще в VII веке н.э. мусульмане были освобождены от опеки распорядителей таинствами и подведены к неослабевающей, непосредственной и реальной связи с Богом – связи, которая более приличествует современному человеку, человеку зрелому.

Печать пророков

Бонн, 27 августа 1980 г.

В процессе развития человеческого интеллекта неизбежно должно было возникнуть понятие «Один и Единственный Бог». Политеизм должен был трансформироваться в иерархию богов – хотя бы потому, что каждый завоеватель ставил бога (богов) своего племени выше бога (богов) тех, кого он подчинил. Это стало решающим этапом в продвижении к признанию высшего из богов.

Иудейский прорыв к монотеизму был несовершенен, поскольку Яхве по-прежнему считался богом племени.

Иисус исправил такое неверное представление. Но послание этого «Сына Божьего» было искажено, когда последователи Иисуса восприняли его родство с Богом буквально.

Должен был прийти иной пророк, чтобы проповедовать Бога – высшего и Одного и Единственного для всех. Этот окончательный прорыв является грандиозным вкладом Ислама в духовное развитие человечества. Тот факт, что совершенство и истину улучшить невозможно, делает Мухаммада ﷺ «Печатью всех пророков».

Ислам *a la carte*¹²?

Бонн, 2 сентября 1980 г.

Бывшие агностики и последователи Людвига Виттгенштейна испытывают соблазн подходить к Исламу избирательно. Так, они пытаются разграничить в Коране теологические положения, имеющие вечную ценность и силу, и устаревшие нормы поведения в повседневной жизни. Они стремятся к рациональности и не более того, а потому опускают «устаревшие» аспекты Книги как утратившие силу с течением времени.

Совершение молитвы пять раз в день? Соблюдение поста целый месяц? Отказ от алкоголя и выплаты процентов? Пожалуй, неплохо, но в современном технологическом обществе это уже просто неосуществимо.

Подобная реакция означает исключение из Корана всего неудобного, выбор из него *a la carte*, избирательное подчинение воле Бога.

Известно, что новообращенных в Ислам отличает спокойствие и уверенность в избранном пути; кажется, они пребывают в благодистой гармонии с самими собой и окружающим миром. Но как познать возможности Ислама, если не через полное повиновение?

¹² По желанию (фр.) – Прим. ред.

Мусульманин вопреки самому себе

Бонн, 11 сентября 1980 г.

Вот уже некоторое время, стремясь к большей точности и краткости, я пытаюсь систематично изложить на бумаге все философские истины, которые, по моему мнению, можно установить вне всякого логического сомнения. Итогом такой пожизненной борьбы с ограниченным доступом человека к реальности должен стать необычный подарок ко дню рождению моего сына Александра¹³.

В ходе работы меня осенило, что характерная позиция атеиста не разумна; что человек просто не может уйти от решения уверовать; что сотворенность всего существующего вокруг нас очевидна; что Ислам несомненно пребывает в величайшей гармонии с окружающим миром. Таким образом, я понял – и это поразило меня, – что шаг за шагом, вопреки самому себе и почти неосознанно, в чувствах и мыслях, я превратился в мусульманина.

Теперь остается сделать только последний шаг – официально объявить о моем обращении в Ислам.

¹³ 16-страничная брошюра «A Philosophical approach to Islam» (3-е немецкое издание, Мюнхен, 1997; английское издание, Кельн, 1983, ISBN 3-8217-0025-4).

**Ля иляха ильляллах,
Мухаммад расулюллах**

Бонн, 25 сентября 1980 г.

В Исламском центре г. Кельна я произнес свидетельство веры, шахаду: «*Ля иляха ильляллах, Мухаммад расулюллах*», и выбрал себе исламское имя Мурад.

Отныне я – мусульманин. Я достиг желаемого.

Почему не учетверенность?

Бонн, 26 сентября 1980 г.

Если можно представить себе Святую Троицу, то отчего бы богу не быть в четырех подобиях? Если «Перворождение», то есть «Эманация», имеет ту же природу, что и Первопричина, почему тогда в этой природе не участвует и второе истечение? А было бы создано понятие Троицы, если бы отцы Церкви не знали философов-неоплатоников Плотина и Прокла, которые в «*Liber de causis*» («Книга о причинах») разграничивают между «космосом» (Бог-Отец?), «умом» (Святой Дух?) и «душой» (Сын?)? То есть тетралогия эманаций столь же христианская, сколь и гностическая.

Вертящиеся дервиши из Коньи

Бонн, 9 октября 1980 г.

В Бетховенском зале Бонна вертящихся дервишей из Коньи представляют так, словно это танцевальный ансамбль с выставки. Поэтому многие зрители ожидают увидеть экстатичное верчение безудержных, если не разнузданных, танцоров, а не медитативную духовную церемонию, которую им предстоит увидеть. Но исполнители – добропорядочные женатые монахи, живущие в городе – далеко не такие; они представляют вершину классической религиозной поэзии и музыки Турции.

Их церемония начинается с персидской хвалебной песни, сочиненной Джалаладдином Руми, которую слепой хафиз, Джани Карадж исполняет сильным, но молящим *basso profundo*. Дервиши-мавлави, одетые в костюмы с богатой символикой, выходят беззвучно: их войлочные колпаки (сикке) олицетворяют надгробия; черные кафтаны вызывают в воображении мрак могилы; а белые короткие куртки и юбки напоминают саваны.

Сначала дервиши трижды проходят по кругу, ступая неровными, замедленными шагами. Всякий раз, минуя почетное место, где находится их шейх, они поворачиваются для взаимного поклона со следующим дервишем. Целуя руку шейха, они совершают низкий поклон, а он слегка наклоняется и целует их *сикке*.

Только после этого *мавлави* приступают к вращению, скрестив сначала руки и положив ладони на плечи. Однако вскоре их руки раскрываются – правая ладонь поднята к небу, а левая обращена к полу. (Все исходит от Бога, сверху; и все, что дервиш получает, он с любовью передает своему сотоварищу.) Дервиши вращаются спокойно, в одинаковом, равномерном, легком ритме, оставаясь при этом на месте,

либо передвигаясь. Балетный критик определит их движения как повороты налево, *en dedans*¹⁴, на четыре счета: раз, два, три – подготовка (смена ног), четыре – завершающий вращательное движение поворот на правой ноге.

Невероятно, но дервиши продолжают такое вращение в течение 20–25 минут, никогда при этом не потея и не проявляя признаков головокружения или одышки. Этих мистиков иногда сравнивают с белыми бабочками, а иногда – с планетами, обращающимися вокруг духовного центра. И не удивительно, ведь кто способен наблюдать за ними и не впасть в гипнотическое состояние от размеренных волн их спокойного кружения? После этого начинаешь постигать очень тонкие физические методы погружения в религиозный экстаз во имя Ислама.

Их пожилой шейх Салман Тюзюн благодаря своему непререкаемому авторитету демонстрирует на сцене особое действо. Его повороты – это изящное, медленное, словно в трансе, движение, которое, однако, производит потрясающий визуальный эффект. Теперь зрители – все до последнего, мужчины или женщины, – понимают, что это не знакомое тягостное зрелище стареющего танцора, отказывающегося идти на пенсию. То, что мы наблюдаем, – неподвластная возрасту харизма, основанная на аскетизме.

¹⁴ *En dedans* (фр.) – внутрь. – Прим. ред.

Неуязвимость Ислама

Бонн, 26 февраля 1981 г.

Когда мусульмане сравнивают опасность коммунистического мира с угрозой, исходящей от Запада, многие больше боятся стать объектами западного духовного низвержения, чем быть физически раздавленными коммунизмом. Они делают такой вывод, верно подмечая, что ни Советскому Союзу, ни даже советским танкам в Афганистане до сих пор не удалось уничтожить Ислам.

Исламу нельзя нанести невосполнимый вред по точно такой же схеме, как христианству, – арестовывая епископов и священников, препятствуя отправлению таинств или изымая священные книги. На самом деле, тысячи советских мусульман – *хафизы* (знающие Коран наизусть). Более того, при необходимости мусульмане могут молиться по отдельности, в любом чистом месте, где угодно. В этом состоит одна из тайн способности Ислама к сопротивлению на протяжении долгого времени тоталитарного правления. Именно это объясняет тот ошеломляющий факт, что миллионы китайских мусульман выжили при Мао Цзедуне и культурной революции, а несколько сотен семей испанских мусульман пережили не только Реконквисту, но и правление Франсиско Франко.

Увы, Ислам не обладает таким же иммунитетом против менее откровенной и менее систематичной миссионерской работы – когда его сила коварно подрывается не конкретными стараниями христианства, а вследствие незаметного и всепроникающего влияния западной технологической цивилизации.

Западное индустриальное общество оказывает отравляющее влияние на все религии, включая и свою собственную, пропагандируя ценности, основанные

исключительно на материалистических посылках. Утилитарное мышление, максимизация прибыли, фетишизация постоянного роста производительности, мифы о бесконечности прогресса, подавившее философов тщеславие ученых-естественников, ярый агностицизм и девальвация ценностей у образованных людей – вся гонка за рационализацией каждого аспекта жизнедеятельности на Западе изначально враждебна религии. Технократическое общество, в котором живем мы на Западе, с его культом индивидуализма и моралью *laisser faire/laisser passer*¹⁵, поистине чревато полным разрушением этических основ, на которых построено само это общество, т.е. ценностей и манер поведения, уходящих корнями в веру наших предков в Бога.

Турция – главный пример этого процесса с точки зрения деисламизации. Ататюрк рассматривал религию своих соотечественников как помеху для модернизации из-за якобы отсталости Ислама. В турецких городах Ислам был фактически похоронен под культом прогресса, процветания и решения «научных» проблем. По крайней мере, это касается так называемых образованных представителей высшего и среднего классов, проживающих в городах. Они поклоняются скорее науке, чем своему Создателю.

И все же, некоторые из этих просвещенных сынов секуляризованной Турции любят заявлять: «Я – мусульманин, не соблюдающий религиозных норм, но глубоко в сердце я верю в Аллаха. Эта моя врожденная вера стоит больше, чем ежедневная пятикратная молитва». Подобное заявление можно нередко услышать от «мусульман», чье смутное представление о религии их отцов сводится к некоторым – зачастую несерьезным и

¹⁵ *Laisser faire/laisser passer* (фр.) – здесь: будь, что будет. – *Прим. ред.*

малозначительным – аспектам, которые пересказали им бабушки.

Если бы Ататюрк не загнал религиозное обучение в подполье, то образованные турки, вероятно, понимали бы, что даже исламские мистики никогда не воспринимали религию как дело лишь сердца. Эти мнимые «современные» мусульмане возможно бы осознали, что Ислам – подчинение Богу – подразумевает и подчинение Его руководству, предписаниям и законам.

На этом фоне смешно выглядят сегодняшние отчаянные попытки Управления по делам религии Турции нейтрализовать отрицательные последствия столь долгого пренебрежения Исламом, явно оказавшие пагубное воздействие на поиск нацией своего места в современной эпохе. Обученных и оплачиваемых государством турецких имамов и ходжей (учителей) сейчас посылают даже в Германию, поставив перед ними запоздалую и трудную задачу – взять под контроль широкую неофициальную сеть школ по изучению Корана, мечетей и суфийских братств, которые возникли среди турецких рабочих в ответ на политику секуляризации, предпринятую Ататюрком.

Исламское международное право

Бонн, 12 марта 1981 г.

Термин «международное право» подразумевает его признание во всем мире. Однако международное право всегда имело силу лишь настолько, насколько его почитали и соблюдали на «государственном» уровне. В недалеком прошлом нам вновь довелось узнать о возможности существования особого, регионального международного права, хотя это и кажется равнозначным *contradictio in adecto*¹⁶.

Регионализм в международном праве – это не только явление латиноамериканского или коммунистического мира, где зловещая идея «пролетарского интернационализма» достигла кульминации в так называемой брежневской доктрине. Исламский мир также не участвовал в разработке норм международного права, действовавших среди христианских государств, вплоть до завершения Крымской войны.

Иначе, в принципе, не может быть даже сегодня, поскольку шариат отвергает как понятие «естественного» закона, так и возможность мирных договоров между исламскими и неисламскими государствами. Однако вместо того, чтобы питать надежды по поводу романтического понятия «семьи наций», исламское законодательство подчеркивает различие между мусульманами внутри сообщества (*дар аль-ислям*, дом Ислама) и немусульманами вне его (*дар аль-харб*, дом войны). В равной степени важно и то, что исламская теория права исходит из посылки о том, что все мусульмане образуют единую общность – умму – и поэтому отвергает идею о множественности государств.

¹⁶ *Contradictio in adecto* (лат.) – противоречие в определении. – Прим. ред.

Следовательно, исламское право и поныне отказывается трактовать связи между мусульманскими сообществами как межгосударственные отношения.

Как показал Ганс Крузе (*Islamische Volkerrechtslehre*, 2nd ed., Vochum, 1979), исламское правоведение, тем не менее, способно справиться с упрямыми фактами международных конфликтов.

Во-первых, исламские ученые – как и их западные коллеги – учат, что договоры и соглашения необходимо выполнять независимо от вероисповедания другой стороны. Не имеет практического значения, что мусульманские правоведы сформулировали этот основополагающий закон *pacta sunt servanda*¹⁷, опираясь на божественное предписание Корана, а не на нормы традиционного международного законодательства. Здесь важно то, что мусульмане, из уважения к своему внутреннему законодательству, соблюдают международные договоры (которые немусульмане выполняют из уважения к международному праву).

Во-вторых, мусульманские правоведы искусно изобрели юридические приемы, позволяющие им примирить жестокую реальность с изощренной правовой теорией. Так, они оправдали (недозволенное) развитие долговременных мирных отношений между мусульманскими и немусульманскими государствами на основе продлеваемого с молчаливого согласия (дозволенного) перемирия.

¹⁷ *Pacta sunt servanda* (лат.) – Договоры следует выполнять. Термин международного права. – *Прим. ред.*

Скандал *haute couture*¹⁸

Стамбул, 1 августа 1981 г.

Сегодня *‘Ид аль-фитр*, исламский праздник знаменующий окончание Рамадана. И так случилось, что он показал мне три разные стороны Ислама. Рано утром я участвовал в длинных молитвах, которые отделяют месяц соблюдения поста от трехдневного празднования – *Шекер байрамы* (праздника сладостей). Мечеть Тешвикийе была переполнена. Многие верующие принесли свои молитвенные коврики (*седжаде*), но я, как и большинство во дворике перед мечетью, молился на утреннем выпуске одной солидной газеты.

В полдень мы посетили мечеть султана Эйюпа, возведенную на высоком берегу бухты Золотой Рог. Сама мечеть и живописное место, где она расположена, обросли легендами и обычаями с тех самых пор, как она была построена над могилой Аййуба, знаменосца Мухаммада ﷺ, чудом обнаруженной во время турецкой осады в 1453 г.

Это то, что ближе всего в Исламе к религиозным христианским святыням. А как еще можно понимать обычай пить из четырех фонтанчиков, установленных в каждом из четырех углов ограды вокруг дерева, что растет у самой мечети: сначала открыть все краны, а затем закрывать их по одному? Влюбленные, родители, студенты, солдаты – все, кто сильно чего-то желает – кормят здесь тысячу с лишним голубей килограммом кукурузы, оставляя, однако, несколько зерен, что бы разбросать их после исполнения желания. Другие несут животных с близлежащего рынка, чтобы тут же принести их в жертву во имя Аллаха и отправить на кухню

¹⁸ *Haute couture* (фр.) – высокая мода. – Прим. ред.

для бедных и нуждающихся (открытую при мечети султана Эйюпа).

И, разумеется, толпу у мечети султана Эйюпа нельзя представить без множества мальчиков-*суннетли*¹⁹, разодетых генералами, адмиралами и принцами. На следующий день они пройдут обряд обрезания. (Этот способ чествования мальчиков аналогичен поздравлению их сестер, когда те будут выходить замуж.)

Ваххабиты определенно бы пресекали эти фольклорные и суеверные проявления народного Ислама. Ведь они, соблюдая приличия, не терпят торговой суеты у мечети Пророка и коммерческого использования прилегающих к ней территорий, что во многом портит местный колорит и лишает людей удовольствия.

Вечером мы присутствуем на показе мод. Одно из самых привлекательных платьев – из черного шелкового крепа – в сущности скандальное, так как его серебряная отделка представляет собой отрывки из Корана, причудливо выписанные на арабском языке. Красота его графики вызывает массу невинных аплодисментов людей, которые пришли бы в ужас, если бы смогли понять написанное. Однако через одно поколение после Ататюрка арабское письмо стало таким же чужим для людей, читавших по-арабски и писавших на своем родном языке, используя арабский алфавит, как и китайский язык. Неужели именно в этом и заключается «прогресс»?

¹⁹ *Sunnetli* (тур.) – обрезанный. – *Прим. ред.*

Ибн Хальдун, а не Маркс

Бонн, 28 апреля 1982 г.

Тем, кто все еще думает, что препятствие прогрессу заложено в природе Ислама, полезно будет почитать «Альмукаддима» Ибн Хальдуна, вводную книгу из монументального труда по мировой истории («Китаб аль - 'ибар»), написанную в 1377 г. (перевод на английский язык Франца Розенталя, Принстон, 1967 г.). Если бы Ибн Хальдун, главный каирский судья (*кади*), создал лишь эти 1400 страниц введения, то уже их было бы достаточно, чтобы он вошел в историю мысли. Итак, за 500 лет до Карла Маркса и Макса Вебера он стал истинным отцом как социологии, так и философии истории, требуя от истории, чтобы та была «более, чем просто изложением сведений».

Ему принадлежит самая ранняя из известных попыток открыть законы, управляющие циклами исторического развития, расцветом и упадком цивилизаций, а также написать историю, сначала подвергнув традиционный источник материалов беспристрастному, критическому и даже скептическому исследованию. Этот подход подвел Ибн Хальдуна к изучению взаимодействия между климатом и поведением людей, а также между спецификой городской жизни и культурными особенностями.

Именно он, а не Карл Маркс, написал, что «прибыль – это стоимость, полученная от человеческого труда», и что «различные условия в среде людей – результат различного образа их жизни». Задолго до Томаса Манна («Будденброки») Ибн Хальдун уже заявил, что «престиж сохраняется, в лучшем случае, четыре поколения в одном роду». За несколько веков до Фридриха Ницше он объявил, что «пока нация – дикая, власть ее монарха простирается дальше». Предваряя Фридриха Гегеля, Ибн Хальдун отметил,

что «династии, подобно людям, имеют естественный жизненный цикл». До Жана-Жака Руссо он заявил, что отношения между правящими и управляемыми основаны на (общественном) договоре (скрепленном рукопожатием и клятвой верности). Задолго до современной теории права Ибн Хальдун (выступая против течения шиитов) утверждал, что «только тот, кто обрел превосходство над нацией... способен управлять ее делами (как халиф)». Предваряя Дэвида Юма, он подчеркнул, что «неизвестно, как причины влияют на вещи». За несколько веков до Карла фон Клаузевица Ибн Хальдун учил, что «нет определенности победы», ибо «победа в войне проистекает из удачи и случайности». Подобно Фридриху Шиллеру и Иммануилу Канту, он также проследил путь от эстетических суждений о визуально воспринимаемых объектах до философских категорий, не сбрасывая при этом со счетов взаимодействие психологических механизмов. (Он, к примеру, признавал, что человек не может не воспринимать фигуру человека идеально гармоничной.)

Меня особенно привлекает рациональный подход Ибн Хальдуна к онтологии и суфизму. Будучи учеником Аль-Аш‘ари, он отрицает любую возможность постичь метафизические аспекты, исходя из чувственного восприятия и разума человека. «Разум – это поистине точные весы... Однако не следует использовать разум для взвешивания таких вопросов, как Единственность Бога, иной мир, истина пророчества, истинная суть Божественных атрибутов... Его можно сравнить с человеком, который видит весы для взвешивания золота, и хочет взвесить на них гору». Можно ли выразить это лучше?

Обращаясь к мистицизму, Ибн Хальдун полагает, что суфии искусственно стремятся испытать до смерти то, что осознают лишь после смерти. Здесь он судит строго: «Любое

сверхъестественное знание или действие, достигнутое суфиями – случайно». Среди приверженцев суфизма Ибн Хальдун находит «глупцов и слабоумных, которые более напоминают сумасшедших, нежели разумных существ». Он утверждает, что «все эти способы восприятия сверхъестественного бездоказательны и нежизнеспособны».

Но давайте не забывать: Ибн Хальдун не был ни исключительным гением, ни отклонением от нормы. Он был порождением исламской культуры в ее лучшем проявлении.

Сунниты и шииты

Бонн, 19 мая 1982 г.

Из иранского посольства я получаю немецкий перевод новой конституции Исламской Республики Иран. Как и во всех своих официальных документах, это посольство вместо употребления традиционной формулы вежливости «пользуется случаем», чтобы выразить свое революционное желание триумфа угнетенных над угнетателями. Эта Конституция Ирана считает себя основой для продолжения исламской революции внутри страны и за ее пределами, а также мандатом на создание единого мирового религиозного сообщества.

Мир не слышал подобного с момента первого издания в 1848 г. Коммунистического манифеста. Статья 154 обязует Республику Иран поддерживать справедливую борьбу угнетенных против угнетателей во всех уголках мира. Согласно статье 5 – ввиду тайного сокрытия двенадцатого шиитского имама – руководство этим всемирным делом ныне вверено аятолле Хомейни.

Будучи, по сути, правовым инструментом, эта Конституция не упускает возможность зафиксировать пожелание, чтобы Бог в самое ближайшее время послал отсутствующего, сокрытого имама. Вследствие драматических событий с захватом заложников в Тегеране в 1979 г. (когда сотрудников посольства США удерживали в плену с официального благословения государства), особенностей затяжной войны между Ираком и Ираном и нападения шиитских диверсантов-самоубийц в Ливане – весь мир, и мусульманские народы в том числе, с растущим интересом наблюдают феномен сегодняшней Персии – подъем фундаменталистского шиитского государства,

который стал первым достоверным событием подобного рода со времен правления в Египте Фатимидов тысячу лет назад.

Большинство мусульман знают, какую важную роль играла Персия в Исламе и для Ислама со времени его возникновения. Салман, финансовый советник Мухаммада ﷺ, был персом по происхождению, как и многие из величайших умов в истории исламской науки и философии, от Аль-Фараби и Ибн Сины до Аль-Газали и Аз-Замахшари. Знают мусульмане и о небывало богатой фантазии в вопросах религии, которой отличались Персия и персы на протяжении столетий. Ведь ни одна другая страна не создала и не приютила у себя так много разных религий: солнце- и огнепоклонников, гностиков, платоников, зороастрийцев, маздеитов, манихеев, парсов, друзов, несториан, *ахль аль-хакк*²⁰, йезидов (на которых поставили клеймо «дьяволопоклонников»), алавитов, бабитов (или бахаитов), шиитов седьмого и двенадцатого имамов. И это далеко не все.

Однако сколь бы критично ни относился мусульманин-суннит (иначе говоря, большинство мусульман) к теологии и обычаям шиитов, он никогда не позволит себе заявить, что шиит – не мусульманин. Право выносить такой приговор имеет лишь одна власть – Бог. И Он один знает лучше. Мухаммад ﷺ сказал: *«Когда человек зовет своего брата неверным, осуждение обращается на него»* (Муслим. Сахих. – Кн. I).

Противоборствующие взгляды суннитского большинства и шиитов коренятся в политической ситуации, развившейся вскоре после смерти Пророка ﷺ. В отличие от суннитов, шииты не признают равенства всех правоверных в том, что касается способности правильно и в полной мере понимать

²⁰ *Ахль аль-хакк* (араб.) – обладатели истины. – Прим. ред.

весь Коран. Это и, как следствие, выполнение функций халифа считается привилегией близких кровных родственников Мухаммада ﷺ и их потомков.

Подобный подход, который заключается в том, что претендовать на титулы, а то и на духовный сан, в Исламе могут лишь избранные, имеет далеко идущие последствия. К примеру, шииты отвергают как незаконных трех первых халифов (предшественников зятя Мухаммада ﷺ ‘Али) и весь свод их решений и традиций. Хуже того, подход шиитов урезает идеал равенства в Исламе, его интернациональный и глобальный характер. Спокойствие и рассудительность («терпение в несчастье») – отличающие идеал суннитов – также резко противоположны революционному протесту шиитов с его едва ли не основополагающим мрачным гневом, который находит свое крайнее выражение в публичном бичевании. Трудно понять, как Ислам – названный в Коране религией *среднего пути*²¹ – вообще мог примириться с подобными перегибами.

Мусульман увещевают быть реалистами. А если они таковыми являются, то не могут не придавать значения тому, что западное восприятие происходящего ныне в Исламской Республике Иран резко ограничивает перспективы признания Ислама на Западе – по крайней мере до тех пор, пока между суннитами и шиитами ошибочно не видят разницы.

Огромная тяга Ирана к служению Богу дает нам прекрасный пример того, как – по терминологии Макса Вебера – этика, сосредоточенная на мотивации (*Gesinnungsethik*), может быть деструктивной в мире, предпочитающем этику, сосредоточенную на результатах действия (*Verantwortungsethik*)

²¹ См. Коран, сура 2 аят 143. – Прим. ред.

Первый Никейский Собор

Изник, 21 июля 1982 г.

Любого – будь то христианин или мусульманин, – кто так или иначе сознает судьбоносную силу исторических решений, переполняют чувства при посещении Изника (бывший город Никея), расположенного недалеко от Стамбула. Вскоре после того, как крестоносцы полностью разграбили христианский Константинополь (в 1204 г.), этот пыльный, сонный городок некоторое время служил столицей в изгнании Византийской империи. Но гораздо важнее то, что здесь в 325 г. была решена религиозная судьба человечества. И сегодня еще можно обнаружить место, где после детальных обсуждений большинством архиепископов, присутствовавших на первом Никейском Соборе (19 июня – 25 августа 325 г.), был единодушно принят первоначальный Никейский символ веры, согласно которому Бог, Отец и Иисус являются «единосущными».

Противоположное вероубеждение, которого придерживался александрийский пресвитер Арий (260 –336 гг.), все же сохранило официальный статус при императоре Константине Великом (337–361 гг.). Во всяком случае, даже после повторного осуждения арианства в 381 г., не ослабевала, в частности среди германских племен, убежденность в том, что Иисус, будучи божественно сотворенным человеком, не равен Отцу и не извечен подобно Ему. Однако эта драма была вытеснена из сознания западных христиан, как и учения Нестория, Патриарха Константинопольского (381– 451 г.г.), с тех пор, как Эфесский Собор в 431 г. объявил противозаконной его точку зрения – что Бог и Иисус раздельно сосуществуют в одном лице.

Однако первые 500 лет существования Христианства все-таки можно было быть верующим христианином, не принимая положение о том, что Иисус единосущен с Отцом. С точки зрения Ислама, арианские и несторианские христиане всегда были и остаются никем иным, как мусульманами.

На самом деле, если бы в 325 г. группа епископов (примерно 125 человек) воспротивилась радикальному тезису о единосущности Иисуса и Бога, то между иудеями, христианами и мусульманами не было бы никаких существенных теологических различий. Нельзя не содрогаться, задумываясь над той ответственностью за судьбу человечества, которую это незначительное число епископов (так легко?!) возложили на свои плечи в Никее.

Церковь – не мечеть

Бурса, 22 июля 1982 г.

Бурса, старая столица Османской империи, одновременно предлагает заняться лыжным спортом (на горе Улудаг) и плаванием (в Мраморном море). Но одна из ее самых необыкновенных достопримечательностей – Улу Джамии (Большая мечеть), расположенная в самом центре города. Ее внутреннее убранство являет собой подлинный музей арабской каллиграфии – искусства, которое турки довели до стилистического разнообразия и совершенства.

Не менее изумителен и сооруженный внутри мечети фонтан с журчащей водой – место встречи горожан. Здесь усталые туристы отдыхают после двух циклов (*рак'ятов*) приветственной молитвы, ученики, слегка раскачиваясь, декламируют Коран, а другие посетители совершают ритуальное омовение (*абдест*).

Возле молитвенной ниши (*михраб*) всегда можно увидеть нескольких мусульман, глубоко погруженных в благоговейные размышления о Сокровенном. Другие дремлют невдалеке перед слепополуденной молитвой.

Все это может озадачить западных посетителей, привыкших к церквям, которые используются исключительно для проведения религиозных служб (после чего запираются). Им, однако, нужно знать, что для мечети, в которой нет ни алтаря, ни иконостаса (на оба наложен запрет), нужно лишь чистое место, где люди могут собраться и молиться.

Поняв это, они без труда поймут и важную интегрирующую функцию мечетей как социально-политических центров, зачастую окруженных кухнями, библиотеками, банями, школами или кладбищами.

Слишком хорошо, чтобы быть правдой?

Бонн, 19 сентября 1982 г.

Пока мой запрос на получение визы паломника находится на рассмотрении, меня принимает советник посольства Саудовской Аравии. Однако в отличие от других иностранных дипломатов наших дней, он не задает мне вопросов о решении НАТО по размещению в Европе ядерных ракет среднего радиуса действия. Его животрепещущий интерес, скорее, сосредоточен на совершенно иной проблеме: каковы будут роли Иисуса и Мухаммада ﷺ, а также их взаимоотношения накануне и после Судного Дня? И хозяин кабинета знает все, что можно почерпнуть по этой весьма умозрительной теме из хадисов.

В данной ситуации меня приводит в восторг тот поразительный факт, что в нашем двадцатом веке есть такая страна, дипломаты которой ставят религиозные вопросы превыше политических.

Слишком хорошо, чтобы быть правдой?

Общество алкоголя, никотина и свинины

Рейс авиакомпании «Люфтганза» 624, 18 декабря 1982 г.

По мере того, как мы подлетаем к Джидде рейсом авиакомпании «Люфтганза» из Франкфурта, большинство немецких пассажиров – среди которых в основном женщины и дети, везущие в ручной клади рождественские елки – отчаянно стараются заказать и выпить перед приземлением как можно больше виски и джина. Ведь с приземлением самолета, для них начнется мучительное, из-за отсутствия спиртного, пребывание в лагерях строителей – их мужей и отцов.

Какая откровенная демонстрация того печального факта, что мы на Западе живем в пропитавшемся спиртным окружении, уничтожающем само себя, или, лучше сказать, в обществе алкоголя, никотина и свинины. Все это и заставило меня пожалеть, что я не заказал билет на этот рейс «сухой» авиакомпании.

Сколько страданий – автомобильные аварии, разводы, цирроз печени – можно было бы предотвратить, если бы люди соблюдали коранический запрет на употребление спиртного! (Во всяком случае, я не потерял бы зубы в автокатастрофе 1951 г.)

Были времена, когда я – знаток изысканных напитков – мог, лишь пригубив, безошибочно определить характерные красные вина *grand cr* бургундского, Кот-д'Ор – Шамбертен, Мусиньи, Кло Вужо, Романне, Эшезо, Кор-тон – виноград для производства которых произрастает между Боном и Дижоном.

Даже став мусульманином, я поначалу с трудом представлял, как можно лечь спать без бутылки красного вина за ужином. Теперь, однако, я сплю лучше, чем когда бы

то ни было, ведь пока я отдыхаю, моя кровеносная система и печень отдыхают тоже.

Жители Запада не могут поверить, что вечеринка без спиртного может быть веселой и приятной. Им следовало бы побывать на обычной исламской свадьбе!

Большинству политиков известно о серьезных последствиях алкоголизма, затронувшего все слои западного общества: слабое здоровье людей, снижение производительности труда, нарушение техники безопасности на работе и на дорогах, а также расточительство экономических ресурсов. Однако у них не хватает решимости, чтобы бороться с этим “опиумом для народа”. А неужели пророку Мухаммаду ﷺ было легко полностью запретить опьяняющие напитки и наркотики в Медине. Неужели этот запрет не представлял собой опасности и был популярен среди людей! Тем не менее мединские мусульмане вылили в сточные канавы свои запасы пальмового вина, показывая тем самым, что – при наличии харизматичного лидера – непопулярное становится популярным.

Исламское братство

Джидда, 18 декабря 1982 г.

Во время паспортного контроля молодой саудовский служащий столько раз всматривается то в наши визы паломников, то в наши лица, что я начинаю беспокоиться: а все ли у меня в порядке с документами. Затем я замечаю, что у него по лицу текут слезы. Вдруг он вскакивает с места, перегибается через стойку и обнимает меня как «брата в Исламе».

Как часто я видел подобные слезы радости на сияющих лицах, когда мусульмане Востока узнавали во мне верующего! Если бы подобная реакция до сих пор оставалась свойственна христианам, им было бы понятнее, почему христианская миссионерская деятельность потерпела неудачу среди мусульман. Мусульманин действительно может быть нуждающимся, неграмотным и знать только две суры Корана (*«Аль-Фатиха»* и *«Аль-Ихляс»*), но он все равно чувствует огромное превосходство в важнейших знаниях над любым немусульманином, в частности над людьми, которые, как он видит, ставят на службу своей вере такие языческие понятия, как *«Сын Божий»*, *«Матерь Божья»*, *«Троица»*, *«спасение через самопожертвование Бога»* и *«таинства»*.

Бедный, неграмотный мусульманин цитирует слова: «Нет бога, кроме Бога», и убежден, что времена невежества (*джахилийя*) остались позади – если не для всех, так для него уж точно.

Паломничество в Мекку

Мекка, 20 декабря 1982 г.

Облаченные в простые белые одеяния паломников, мы входим в **Запретную мечеть** (*Масджид аль-харам*) и оказываемся прямо напротив Каабы в центре огромного внутреннего двора. Это тот миг, мечтать о котором заранее вряд ли осмеливается любой мусульманин. Когда впервые видишь памятник архитектуры или природные достопримечательности, с которыми знаком по фотографиям и фильмам, тебя зачастую постигает жестокое разочарование. Воображаемое не соответствует действительности. Однако в данном случае все иначе.

Возле этой мечети нет торговой суеты, как нет здесь и напряженной, торжественной или же магической атмосферы. Здесь все пронизано светом и преисполнено величия и утонченного эстетизма.

Огромное скопление паломников не создает шума и не угнетает. Напротив, они совершают коллективные молитвы в унисон, причем в полной тишине, оберегающей индивидуальность каждого человека. Десять тысяч паломников и посетителей молча совершают обход вокруг Каабы. Это оказывает гипнотическое воздействие.

Мы наслаждаемся драгоценным ощущением гостеприимства и полной безопасности среди братьев. Здесь кажется материализуется значение слова «*салам!*» (мир!). Достоинство, красота, вера, интернационализм.

Мы – частицы огромного космополитического целого. В Мекке исчезают расовые различия. И совершая поклоны, только во время молитвы, я по различиям в цвете кожи на ногах могу догадываться о присутствии здесь представителей всех рас и континентов.

Абсолютная простота Каабы – прототипа любого трехмерного объекта – и есть ответ Ислама на вопрос о визуальном символе совершенства Бога. Если Он – как указывает Ибн Сина – это простота в самой наивысшей степени, тогда этот пустой, лишенный украшений, неправильной формы шероховатый куб символизирует Его лучше, чем любой другой из осуществимых архитектурных проектов. Кааба представляет собой “фиксированную точку”, так как служит *киблой* (центральной точкой по направлению к которой совершают молитвы во всем мире), символическим якорем мировой религии, знающей как нельзя лучше, что Бог – не на Западе и не на Востоке, а вне пространственно-временных границ.

Готические соборы и церкви в стиле барокко блекнут рядом с этим архитектурным решением для «дома Бога», превращаясь в ничтожные украшения.

После ритуального семикратного обхода Каабы (*тауаф*) под звездным небом мы остаемся у Черного Камня (*аль-хаджар аль-асуад*), водруженного Мухаммадом ﷺ, и к которому стали направлять свои поцелуи и возгласы многочисленные паломники. Этот обычай вызывает немало предрассудков у людей, которые никогда не задумываются над тем, что христианские паломники в Риме, целуя большой палец на ноге св. Петра, тем самым поклоняются кусочку металла.

Но подобные подозрения вряд ли возникли бы при виде паломников в Мекке, даже если высеченные из камня божества действительно были весьма популярны в доисламской Аравии. Несмотря на то, что символы могут очищаться от лежащих в их основе идей, это не обязательно происходит именно так. Каждая фраза «*Аллаху акбар!*» (в переводе Лоуренса Аравийского – «Велик лишь один Бог!»)

является живым отрицанием мнимого поклонения простому черному камню.

Возвращаясь к Аврааму

Мекка, 20 декабря 1982 г.

Затем, с помощью саудовского проводника (мутавви́ф), мы совершаем нестареющий ритуал *са'и* – семь быстрых пробежек между условными холмами *Сафа* и *Маруа*, которые находятся на территории Запретной мечети. Как, должно быть, ему режет слух наш акцент, когда мы неправильно произносим ритуальные арабские тексты!

Вскоре мы завершаем все обязательные ритуалы малого паломничества (*'умра*). В знак нашего возвращения к обычному состоянию, паренек помогает нам срезать прядь волос, и я, наконец, могу сменить весьма неудобное одеяние мужчины-паломника на повседневную одежду.

На следующий день, надеясь на сей раз побыть в одиночестве в этой впечатляющей своим величием Мечети, мы встаем ни свет, ни заря (около 3 часов утра), задолго до первого призыва к молитве. Но это бесполезно, ведь днем и ночью сотни мусульман непрерывным потоком совершают *тауаф* либо ожидают в очереди, чтобы вновь прикоснуться к Черному Камню или поцеловать его. Совершая этот ритуал, мусульмане устанавливают личные взаимоотношения и образуют связующую нить, не только с миллионами мусульман, которые приходили сюда до них (и придут в будущем, *инша Аллах*), но также (и в особенности) с Пророком. Ведь, когда пришлось восстанавливать Каабу после наводнения, именно Мухаммад ﷺ, выступил в роли примирителя и заложил Черный Камень на его нынешнее место в восточном углу строения. Такое историческое сознание характерно для религии, ритуалы паломничества в которой восходят к Аврааму (Ибрахиму), причем существуя около 3800 лет – если, конечно, паломник в достаточной

мере осведомлен об историческом и символическом смысле совершаемых им ритуалов.

Христианские церкви не очень-то признают, как много иудейских и языческих традиций они в себя вобрали. Однако Ислам, не утаивает происхождения своих ритуалов. Мухаммад ﷺ никогда не заявлял о себе как о создателе новой религии. Его миссия заключалась лишь в том, чтобы восстановить и завершить одну-единственную религию – религию покорности Богу, а именно, – извечный Ислам.

У могилы Пророка

Медина, 23 декабря 1982 г.

Тех, кому довелось наблюдать в Турции яркие ночные празднества *мавлид* по случаю дня рождения Мухаммада ﷺ, особенно впечатляет решимость, с которой саудовская религиозная полиция в Медине следит, чтобы никто не произносил ритуальных молитв, обратившись лицом к могиле Пророка, и чтобы возле места его упокоения читали только личные непринужденные мольбы за его душу.

Нельзя осуждать такую позицию, если помнить, что о повышении статуса Иисуса после его смерти – процессе, толчком которому послужило обожание, увенчавшееся в конечном счете, откровенным обожествлением этого пророка.

Подобные тенденции следует держать под контролем и в Исламе, чтобы не позволить им обрести движущую силу.

Недоразумение в отеле

Медина, 24 декабря 1982 г.

В этом году – в пятницу и в канун Рождества – совпали достоверно известный день рождения Мухаммада ﷺ и вымышленный день рождения Иисуса. В ресторане отеля “Медина-Шератон”, куда мы пришли пообедать, улыбчивый официант-пакистанец любезно поздравляет нас: “С Рождеством!” Так как этот отель расположен за пределами района Харам и следовательно открыт для немусульман, этот человек, по понятной причине, принял нас за христиан.

Когда я так же доброжелательно отвечаю: «Кстати, мы *аль-хамду ли-Ллях*, – мусульмане», бедный официант с коллегами замирают на месте. Вскоре подходит управляющий отелем и – в качестве небольшой компенсации за столь ужасное оскорбление – уговаривает нас пообедать и выпить вечернего чаю «за счет заведения». Как будто мусульмане не обязаны почитать Иисуса как пророка и им не предписано верить в истинные откровения Библии!

Это еще раз доказывает, что мусульмане, как правило, знают о Новом Завете так же мало, как и католики – о Ветхом.

О женских покрывах

Медина, 25 декабря 1982 г.

Вечером мы идем в мечеть Пророка – чрезмерно украшенную и слишком уж роскошную, как на мой вкус, – чтобы совершить молитву *магриб*. Нам с женой приходится расстаться и она исчезает в толпе среди сотен похожих друг на друга женщин, все, как одна, закутанных в черные одеяния, *'абайя*.

После этого, я стою под уличным фонарем и, остро чувствуя перемену ролей, терпеливо жду, пока она заберет меня. (Попытаться же узнать свою жену в стране, где мужчины не могут заговорить с женщиной, было бы очень рисковано).

Ожидая ее, я размышляю над преимуществами и недостатками обычая ваххабитов полностью закрывать женщин – обычая, у которого, скорее, не арабские, а византийские и персидские корни. Обеспеченные и знатные женщины очевидно обнаружили, что могут подчеркнуть свою принадлежность к особому «сословию», с помощью покрывала. Благодаря такому одеянию женщины несколько отличались от других, и это делало их облик необычным и изысканным. И, разумеется, появление обычая носить закрытые одежды одновременно усилило восточную склонность к ревности. Во всяком случае, известно, что при жизни Пророка ﷺ и еще некоторое время после его смерти мусульманские женщины на самом деле не покрывали себя одеждой полностью (а бедуинки в Саудовской Аравии этого не делают до сих пор). Кстати, паломницы в Мекке не должны закрывать лицо полностью, ведь их предшественницы – современницы Пророка ﷺ не делали этого, совершая *хадж*.

С одной стороны, в том, что саудовские женщины добровольно выходят за рамки установленной Кораном обязанности закрываться, есть своя логика. Если женщине предписано закрывать волосы, грудь и руки для того, чтобы оградить ее от превращения в объект сексуальной притягательности, защитить браки от бессовестных посягательств и избежать тщетного и пагубного соперничества между женщинами в моде и красоте, зачем же тогда выставлять на всеобщее обозрение такие сексуально притягательные участки как глаза, рот и лодыжки?

С другой стороны, история моды предоставляет нам достаточно свидетельств тому, что закрытое лицо бывает необычайно привлекательным и взгляд мужчин притягивают то одни, то другие участки женского тела – чему также служит доказательством исторический процесс укорачивания женской юбки в течение XIX века. Сегодняшний повод к скандалу завтра будет вызывать лишь скуку.

Можно возразить, что вопрос о том, где именно провести черту, маловажен, а то и вовсе не имеет значения. Ведь обнажаться можно лишь до определенного предела, не так ли? Если с этим согласиться, тогда вопрос о том, где проведена черта – полностью закрываться женщине, или нет, отходит на второй план.

Исламское решение этой проблемы должно исходить из двух основных принципов: соблюдения меры и сдержанности, а также баланса между целью и средствами. Следовательно, одеяния большинства мусульманок соответствуют здравым предписаниям сунны – женщины закрывают себя в разумной, но при том достаточной мере.

Оставляя открытым лицо, они подчеркивают, что стабильность их браков обусловлена не только отсутствием других “возможностей”. Ведь какой был бы стыд, если бы супруги-мусульмане оставались верными друг другу только

из-за невозможности сравнить друг друга с кем-то еще!
Решение мусульманки закрыться – вовсе не признак незрелости ее самой или ее мужа. Как раз наоборот.

Забывшийся в молитве

Медина, 26 декабря 1982 г.

Прощальное посещение Мечети Пророка

Сегодня выходить из здания после молитвы нам пришлось намного дольше, чем обычно. Что-то, по-видимому, заграждало главный вход. Прямо посередине лестницы какой-то мусульманин полностью погрузился в молитву! Вероятно, он опоздал, пришел незадолго до завершающих слов «*ас-саляму алейкум*» (которые все молящиеся произносят повернув голову сначала направо, а затем – налево), и теперь восполнял пропущенное. Сосредоточившись на молитве, он забыл обо всем, что происходит вокруг.

Каждый обходил этого человека, старался не потревожить его. Никто не высказывал недовольства созданной им задержки. Он выполнял свою обязанность и не более того. Подобная сцена, разумеется, никогда не произошла бы в переполненном паломниками соборе св. Петра в Риме. Это различие можно объяснить тем, что в христианской литургии статус официального ритуала имеет только священная месса, которую проводит священник. В Исламе же официальный ритуал един для всех. Имам только “руководит” верующими в молитве, благодаря чему все ее элементы совершаются синхронно.

Молитва в Исламе имеет высочайший статус и ранг. В каждом учебнике, затрагивающем все аспекты исламского права, например, в авторитетном собрании XIII века «*Минхадж ат-талибин*» Ан-Науауи, ей посвящена вступительная глава. В одном из ранних трудов на подобную тему, а именно, «*Аль-муатта*» имама Малика, по меньшей мере первые четырнадцать книг посвящены исключительно

условиям и правилам молитвы. Согласно этим правилам, каждый мусульманин должен неукоснительно соблюдать тишину и спокойствие в присутствии молящегося человека. Необходимое для молитвы пространство – обозначено оно или нет (к примеру, площадью реального или воображаемого молитвенного коврика, либо же положенными перед собой очками) – нельзя нарушить ни при каких обстоятельствах. Если мусульманин уверен в проявлении подобной учтивости – а это можно наблюдать в любой исламской стране, то ему будет сравнительно нетрудно полностью сосредоточиться на своей молитве – будь то на бензоколонке, на тротуаре или даже на эшафоте.

На Западе силу Ислама зачастую считают тайной. И все обретают эту силу открыто. Ее исток – возможность молиться

Беспокойство о действительности молитвы

Бадр, 27 декабря 1982 г.

Возвращаясь из Медины в Джидду, мы подъезжаем к Бадру, тому самому месту, где в 624 г. вся судьба Ислама, казалось бы, зависела от исхода одного сражения. Водитель автобуса время от времени поглядывает на солнце, определяя его положение. Когда стало ясно, что оно прошло точку зенита – и следовательно миновала опасность поклонения солнцу – он остановил автобус и пригласил всех пассажиров совершить полуденную молитву (*зухр*).

Когда мы выстроились в один длинный ряд вдоль дороги, мой сосед, индеец из Южной Африки, деликатно напомнил мне, чтобы я не забыл снять солнцезащитные очки. Иначе во время земного поклона я не смогу прикоснуться к земле одновременно лбом и носом, как это необходимо.

Мне это показалось необычным по нескольким причинам. Во-первых, абсолютно незнакомый мне мусульманин совершенно по-братски побеспокоился, чтобы моя молитва оказалась действительной. Без всякого показного благочестия он последовал основному исламскому предписанию – содействовать добру и предотвращать зло. Во-вторых, он показал, что доскональное знание каждого правила молитвы присуще всем мусульманам независимо от их национальности или общественного положения. И, в-третьих, он подчеркнул, что молитва в Исламе – это вид деятельности, предполагающий активное участие духа и тела, – причем активное настолько, что новообращенный мусульманин всегда ощутит сильную боль в мышцах²².

²² Врачи знают об этом. Во время медосмотра в 1983 г. мою “привычку” молиться положительно отметили как “ежедневные гимнастические упражнения”.

Молитва зрелого мусульманина – как и его взгляд на окружающий мир и самого себя – носит объединяющий характер. Подчинение предполагает земной поклон и наоборот.

Ислам и нефтяной бум

Джидда, 28 декабря 1982 г.

На протяжении истории счастливый жребий выпадал арабам дважды: в VII веке, когда благодаря Исламу Мекка стала средоточием жизни всего мира, и после 1973 г., когда резко возросли цены на нефть. Повелев арабскому Пророку: **«Читай! Во имя Господа твоего, Который сотворил...»** (сура 96, аят 1), Бог сделал дар непреходящей ценности. Открытие же нефти, однако, оказалось скорее двойственным благом.

Жителю Хиджаза, оба эти события вполне могут внушить мысль о принадлежности к «избранному народу», именуемому арабами. Однако мой юный саудовский друг Рафик Банауи и его коллеги не подверглись влиянию нуворишей. Их достоинство – унаследованное от свободных бедуинских семейств – не зависит от банковских счетов. Их не завораживает курс доллара, цены на рынке или сексуальное раскрепощение, что так пропагандировал Герберт Маркузе. Они предпочитают обсуждать религиозные вопросы и каждое утро звонят друг другу по телефону, желая убедиться, что никто из них не проспал рассветную молитву *фаджр*.

На Западе люди часто задаются вопросом, как долго столь строгие нравы смогут противостоять натиску услад. Они не могут себе представить, что в условиях изобилия можно предотвратить упадок.

Разумеется, жители Саудовской Аравии не повторяют в своей стране все этапы индустриализации; они врываются в технологический век на его постиндустриальной стадии. Вопрос в том, усиливает или ослабляет этот феномен опасность для религии, возникающую вследствие высокого уровня жизни.

Прежде чем рассуждать, необходимо понять лишь одно – насколько марксистским является этот подход! Неужели мы и впрямь так пронизаны материализмом, что у нас более не возникает воодушевляющей мысли о том, что может быть нечто большее, чем просто надстройка (по Марксу), просто отражение преобладающих экономических условий?

На самом деле Ислам – это нечто большее, чем явление, связанное с классовым расслоением и доходом на душу населения. Это религия, которая надежно ограждает от поклонения богатству и комфорту. Несомненно, хороший мусульманин не будет подгонять свои приоритеты под рыночные мерки. Он противостоит натиску тех, кто принуждает его оптимизировать производство и извлекать максимальную прибыль. В то же время мусульмане не считают частную собственность, торговлю, прибыль и богатство злом, и не пренебрегают всем этим. Подобно управляющему католического ордена *Opus Dei*²³, хороший мусульманин чувствует себя в экономическом мире как в своей стихии, при этом не торгует собой в угоду принципу выгоды.

На основании этого вполне справедливо надеяться, что Ислам, избегая крайностей западной и марксистско-ленинской цивилизаций, явит на свет лучшую альтернативу – цивилизацию с человеческим лицом.

²³ Дело Господне (лат.). – Прим. ред.

Подчиня свой разум

Ахен (Экс-ля-Шапель), 5 февраля 1983 г.

Во время ежегодной весенней встречи немецкоязычных мусульман в мечети Биляля в Ахене кое-кто сомневается в возможности совмещать мою должность руководителя информационной службы НАТО с исламскими убеждениями. Я же не вижу проблем в одновременном исполнении этих двух ролей. Если Исламу и предстоит распространиться на Западе, то Запад должен, помимо прочего, обезопасить себя от советского экспансионизма и политики запугивания. Эта величайшая из внешних угроз – даже для исламского мира – сдерживается и обезвреживается Североатлантическим Союзом.

Я, разумеется, признаю, что Советский Союз как ведущая сила мирового коммунизма представляет собой меньшую идеологическую проблему для Ислама, чем западный агностицизм, материализм и технократия. Западный “научный” атеизм тихо подкрадывается на кошачьих лапках (если воспользоваться словами Роберта Фроста), между тем как советский «научный» атеизм навязывает себя с помощью танковых дивизий Красной Армии, как, например, в Афганистане. И все же любое духовное пробуждение на Западе, в том числе и готовность склониться к Исламу, предполагает физическую безопасность от советского вмешательства. Поэтому политические интересы НАТО и исламских народов ныне совпадают.

Кроме того, от меня ожидают пояснения моего собственного «пути в Мекку». Вот что я сказал: «Когда я впервые прочитал Коран, меня тут же впечатлила, даже потрясла, фраза в 164 аяте 6-ой суры: “**...И не понесет носящая ношу душа ноши другой души**”. Я неверно истолковал это как нравственное (и весьма далекое от

христианства) правило, не восприняв его правильно, как теологическую истину – что мужчина и женщина пребывают непосредственно перед Богом, без какой-либо возможности заступничества. **“Кто заступится пред Ним, иначе как с Его соизволения?”** – уточняется в “Аяте о Троне” (*сура 2, аят 255*). Фраза **“...И не понесет носящая ношу душа ноши другой души”** имеет второй, в равной степени важный смысл – отрицание понятия о первородном грехе. Если не отталкиваться от предположения, что мы отчаянно нуждаемся в “спасении”, тогда не придется искать спасителя, которого вряд ли можно найти. Таким образом, только одно это кораническое высказывание проливает достаточно света на тот механизм, который может привести к краху христианства.

Поняв это, я также осознал, что Ислам – это не шаг назад, а напротив, он продвинул человечество вперед по сравнению с той стадией, которой оно достигло после Иисуса. Говоря словами Гегеля и Маркса, Ислам вернул на ноги христианский мир, стоявший на голове.

Агностики, заявляющие, что мы не можем достоверно знать о том, что находится за пределами нашего чувственного восприятия, далее обычно доказывают, что за этими пределами “вероятно” и нет никакой реальности. Это не разумная, а необоснованная, предвзятая позиция. Было бы гораздо честнее утверждать, что опираясь на пытливость человеческого разума, мы не можем говорить о вероятности относительно того, что касается сокровенного.

Придерживаясь некоторое время этой позиции, я вдруг интуитивно понял, что границы доступного нашему знанию не являются границами реальности. Это стало решением уверовать. Меня настолько потрясла наша строго ограниченная способность достоверно воспринимать что-либо, что позиции глупой гордыни – на которой стоят якобы

дерзкие и независимые агностики, слишком часто живущие в бесчувственной, ограниченной самоизоляции – я предпочел позицию смиренного достоинства.

Итак, я осознанно подчинил себя, в том числе и свой разум, много большей реальности, в которой я ощущаю себя лишь крохотной частицей. Я подчинился величайшему из того, что превосходит человека, – Богу. *Аллаху акбар кабиран* – Бог величественнее величайшего (из того, что мы можем представить).

Говоря это, я не хочу никого подводить к скользкому склону антропоморфного определения сущности Бога. Одно дело – перечисление “Девяноста девяти прекраснейших имен” (атрибутов) Бога, и другое – пребывать в плену иллюзий, что эти аллегорические атрибуты, вычеканенные человеческим языком, обобщают и описывают Его природу и суть. Люди – рабы слов, причем ими же созданных, а потому мы – даже с помощью откровения – можем уловить лишь проблеск непостижимой сущности Бога».

Добавить к этому нечего.

Прорыв для Ислама

Бонн, 4 июня 1983 г.

Лучшее, что могло произойти с Исламом в Германии при сложившихся обстоятельствах, случилось: протестантский профессор теологии, д-р Пауль Шварценау, опубликовал *“Руководство по Корану для христиан”* (Штуттгарт, 1982), в котором он отстаивает истину Корана, даже там, где она противоречит Библии.

Шварценау, изучавший аналитическую психологию по К.Г. Юнгу, признает, что в Коране отражены прообразы, созвучные “коллективному бессознательному”.

Это подводит его к утверждению, что Коран – это подлинное, невымышленное откровение, историческое и в то же время независимое от какой-либо исторической среды, собранная воедино истина, существующая вне времени. Он сравнивает Священную Книгу с вращающимся кристаллом, отражающим бесчисленными гранями поток божественного света.

Если сказать кратко, Шварценау приходит к убеждению, что Ислам – это первозданная религия, исконное единобожие, а, следовательно, самая старая, и в то же время самая молодая религия. (Пожалуй, одно только это делает христианского профессора истинным мусульманином.)

Шварценау, разумеется, не принимает Троицу как нечто, подразумевающее единственность Иисуса с Богом, утверждая: «Иисус, известный истории, никогда бы не потерпел обожествление собственной личности», и добавляя, что в отношении этого Новый Завет подвергся искажениям из-за ошибочного толкования, если не фальсификации.

Могло ли произойти в этом году что-то более благоприятное для Ислама?

Чистый, чище, чистейший

Бонн, 16 августа 1983 г.

Тому, кто презирает представителей другой расы или вероисповедания кажется, что их можно «узнать по запаху». Короче, враг дурно пахнет.

Немцы испытывали подобные чувства к полякам и евреям, хотя даже статистика доказывает, что немецкая чистота в большей степени относится к выдраенным тротуарам и окнам, нежели к почищенным зубам. Сегодня немцы предвзято относятся к рабочим-иммигрантам из Турции. Ведь они другие, а поэтому вызывают подозрение. Короче, они наверняка грязные.

У турков отсутствует врожденный иммунитет к этой психологической ловушке. Теперь они тоже воротят нос при виде “грязных” богатых арабских туристов, занимающих все скамейки у всех лучших отелей на берегу Босфора.

Подобного рода расовый самообман нелеп, особенно когда он направлен против мусульман, ибо Ислам придает чистоте величайшее значение. Слова «мусульманин обязан совершать молитву» – равнозначны словам «он должен мыться». Исламский закон даже предписывает, чтобы всякий раз после полового акта мужа и жены принимали ванну и мыли волосы.

Я могу честно признаться, что мне нередко встречались дурно пахнущие люди в Парижской опере, в Линкольновском центре в Нью-Йорке, в Мюнхенском национальном театре, но в мечети – никогда.

Может мусульмане чище немцев?

Немецкие мусульмане

Бонн, 14 сентября 1983 г.

Дипломатическая школа при Министерстве иностранных дел в Бонне во второй раз организовала семинар по вопросам Ислама. В 1980 г. в нем принял участие Мухаммад Расуль. В этом году министерство приглашает троих мусульман-немцев: М. А. Хобома, Рольфа Абдуллаха Берендта и автора этих строк. В основу моей лекции легла рукопись моей будущей книги под названием «*О роли исламской философии*»²⁴, которая должна выйти в 1985 г.

За обедом мы вызвали легкое замешательство, отказавшись от свинины. Неужели люди здесь по-прежнему не придают значение тому, что свинина не просто вредна, если мясо заражено трихинеллезом, но и вызывает повышение уровня холестерина, замедляет обмен веществ в организме (что в свою очередь может привести к раку кишечника), а также зачастую вызывает фурункулез, экзему и ревматизм? Неужели не имеет значения, что опасные вирусы гриппа выживают летом благодаря гостеприимству свиней? Очевидно нет, ведь в 1983 г., когда численность свиней составила 80 миллионов голов, производство свинины достигло рекордной отметки за все время существования Европейского сообщества

Если человек какое-то время обходится без свинины, у него вырабатывается стойкое неприятие запаха этого мяса, вплоть до тошноты. А если он случайно съел свинину – даже не очень жирную – то боль в желудке ему обеспечена.

Разве не удивительно, что все это предвидел необразованный, неграмотный, «отсталый» Мухаммадﷺ? Должно быть, у него был умный информатор...

²⁴ Английский вариант издан в Кельне в 1985 г., ISBN 3-8217-0043-2

Лингвистические уловки

Бонн, 19 ноября 1983 г.

Исламских фундаменталистов часто обвиняют в том, что они педантично, до примитивизма, разбирают тексты Корана и слишком буквально понимают их. Однако заявлять, что фундаменталисты пренебрегают тем фактом, что значительную часть Корана невозможно понять буквально, будет откровенной клеветой. Они очень хорошо знают, что сведения о метафизическом мире возможно передать нам – если это вообще осуществимо – только посредством лингвистически обработанных образов, порожденных нашим (строго ограниченным) чувственным восприятием.

Признавать, что те части Корана, где речь идет о вселенной или теологии, непременно аллегоричны по своей природе, – это одно; иное дело питать иллюзии, что каждый способен полностью понять эти ниспосланные аллегории. Фундаменталисты категорически отрицают эту возможность.

Благодаря первопроходцам лингвистического анализа, таким как Фриц Маутнер и Людвиг Витгенштейн, теперь общеизвестно, что все наше мышление, мечты и чувства (включая знание «интуитивное» или посредством «озарения») возникают – если, конечно же, они возникают – в рамках и понятиях нашего языка. Следовательно, не может быть никаких сомнений в том, что каждое отдельное слово, даже так называемая «абстрактная» терминология, является плодом чувственного восприятия, переведенного в словарный запас. Мы не можем сказать то, о чем не можем подумать, или же думать о том, чего не можем сказать, и оба эти вида деятельности вращаются исключительно вокруг чувственно воспринимаемой нами «реальности».

Основываясь на этом, фундаменталисты убеждены, что метафизические явления могут быть переданы только как

часть Откровения, в форме аллегии или метафоры, и что не существует надежного способа, логического или суфийского, позволяющего постичь образы ниспосланных через Откровение текстов.

Попросту говоря, если признаком разума является уважение узких границ чувственного восприятия человека – что и делают современные ученые, – то не может быть признаком глупости такой же осторожный скептицизм по отношению к любому метафизическому толкованию Корана – как это и делают фундаменталисты. Сталкиваясь с проблемой не поддающихся разгадке темных, противоречивых или символических мест в Коране, фундаменталисты – если использовать философскую терминологию – выступают категоричными критиками метафизиков и религиозных агностиков, а также скептических номиналистов. Они трезво признают, что и философские прения, и мистические взгляды на метафизические проблемы скорее всего окажутся бессмыслицей из-за несовершенства созданного нами словаря.

Если подходить с этой стороны, то разве фундаменталисты и впрямь не дальновидны, проницательны, благоразумны?

В этом есть что-то невероятное

Бонн, 29 декабря 1983 г.

Проследить жизнь Мухаммадаﷺ, его «путь» (сиру) охватывающий период 570–632 гг. н.э. пытались многие. Однако наиболее значительными я считаю две его биографии: классическую «Сират расули-Лялях» Ибн Исхака, переработанную Ибн Хишамом около 200 г. от хиджры (перев. А. Гийомом, Оксфорд, 1955), и современную работу «Мухаммад. Его жизнь, на основе древнейших источников» Мартина Лингса (Нью-Йорк, 1983).

Если оставить в стороне возможные последствия склонности видеть чудеса, а также тенденцию к политической приверженности, то Мухаммадﷺ предстает в этих источниках харизматическим и волевым государственным деятелем и умелым тактиком.

В период между его переселением в Медину и мирным взятием Мекки десятилетие спустя, он предстает перед нами как стратег, о котором говорят с не меньшим восхищением, чем о Карле фон Клаузевице. Ведь Мухаммадﷺ уже тогда сознательно применял экономические и психологические приемы ведения войны и использовал переговоры о контроле над вооружениями в качестве инструмента внешней политики. Данное им – к ужасу его сподвижников – согласие на перемирие в Худайбийе было первоклассным дипломатическим ходом, и мекканцы вскоре поняли, что подписали для себя будущую капитуляцию. Таким же выдающимся было и Законоположение в Медине, предписанное Мухаммадомﷺ в качестве федеративного договора между мусульманской и еврейской общинами.

А учитывая еще и успехи Мухаммадаﷺ в торговле, его мудрые решения в качестве судьи и арбитра, красоту и яркий стиль его выступлений, трудно объяснить, как

необразованный, неграмотный, «отсталый» араб мог обладать такими достоинствами.

В этом есть что-то невероятное.

В этом есть что-то Божественное.

Мусульманский плюрализм

Люцельбах, 16 февраля 1984 г.

Год назад Ахмад фон Денффер опубликовал двенадцать «Писем к моим братьям» («*Briefe an meine Brüder*») с подзаголовком «К мусульманскому сообществу». Он объединяет радикальный призыв жить согласно предписаниям Ислама – отдавая истинное преимущество своей вере – с конкретными предложениями относительно того, как, шаг за шагом, достичь личного совершенства в сплоченном мусульманском сообществе (которое также можно назвать мусульманским братством).

Подобные начинания имеют давнюю традицию. На протяжении всей исламской истории молодые мужчины-мусульмане создавали «добродетельные» общества, зачастую тайные, основанные на системе гильдий (*аль-футувва*).

Ввиду инертности и эгоизма людей наращивание темпов религиозного прогресса никогда не было легким делом. Однако Игнатию Лойоле и Владимиру Ильичу Ленину удалось расшевелить мир, благодаря созданию «кадров». Подобно этому, повышение шансов Ислама на Западе требует чего-то большего, чем всецелой преданности небольшого числа людей; кроме того, для этого необходимы способности организовать работу и обеспечить ее ресурсную поддержку.

Сегодня мы встречаемся в небольшом кружке в *Haus des Islam* (Исламском доме), расположенном в маленьком гессенском поселке к югу от Франкфурта, чтобы поговорить о том, как добиться официального признания Ислама в Германии. Такое признание является необходимым условием для введения исламского религиозного обучения в школах и сбора «церковных налогов» через финансовые структуры государства.

Однако самое первое условие подобного прорыва – чтобы Ислам в Германии выражал единое мнение. Понятно, что власти Германии хотят иметь дело с одним и солидным партнером. А это и есть большое место!

На самом деле мусульмане, как и арабы, – это в высшей степени независимый народ. Они допускают такой плюрализм, который не позволила бы и не пережила бы ни одна церковь. Такое многообразие может быть обусловлено отсутствием в Исламе таинств и, следовательно, священников и епископов. (Доступ к таинствам и церковной службе зачастую использовались для насаждения единообразия и дисциплины.) Во всяком случае, даже во времена правления халифа (т.е. еще некоторое время после окончания Первой мировой войны), Ислам всегда демонстрировал высшую терпимость в толковании правовых и теологических вопросов. Разумеется, что один из факторов, способствующих такому положению, следует усматривать в запрете “отлучения” человека от мусульманской общины, пока он придерживается самих основ Ислама и утверждает, что он – мусульманин. Таким образом, официальный запрет в Пакистане образовавшийся на основе Ислама секты Ахмадийя – это, по сути, исключение.

Мусульмане всегда считали свое пестрое разнообразие силой, а не слабостью – будь то четыре правовых школы (*мазхаб*), религиозные ордена (к примеру, ордена Кадирийя, Бекташи и Накшбандийя) или секты (к примеру, различные ветви шиитов).

На Западе мусульмане к тому же делятся на группы на основе этнического или языкового родства. В итоге – зачастую сбивающее с толку многообразие исламских организаций, культур и верований, существующих под огромным куполом Ислама.

Если бы все эти разрозненные группы вняли совету Ахмада фон Денффера, то мусульмане всех европейских и североамериканских стран вскоре бы поняли, что все они находятся в одной лодке и движутся в одном направлении.

Американский пророк

Вашингтон, округ Колумбия, 26 мая 1984 г.

Во время весеннего совещания министров иностранных дел стран НАТО мы останавливаемся в вашингтонском отеле «Марриот». Он принадлежит одной мормонской семье. А поэтому «Книга Мормона Церкви Иисуса Христа Святых последних дней» лежит в ящике каждого прикроватного столика. Ее текст, в библейском стиле, был якобы найден Джозефом Смитом в 1830 г. – не поверите – в Пальмире, штат Нью-Йорк, причем оригинал ее был записан – на чем бы вы думали – на золотых табличках (которые сразу же, причем весьма кстати, исчезли).

Сегодня несколько миллионов людей верят в это “американское откровение”, тем самым еще раз доказывая, что ничто не может быть настолько нелепым, чтобы хоть кто-то не принял это за истину. (*Credo, quia absurdum?*²⁵)

Столь здравая религия, как Ислам, конечно же, не может состязаться с такими удивительными сказками, да и не желает этого делать.

Я кладу эту книгу назад в ящик, расстилаю молитвенный коврик, сделанный в Конье и совершаю ночную молитву – и изнуренный нарушением биоритмов из-за десятичасового межконтинентального перелета – погружаюсь в глубокий сон.

²⁵ Верую, потому что абсурдно (лат.). Искаженная цитата из Тертуллиана: *Credibile, est quia ineptum* (Вероятно, потому что нелепо). – Прим. ред.

Обрезание

Стамбул, 9 июля 1984 г.

Перенести обрезание, будучи взрослым – это не шутка, даже если его выполняет хирург в современной больнице в Нишанташе²⁶.

Обрезание – это в высшей степени символический акт. Это соблюдение человеком традиции и его приобщение к веренице людей, восходящей к пророку Ибрахиму с которым нас разделяет более 3000 лет. Подчинение Аллаху (*ислям*) – должно быть столь же необратимым как и физические последствия обрезания.

Обрезание не упоминается в Коране. Это установленный Ветхим Заветом обычай, о котором говорится в хадисах наряду с другими полезными навыками соблюдения личной гигиены, таких как подстригание волос и ногтей. Поэтому вполне понятно, что распространенность традиции обрезания имеет древние и гораздо более глубокие корни. То, чем современные родители обосновывают обрезание для своих мальчиков – доводами практического, гигиенического и сексуального толка – это только внешняя сторона дела.

²⁶ Район Стамбула. – *Прим. ред.*

Суеверие

Стамбул, 15 июля 1984 г.

Ислам не приемлет любых проявлений суеверий, но было бы заблуждением считать, что в исламских странах не слышали о сглазе, магических силах и колдунах, «дующих на узлы» (о которых говорится в 4 аяте 113 суры «аль-Фалак»). Даже коранический запрет на предсказание будущего не искоренил полусерьезную традицию гадать на кофейной гуще.

Многие просвещенные турки казалось бы, отошли от Ислама, но не расстались со своей восприимчивостью и чувствительностью к суевериям, чем подтвердили поговорку «где нет веры, там появляется суеверие».

Любопытно, что подобные обычаи, даже граничащие с колдовством, проникли в сам Ислам, чему поспособствовала двойственная роль суры «*Йа Син*». Чтение этой суры за здоровье или упокой – тем более, когда это делают *хаджи*, – считается особо действенным.

Но как быть, если этот или другие коранические аяты носят в качестве амулета? Разве такая защита от судьбы не является оружием, направленным против божественного провидения? В Турции некоторые женщины даже заквашивают молоко «*Йа Син*», которое якобы обладает целебными свойствами и защищает от *назара* (сглаза).

Человек, конечно же, склонен постоянно пытаться влиять на свою судьбу (или судьбы других), стараясь узнать будущее или привлекая в свою поддержку всяческие силы. Грустно, что Ислам так и не смог изжить эту слабость. Неужели в Коране следовало бы повторять еще чаще, что «никто не ведает о часе», что Аллах вознаграждает и наказывает, как Сам того желает, и что никто не может исполнять роль заступника без Его соизволения.

Неужели эта религия – Ислам – слишком рациональна? Разве некоторым верующим не хватает византийского бога, изображенного на золоченом мозаичном фоне? Распятого бога, к которому они могут прикоснуться? Бога-младенца в яслях?

А 'узу би-льлях (Ищу защиты у Аллаха).

Побеждая, молитесь о прощении

Рим, 15 октября 1984 г.

На обратном пути после лекции «Общественное мнение и оборона», прочитанной мной в военном колледже НАТО, у меня появляется время выучить в римском аэропорту “Фьюмичино” 110 суру Корана «Ан-Наср». Я уже знаю арабский текст и его смысл, но боюсь запомнить неправильное произношение. Поэтому в зале ожидания я обращаюсь к тунисту в феске со словами «*Ас-саляму алейкум!*» Как только он понял мою просьбу, то сразу же начал читать мне суру «Ан-Наср», словно только и ждал, что я попрошу его об этом: «*Иза джя’а насру-Ллахи уа-ль-фатх...*» («Когда пришла помощь Аллаха и победа...»).

Согласно последнему аяту этой суры, мусульман увещевают не радоваться в час победы, а смиренно просить о прощении. Удивительное правило! Насколько могла бы измениться история дипломатии, если бы государственные деятели почаще прислушивались к этому совету! Не исключено, что можно было бы предотвратить и Вторую мировую войну, если бы Клемансо и Пуанкаре в 1919 г. не прониклись чувством ненависти и жаждой мести по отношению к Германии, а повиновались бы *суре* «Ан-Наср»!

Сказание о Дионисии Ареопагите

Лондон, 24 октября 1984 г.

Моего дядю Гуго Балля, основателя дадаизма в Цюрихе во время Первой мировой войны, помнят не только за его изобретательную фонетическую поэзию (*Lautdichtung*), но также за его пронизательную критику былого и современного общества (*Zur Kritik der deutschen Intelligenz*. – Berne, 1919; *Die Folgen der Reformation*. – Munich, 1924; *Die Flucht aus der Zeit*. – Munich, 1927). Однако, следует отдать ему должное за значительный вклад в теологию, представленный в книге “Византийское христианство” (*Byzantische Christentum*. – Munich, 1923, 2nd ed. 1979).

Эта работа посвящена Дионисию Ареопагиту, необычному святому и автору богословского учения об ангелах, которого в Средние века считали современником св. Павла и, стало быть, свидетелем зарождения христианства. В этом и, следовательно, в авторитетности его трудов, был абсолютно убежден Фома Аквинский.

Хотя о личности Дионисия нам сегодня известно не так уж много (и называя поэтому его Псевдо-Дионисием), мы гораздо больше Фомы Аквинского знаем об истоках трудов Дионисия. Кем бы ни был этот человек, но он жил на рубеже V–VI вв. и находился под столь сильным влиянием Прокла, что полностью перенял подход неоплатоников и гностиков. Таким образом, одна из самых ранних доктрин Церкви, с готовностью принятая ею, а именно, «мистическое богословие» Дионисия, в которой он рассуждал об иерархической структуре космоса, в действительности была выдвинута где-то через 600 лет после Христа.

Дионисий – греческий суфий – представляет большой интерес для изучающих Ислам, если они хотят вникнуть в определенные аспекты исламского мистицизма и шиитской

доктрины, в такие конкретные понятия, как «свет», «озарение», «Абсолют», «экстаз» и «единение с Богом». К чести Дионисия, однако, следует еще раз сказать, что в своем первом «Письме Гаю» он признал, что «Полное неведение и есть познание», – и далее, – «И если кто-либо, увидев Бога, понял то, что он видел, – не Его он видел, а что-либо сущее и познаваемое; Бог же в Своем сверхъестественном бытии превосходит ум и сущее и потому вообще не есть ни что-либо познаваемое, ни что-либо существующее, а существует сверхъестественно и сверхразумно познается... Полное неведение и есть познание Того, Кто превосходит все познаваемое»²⁷.

Гуго Балль доказал, что Дионисий использовал немало понятий и концепций, происходящих из гностического оккультизма и персидских мистерий огня. Это были характерные тайные культы древности, порождающие фантастические космологические теории, в частности о природе, положении, численности, обязанностях и иерархии ангелов. Эти представления оставили свой след в христианском мире постольку, поскольку они проистекают из предположения о том, что материя в целом и то, что касается чувственного восприятия человека в частности имеют низшее и даже злое начало. Это манихейство и демонизация мира послужило основой для некой надстройки высших сфер, по которым человек может подняться к спасению и очищению от греха.

Все эти понятия – это лишь небольшой шаг в сторону от толкований, данных загадочным исламским ученым Абу Хамидом Аль-Газали на основе коранического аята о Свете (*сура 24, аят 35*).

²⁷ Дионисий Ареопагит. Письмо Гаю монаху // Мистическое богословие. – Киев: Путь к истине, 1991. – С. 11. – *Прим. ред.*

Этот разноплановый философ, юрист и теолог известен своим трудом *«Тахафут аль-фаласифа»* («Опровержение философов»), в котором он «разгромил» метафизическое рассуждение, а также ортодоксальной работой *«Ихйя 'улюм аддин»* («Воскрешение наук о вере») и трезвым и рациональным произведением *«Мункиз мин ад-даляль»* («Избавляющий от заблуждений»). Но как свидетельствует его *«Мишкат альанвар»* («Ниша света») Аль-Газали был также и суфием.

Сегодня, наконец-то, я нашел эту книгу в английском переводе У. Гэрднера в исламской книжной лавке на лондонской Севен Систерс роуд. Ожидая обратный авиарейс в аэропорту Хитроу, я буквально проглатываю ее.

В значительной степени полагаясь на теории гностиков и неоплатоников, характерные для мысли Псевдо-Дионисия, Аль-Газали отваживается истолковать несколько довольно неясных и двусмысленных слов, встречающихся в Коране. Он, к примеру, берет слово *ар-рух*. Как его понимать: душа, дух, божественное вдохновение, или же оно воплощает в себе Святой Дух? Или *аль-мута* ' (тот, кому повинуются): это Гавриил, платоновский демиург (строитель вселенной как наместник Бога, а не ее создатель) или Первая Эманация? *Логос*, что буквально можно понимать как слово, но также как воплощенное Слово Бога, душу вселенной, сущее, эманацию. Или *аль-амр*: это повеление Бога или повеление демиурга как перводвигателя, действующего от имени Бога? Даже *ан-нур* можно рассматривать как свет, как Самого Бога, как Мухаммада ﷺ или как неоплатонического демиурга.

При таких попытках определить терминологию Корана постоянно возникает мысль о демиурге. Это не простое совпадение. В конце концов, эта мысль составляла основу суждений гностиков и неоплатоников в их попытке представить некоего Бога, Наивысшего и Недвижимого,

пребывающего над актом создания, а поэтому создающего лишь косвенно, через посредство «перводвигателя» второго уровня.

Не нужно обладать богатым воображением, чтобы понять, что мистические взгляды Аль-Газали – подтверждающие подобного рода космологию – подвели его слишком близко к той черте, за которой остается лишь принять то, что равнозначно «Сыну Божьему», и таким образом фактически претупить главнейшую исламскую доктрину *таухида*.

Кажется, что Аль-Газали, по меньшей мере на какой-то миг пренебрег основным правилом толкования коранических терминов:

Он – тот, кто ниспослал тебе писание; в нем есть стихи, расположенные в порядке, которые – мать книги; и другие – сходные по смыслу. Те же, в сердцах которых уклонение, – они следуют за тем, что в нем сходно, домогаясь смятения и домогаясь толкования этого. Не знает его толкования никто, кроме Аллаха. И твердые в знаниях говорят: **«Мы уверовали в него; все – от нашего Господа»**. Вспоминают только обладатели разума! (Сура 3, аят 7).

Скажите мне, что связывает мусульманского суфия с греко-персидским неоплатонизмом и гностицизмом, и я выскажу вам свое мнение о его взглядах.

Они подумали, что я шучу

Брюссель, 27 ноября 1984 г.

Как председатель ежегодного Совещания глав информационных отделов министерств обороны стран НАТО сегодня я представил участникам анализ среднесрочных тенденций в общественном мнении.

Я попытался особо отметить признаки постепенного изменения в сознании людей, в частности, представителей молодого поколения. Многие из них представляются мне идеалистами, но при этом пессимистичными моралистами, поддерживающими постматериалистические ценности, выявляющими особую потребность в единении и психологическую готовность следовать за эмоционально сильным лидером. Их готовность повиноваться бросается в глаза во время любого рок-концерта. Более того, кажется многим из этих молодых людей присущи недоверие и недовольство. У них отсутствует уверенность в демократии, в государственных институтах или в авторитете общества и человека в целом. В силу этой и иных причин они всерьез опасаются за свое будущее.

Во время своего выступления я отметил, что эти явления есть не что иное, как вершина айсберга представляющая собой глубокий социально-культурный кризис, т.е. реалии, давно предсказанные бдительными наблюдателями, среди которых гарвардский социолог Дэниел Белл (*«Культурные противоречия капитализма»*), а также бельгийский профессор Лео Мулен (*«Европейское приключение»*).

Я согласен с их анализом нынешней стадии взрывоопасной научно-технологической экспансии. По их мнению, западное общество с присущими ему плюрализмом и демократией, властью закона и технологической направленностью (иными словами, полностью

индустриализированное капиталистическое рыночное общество) обязано своим развитием уважению иудео-христианских ценностей, сформировавшихся под воздействием гуманизма и либерализма, а также практическому следованию им. Изначально все эти ценности основывались на религиозных убеждениях и нормах, таких как неповторимость человеческой души, братство во Христе, повеление Бога возделывать землю, а также на добродетелях – прилежании, бережливости и сдержанности. Однако стало очевидным, что все более и более успешный экономический подъем на Западе подрывает (или отравляет) самого же себя. Чем выше уровень жизни и благосостояния общества, тем сильнее эта система расшатывает основания, которые до сих пор поддерживали ее.

В процессе этого прежние ценности, как правило, искажаются. Индивидуализм превращается в нарциссизм; самостоятельность – в анархию; терпимость – в девальвацию добродетели; гибкость – в пренебрежение любой традицией; процветание – в гедонизм; усердие – в потребительство; бережливость – в трудоголизм; состязательность – в жесткую конкуренцию; восприимчивость – в брезгливость; братство – в тоталитаризм; равенство – в единообразие; и вера в Бога – в безынициативность.

Короче говоря, я описал симптомы надвигающегося структурного упадка в западном мире и спросил, достаточно ли гибки наши механизмы демократии, чтобы справиться с подобными изменениями? И может ли Запад пасть жертвой своей же собственной гибкости?

Сидевшие за столом доблестные представители информационных отделов не знали, как отреагировать, и потому хранили долгое неловкое молчание. Они не были готовы выслушать анализ проблем общественных отношений,

который бы так заострял внимание на закате религии на Западе.

Затем один из делегатов отважился спросить, каковы перспективы религиозного возрождения на Западе. Я ответил, что мне не представляется возможным, чтобы нынешние христианские Церкви вновь обрели значимость в глазах большинства молодежи. Я также отверг возможность создания новой западной идеологии посредством чисто социологического прогнозирования и добавил: «Так называемые тайные молодежные церкви и молодежные секты доказывают, что это поколение чувствует сильную потребность в идеологической и религиозной поддержке. Ныне этот потенциал неустойчив – он колеблется между марксизмом, экологическими чудачествами и кришнаизмом. Однако не исключено, что такое настойчивое стремление к религии и самореализации в ней приведет к обращению в совершенно иную неевропейскую религию, которая привлекает молодежь как противоядие от материалистических бед, придавая особое значение узам братства, исключая любые религиозные иерархии и будучи жизнеутверждающей по своей природе. Это – Ислам».

Мои слушатели восприняли это как шутку. Я же не шутил.

Женщины в Исламе

Люцельбах, 24 декабря 1984 г.

Молодые немецкие мусульмане, недавно принявшие Ислам, собрались здесь, в «Доме Ислама», ожидая своего отъезда в Мекку для совершения *‘умры* (малого паломничества). Обстановка здесь однако напряженная, так как посольство Саудовской Аравии не может выдать визы нескольким незамужним женщинам из этой группы, поскольку они едут без сопровождения близкого родственника-мужчины (ведь их отцы и братья пока еще не мусульмане).

Министерство иностранных дел Саудовской Аравии обычно отказывает во въезде одиноким женщинам, опасаясь наплыва незамужних девушек, пребывающих в поиске себе принцев и нефтяных скважин. Традиционные нормы мусульманского законодательства, регулирующие как малое (*‘умра*), так и большое (*хадж*) паломничество, также не позволяют незамужним женщинам участвовать в этих ритуалах, без сопровождения близких родственников. Разумное правило, если учесть все материальные и климатические тяготы паломничества, но нелепое при нынешних обстоятельствах. (Мусульманские правоведы прошлых веков просто не могли себе представить такого случая, что паломница может оказаться единственным членом семьи, исповедующим Ислам!)

Благодаря настойчивым обращениям Мухаммада Сиддика, немецкого имама, получившего образование в Медине, Министерство иностранных дел наконец-то находит выход из этого положения, и после небольшой задержки, по крайней мере, несколько пожилых немецких паломниц могут присоединиться к своей группе в Мекке.

Немусульмане обычно полагают, что женщинам не разрешается посещать мечети или совершать паломничество. Некоторые даже до сих пор верят, что у женщины согласно Исламу нет души. Насколько же шаткой может стать связь человека с реальностью! Как нелепо, что подобные легенды продолжают жить вопреки очевидному свидетельству об обратном!

Согласно Исламу женщины не только обладают душой; они имеют такой же религиозный статус, что и мужчины, а потому обязаны, если это возможно, совершать паломничество. По данным Дэвида Лонга, автора книги *«Хадж сегодня»* (Олбани, штат Нью-Йорк, 1979 г.), в 1972 г. среди 479339 паломников, прибывших в Мекку, было 170864 женщин (т.е. 34,6 %). И хотя в мечети женщины действительно молятся отдельно от мужчин, это очень напоминает ситуацию с католичками, которые при посещении мессы обычно занимали скамьи только на левой стороне.

Что же касается других сторон жизни, то на протяжении последних 1400 лет мусульманки также имели такой правовой статус, который их европейским сестрам удалось выработать только в XX веке. Брак, к примеру, не влечет за собой никаких отрицательных последствий для собственности жены. Она, и только она может по-прежнему управлять и распоряжаться принадлежащим ей до замужества имуществом так, как считает нужным. А разделение собственности (в отличие от попечительства мужчины) – одно из недавних достижений Европы – всегда было объектом правовой регламентации по исламскому законодательству.

Аналогично этому, хотя сыновья действительно наследуют большую часть имущества, чем дочери, заботы по содержанию семьи полностью ложатся на плечи мужчин. А

если жена не желает кормить ребенка грудью, ее муж обязан оплатить услуги кормилицы. За женщиной остается последнее слово в вопросах воспитания ребенка и, при необходимости, она может сама ходатайствовать о разводе.

В принципе женщинам разрешается избирать любую традиционную профессию. Во время битвы при Ухуде (в 627 г.) мусульманки сражались в боевых отрядах поддержки, а жена Пророкаﷺ ‘Аиша даже формально командовала Верблюжьей битвой (656 г.).

В том, что касается равенства полов, в Исламе есть и другие спорные моменты. И все же, прежде чем обрушиваться на Ислам по поводу эмансипации женщин, критикам следует принять во внимание вышеупомянутые факты.

В чем ошибается мистика

Ашаффенбург, 26 декабря 1984 г.

Как и все суфии, Идрис Шах знает, что нельзя получить инициацию на пути мистики лишь читая книги. Однако он с выгодой издает одну за другой работы о мудрости дервишей и магов. Его труды все же проливают некоторый свет на проверенные и доказанные методы суфизма, возможно даже больший, чем может дать историко-научный анализ феномена мистицизма, в частности книга ведущего западного эксперта, профессора Боннского и Гарвардского университетов Аннемари Шиммель «*Мир исламского мистицизма*», Чэпл Хил, (1975 г.).

Можно только приветствовать, если люди пребывающие в поиске Бога, не питают никакого доверия к человеческой логике и здравости рассудка как средствам восприятия метафизических истин. Однако один тупик не может служить альтернативой другому. И хотя с рациональным подходом к проблеме онтологии далеко не уйдешь, это вовсе не означает, что подход иррациональный позволит продвинуться хоть немного дальше.

Наоборот, внутреннее видение не может приносить успех, где бессильно чувственное восприятие, ибо, в конечном итоге, внутреннее видение само по себе есть не что иное, как побочный продукт чувственного восприятия. Любое мистическое переживание реально лишь настолько, насколько его можно передать с помощью одного из наших языков. Поэтому даже озарение после экстаза предопределено узкими рамками языковых понятий, почерпнутых из чувственных переживаний, и происходит только внутри этих рамок. Иными словами, внутренний путь – это отнюдь не альтернатива.

Избежать ограничений наших органов чувств невозможно. Не бывает рациональности или иррациональности, лишенных чувственности. Не бывает озарения без заранее установленных ассоциаций – все происходит только через посредство словарного состава нами же созданного языка.

Во всяком случае, не существует способа проверить онтологическую истинность того, что, как считает мистик, он видит внутренним зрением и слышит внутренним слухом. Суфии заявляют, что могут без труда выявить самозванцев. Но вообще-то люди так жаждут панацей и чудес, что придумывают собственных *марабутов* (так называют в Северной Африке известных праведников) – к чьим могилам привязывают лоскутки одежды, – если в жизни харизматичных, мудрых личностей не оказалось.

Особый скепсис уместен всякий раз, когда суфии проявляют стремление к мистическому единению с Богом, так как это может породить пантеистическую иллюзию тождественности, между тем как Бог Ислама, Аллах, – это превыше всего. Серьезную тревогу вызывает пантеистическая форма *ширк*, проистекающая от желания смертного человека до срока оказаться перед Богом. Но еще тревожнее звучит заявление суфиев, что при условии самоотдачи и применения надлежащих методик, некоторые из них могут достичь большего знания Бога посредством особого личного озарения, чем посредством того, что было ниспослано для всех через пророков Бога. Это высокомерие, граничащее с богохульством.

Женщины и мужчины, какими их создал Совершенный Бог, не могут быть неприспособленными к жизни, ошибками или машинами с внутренними дефектами. Людям свойственна рациональность, которая и отличает их от животных. Мыслимо ли тогда, чтобы их служение Богу было

правильным только в том случае, если они откажутся от этой рациональности в пользу иррациональности.

Я так же не верю, что переданное человечеству откровение, и в первую очередь Коран, – это закодированное оккультное послание, исполненное тайн и, следовательно, по-настоящему, доступное только немногим членам эзотерической элиты. Неужели превращать Ислам, эту религию золотой середины, в привилегию благочестивой аристократии, – означает поступать по-исламски?

Библия свидетельствует

Гайленкирхен, 4 февраля 1985 г.

В своей книге «Библия свидетельствует» («*Das Zeugnis der Bibel*», Вайлервишт, 1984) Сахиб Мустахим Блехер определил те места в Ветхом и Новом Заветах, которые подтверждают Коран в целом и пророческую миссию Мухаммада ﷺ в частности.

Современные мусульмане, живущие на Западе, ожидают немногого от сравнительного исследования Библии и Корана, будто – как постоянно подчеркивает профессор Ганс Кюнг – Ислам и христианство не могли бы пролить больше света на происхождение друг друга. (Необходимо отдать должное христианским богословам, таким как Адольф фон Гарнак, Адольф Шлаттер и Пауль Шварценау, за признание ими того, что Коран сохраняет самое раннее и наиболее верное толкование положения, роли и природы Иисуса, а потому служит напоминанием и сводит христиан с их собственным прошлым).

И все же западных мусульман, по-видимому, занимает одна связь между Новым Заветом и Кораном: предсказание миссии Мухаммада ﷺ в Евангелии от Иоанна (14:16 и 16:13). Мусульмане едины во мнении (которого придерживается также профессор Кюнг), что правильное прочтение слова *Periclitos* (т.е. по-арабски *Ахмад*), вместо *Paracletos* – означает нечто большее, чем просто указание на то, что (1) после Иисуса будет еще один пророк и (2) что этот пророк – Мухаммад. Вероятно, в равной степени важно прийти к единому мнению по поводу того, как нельзя истолковывать фрагмент Евангелия от Иоанна (14:26), а именно, переводить слово *Paracletos* (утешитель) как «Дух Святой» вкладывая в него тот же смысл, что и доктрина Троицы. Многие издания Нового Завета действительно дают именно такой перевод –

что явно противоречит Евангелию от Иоанна (16:13) – и тем самым демонстрируют дальнейшее проникновение эллинистических и гностических предрассудков в этот (в любом случае сомнительной достоверности) текст. (Словно христологические манипуляции недостаточно исказили Евангелие этого автора.)

Тут, разумеется, возникает законный вопрос, а разве мало ли воспринимать Коран как самодостаточное, самоподтверждающее целое. Неужели пророкам требуется какое-то особое происхождение?

Нужно ли подкреплять коранические откровения документами, которые, подобно многому из Библии и в частности, Евангелию от Иоанна, сами по себе крайне нуждаются в подтверждении?

Рациональность, свобода и любовь

Брюссель, 7 февраля 1985 г.

Своим очерком «Западная система ценностей как моральное оружие» («Журнал Европейского института проблем безопасности», Люксембург, № 3, 1984 г.) Марсель Буасо попал в самую суть проблемы. Анализируя нынешнее положение западной системы ценностей, он заключает, что цивилизации всегда движутся к катастрофе, если, подобно современному Западу, допускают дисбаланс трех ключевых факторов: (1) рациональности; (2) свободы и (3) любви.

Свобода, не усмиренная любовью, приводит к беспорядочной эксплуатации. Рациональность, не усмиренная любовью, может привести к Холокосту. Любовь, не усмиренная рациональностью, чревата самоуничтожением. Рациональность без свободы – это рецепт для Архипелага ГУЛаг.

Читайте братство (вместо любви), уважение доступных знаний (вместо рациональности) и личное достоинство (вместо свободы), и вы поймете, почему истинно исламская цивилизация может избежать нынешнего дисбаланса ключевых факторов, как это происходит на Западе.

Сегодня в штаб-квартире НАТО я раздал эту брошюру на совещании официальных представителей национальных служб информации, убеждая их ненадолго отвлечься от своих сиюминутных проблем, чтобы сконцентрироваться на более срочной задаче – как справиться с почти незаметной, молчаливой культурной революцией, разъедающей самые основы западной системы ценностей.

Лучше бы Его Честь воздержались

Брюссель, 8 февраля 1985 г.

Когда христиане совершают ошибку, защищая посредством логики догмат Троицы, они поначалу играют словами, и в конечном счете отступают, заявляя, что, будучи тайной, Троица не поддается объяснению.

Сегодняшнее письмо д-ра Герхарда Л. Мюллера в редакцию газеты «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» представляет собой как раз этот случай. Бывший Главный судья Высшего трудового суда Германии разъясняет, что Церковь ни на одном этапе не считала, что Иисус обладает двойственной природой, являясь наполовину Богом и наполовину человеком. «Связь между Богом и человеком (в Иисусе) настолько уникальна, что найти ее аналог в истории религий невозможно». (Г-н Мюллер ошибается. Религиозные анахронизмы никогда не переплетаются так тонко.) Далее Мюллер утверждает, что Иисус был признан Богом, «так как будучи извечным Сыном Божьим, он всегда существовал в Боге и оставался Богом, принимая человеческий облик от Марии», а именно, «через посредство Божьего Духа». «Это событие означало для человечества возможность начать все заново, и толчок этому необратимому процессу дал Иисус».

Ну и ну! Лучше бы Его Честь воздержались от объединения столь надуманных и бессмысленных слов! (Или мусульманам следует поблагодарить его за такую непреднамеренную рекламу?) А не лучше ли (и достойнее) было признать бессилие разума в ответ на просьбу пояснить, что такое Троица?

Разумеется, было бы даже лучше, если бы г-н Главный судья немного покопался в захватывающей истории возникновения понятия Троицы, причем в любом составе – из Иисуса, Осириса и Гора; Бога-Отца, Марии и Иисуса; или

Бога Отца, Логоса и Иисуса. Ибо в этом случае ему пришлось бы признать – как св. Иоанну, св. Павлу и Псевдо-Дионисию до него – что он поддался игре в слова, впервые сыгранной Платоном и гностиками.

Банально утверждать, что таинства необъяснимы. Они таковы по определению. Однако нам ничто не мешает установить, является ли представленное тайной или же это, подобно Троице, умозрительное сооружение, созданное сердцами и разумом.

Были времена, когда догмат Троицы мог принести пользу христианству, особенно когда эту религию распространяли среди людей, веривших в иерархию богов. Сегодня же Троица – бремя для христианства.

Исламская демократия?

Брюссель, 14 февраля 1985 г.

Жителей Саудовской Аравии постоянно, причем несправедливо, называют «пуританскими фундаменталистами». Странное понятие, если под ним подразумеваются их усилия по борьбе с суевериями и порочностью. Ведь именно ради этого саудовские власти закрывают доступ к так называемой «могиле Евы», матери рода человеческого, в Джидде и не одобряют поклонение героям (или того хуже) на историческом кладбище Аль-Баки' в Медине.

Подобное обвинение выглядит странно и применительно к ваххабитской реформе нравов в Мекке. Ведь, как нам подробно поведал Генрих фон Мальцан («*Meine Wallfahrt nach Mekka*»), который тайно пробрался в Мекку в 1860 г., Священный город в то время был заполнен опиумными курильнями, борделями и воровскими притонами.

И, наконец, мне кажется довольно опрометчивым поносить образ жизни саудовцев из-за их необычной традиции воспринимать религию столь же серьезно, как это когда-то делали христиане.

Если пуританский фундаментализм ассоциируется с отсутствием самоуспокоенности и лицемерия, то да, среди саудовцев есть подобные фундаменталисты, и они могут гордиться этим.

Возможно, они чувствуют, что в определенной ситуации, подобной той, в которой мы оказались сегодня, движение вперед («прогресс»), требует принять модель, проверенную и доказанную в прошлом. В конце концов, подобную позицию, т.е. конструктивный консерватизм, признают и на Западе, но при условии, что ее не придерживаются мусульмане.

В поддержку предположения о том, что схема решения общественных проблем, выстроенная Мухаммадом и первыми четырьмя халифами, могла бы служить моделью для решения проблем в постиндустриальных обществах, безусловно нет примитивизма. Как нет и наивности в подтверждении своего отрицательного отношения к умозрительной, по определению философской школы Аль-Аш‘ари (874–935 гг. н.э.), философии и теологии – как и поступают саудовцы. Так неужели эта критика самих основ философской онтологии и метафизики примитивна лишь потому, что ее положения были сформулированы за несколько веков до Дэвида Юма, Иммануила Канта и Людвиг Витгенштейна?

В конце концов, западные критики исламского фундаментализма сосредотачивают свое внимание на отношении Ислама к западной модели плюралистической парламентской демократии. Они упускают из виду, что многим западным либералам и социалистам неплохо живется в конституционных монархиях, которые предоставляют христианству привилегированный правовой статус, не будучи при этом феодальными. Ислам также не насаждает деспотических теократий.

Довод о том, что история Ислама – отнюдь не история демократического развития, звучит неубедительно. Христиане часто страдали при неистовых «просветленных правителях», «просвещенных королях», «богобоязненных императорах» и «наместниках Бога», а исламским народам слишком уж часто приходилось терпеть злобных и деспотичных султанов, халифов и эмиров. Действительно, историю права Ислама можно рассматривать как единую долгую борьбу между идеей освобождения – властью исламского закона, гарантирующего справедливость, равенство и защиту от своеволия – и жестокой реальностью

деспотической власти. Для профессора Карла Ньюмена это послужило достаточным основанием, чтобы задать в сегодняшней «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» вопрос: «Существует ли сегодня под Полумесяцем хоть одно недиктаторское государство?».

Да, Ислам все еще должен предоставить человечеству обоснованное и конкретное доказательство того, что современное исламское государство (или «теодемократия», как называет его Маудуди) в теории и на практике может гарантировать всеобщее господство закона в соответствии как с Кораном, так и со Всеобщей декларацией прав человека.

Нет попадания – нет и опасности

Брюссель, 25 февраля 1985 г.

На протяжении двух последних десятилетий представители никакой другой профессии не страдали от атак террористов так сильно, как дипломаты. А потому они получают множество советов от экспертов, как не оказаться взорванным в собственной машине и избежать похищения или пули снайпера.

Однако даже если бы я полностью следовал их наставлениям, это ни на секунду не продлило бы отведенную мне жизнь. Пролетевшая мимо, пусть и у самого виска, пуля никогда не представляла настоящей опасности, а вот пули, которая тебе предназначена, не избежать.

Это не означает, что мусульманину не нужно знать новые параметры пистолета «Heckler & Koch P7 M14». Но ему никогда не следует питать иллюзию, что дни его не сочтены. **«Инна лиллахи уа инна илайхи раджи 'ун» – «Поистине, мы принадлежим Аллаху, и к Нему мы возвращаемся!»** (сура 2, аят 156), а также: **«Не подобает душе умирать иначе, как с дозволения Аллаха, по писанию с установленным сроком»** (сура 3, аят 145).

У меня не было этого разрешения «возвратиться», когда во время Второй мировой войны американские и британские бомбы каждые две недели градом сыпались на мой родной город. Как не было его у меня и 26 июня 1951 г., когда я выжил в автомобильной катастрофе в штате Миссисипи. Не было его у меня и четырнадцать дней спустя, когда на обратном пути в Вашингтон какой-то безумец в Теннесси прострелил окно купе в нескольких дюймах от моей головы. Его не было даже тогда, когда в 1976 г. я должен был получить назначение послом в Джидду, но у меня обнаружили раковую опухоль на левой почке. *Кисмет.*

Непрестанное приглашение

Брюссель, 9 марта 1985 г.

XVII Международная книжная ярмарка в брюссельском центре Рожье специализируется на изданиях на французском и голландском языках. Я, как оптимист, ищу новую исламскую литературу. Директория «islamique» в компьютере на информационной стойке отправляет меня к стенду с эзотерическими и оккультными сочинениями, среди которых есть книги о вертящихся дервишах и сомнительных выходках ходжи Насреддина. И только на выставке немецких книг мне удается найти несколько работ, опубликованных издательством «Исламише Библиотек» из Кельна.

Стыдно, если учитывать сильную конкуренцию, которую составляют здесь другие миссионерские группы. Ведь не только коммунистические страны, но и псевдохристианские секты «Святого Грааля», исламские еретики, наподобие дахешитов, астрологические кружки и группы поддержки гомосексуалистов занимают в центре Рожье целый этаж.

Тучные бельгийки, члены движения Веры Баха'и, светятся гуманистическим энтузиазмом, напоминая о шиллеровским и бетховенским «Обнимитесь, миллионы!» Неужели у мусульман нет воображения, деловой хватки и организаторских умений, продемонстрированных здесь адептами покойного Баха'уллы? Или встать на виду у всех в один ряд с сомнительными маргинальными группами представителей контркультуры андеграунда, как это делает здесь даже католическая церковь, ниже достоинства Ислама?

Разумеется, Ислам не приветствует агрессивную, систематичную миссионерскую деятельность. Эта религия полагается на неизбежную притягательность достойных подражания жизней отдельных мусульман. Католический

стиль *propaganda fidei*²⁸ не характерен для Ислама. Он (Ислам), скорее, воспринимает себя как непрестанное приглашение, религию открытых дверей с неизменно распростертыми руками и послание, говорящее само за себя. Иными словами, он рассчитывает на непровольное воздействие своей простоты, естественности, ясности и рассудительности на тех, кто стремится и способен услышать и увидеть.

Подобная позиция имеет смысл лишь в том случае, если верить, что Бог – и только Он один – поведет по прямому пути (*сират аль-мустахим*) кого пожелает и как пожелает. На этом фоне повсеместное распространение Ислама и вправду может показаться неуместным.

Но вера – это одно, а фатализм – другое. Мусульманин действительно должен сознавать, что Бог – это изначальная причина всего. Однако ему не следует противиться возможности стать звеном в цепи факторов, приводящих его соседа к обращению в Ислам. Он всегда должен молиться так, словно это его последняя молитва, но при этом строить планы и работать так, будто ему предстоит прожить вторые полсотни лет.

В этом отношении мусульманин может поучиться у детерминистической философии Маркса («истмата»), которая, возможно, служила и оправданием пассивности. Однако Ленин пропитал коммунизм большевистской активностью. Партийные кадры способствовали «неизбежным историческим процессам», добровольно ускоряя ход истории, поскольку он держит курс к своей predetermined цели – завершению построения социализма в мировом масштабе.

²⁸ Распространение веры (лат.). – *Прим. ред.*

Да, мусульмане тоже должны поспособствовать распространению своей веры (*да'уа*), прилагая к тому всю свою рассудительность и способности.

«О!» – сказала она

Брюссель, 11 марта 1985 г.

Во время одного дипломатического обеда моя соседка по столу, испанка, узнает, что я мусульманин. «О!» – произносит она, – «Вы один из тех, кто все еще ожидает рождения Бога». Я на какое-то мгновение умолкаю, понимая, насколько основательно удалось Реконкисте исказить образ Ислама, а затем решаю процитировать 112 суру: **«Не родил и не был рожден»**. Но вместо этого я меняю тему, лишь замечая, что «это единственное, чего мусульмане не ждут!»

Разве на занятиях по этикету я не усвоил, что за обеденным столом следует избегать вопросов политики, религии и здоровья?

Четыре соловья из Стамбула

Брюссель, 31 марта 1985 г.

Цикл концертов в протестантской церкви у Пляс-Рояль призван представить духовную музыку великих мировых религий. В программе вполне мог бы использоваться девиз Гуго Балля: «Искусство гораздо ближе к религии, чем наука». Сегодня нам предстоит побывать на гастрольном представлении «муэдзинов из Турции», декламирующих на арабском языке Коран, а на турецком – стихи Сулеймана Джелеби (XIV век н.э.), которые являются частью ханафитской церемонии празднования дня рождения Пророка (мавлид).

Сначала организатор объясняет различие между инструментальной музыкой суфиев и унисонным пением этих четырех муэдзинов, которое строится на внутреннем ритме и словесной мелодии коранических текстов. В заключение он просит нас воздержаться от аплодисментов, ибо подобная духовная музыка не должна отдаляться от своего истинного содержания и цели – молитвы.

Благодаря сильным и звонким, но в то же время гнусавым и жалобным голосам, эти четыре «соловья» действительно выразительны. Многие слушатели глубоко тронуты полнейшей сосредоточенностью и искренностью исполнителей. То есть лучшее, что есть в исламском искусстве!

И все же мне не дают покоя мысли. Следует ли подавать Коран в приукрашенном виде, дабы им наслаждались как *l'art pour l'art*²⁹? Разве Фридрих Ницше был, по большому счету, не прав, когда писал в «Рождении трагедии» («Die

²⁹ Искусство ради искусства (фр.). – Прим. ред.

Geburt der Tragodie»), что истинное христианство «отрицает все эстетические ценности?»»

Слыша одинаково часто звучащие «Аллах» и «Мухаммад», разве люди не нашли в этом подтверждение своему ошибочному представлению о том, что мусульмане – по аналогии с христианами – это «магометане?»»

И разве не правы мусульмане-ваххабиты, не одобряя даже эстетически приятный способ произнесения двух призывов на молитву, *азана* и *икамы*?

Разве мы сегодня не достигли той точки, где искусство главенствует над молитвой и подавляет ее, где искусство становится препятствием молитве?

Братская любовь и братство

Страстная пятница, 5 апреля 1985 г.

Можно принимать как должное то, что такие газеты, как «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» и «Ди Вельт», на Пасху посвящают целую страницу христианским учениям. Однако нельзя принимать как должное то, что подобные ежедневные газеты обращают внимание на Ислам как на «самую быстрораспространяющуюся религию во всем мире», как они сделали в этом году.

Жаль, что шанс подчеркнуть общее между иудейской, христианской и мусульманской верами был упущен. Карл Альфред Один писал: «Разделяет их именно идея понимания Бога. Согласно христианской догме, «Бог есть Любовь...» («Франкфуртер Альгемайне Цайтунг», 4 апреля).

К.-А. Один прав, используя термин «догма», поскольку она – только то, чем она есть, и не более. Но он не прав с точки зрения аргументации: «Принимая смерть на кресте, символе страдания человечества, Бог спасает род людской, возлагая это страдание на Себя». Грубо говоря, «любящий Бог» христиан – либо тождественен Аллаху, Милостивому и Милосердному, либо вообще не Бог.

Это поясняет анализ идеи «любви». Люди ассоциируют любовь с желанием отдать себя другому человеку, слиться с ним. Совершенная любовь требует отклика, ответной любви. Любящий человек и его партнер принимают друг друга, находясь на одном и том же уровне, но при этом возводят друг друга на более высокий пьедестал и нуждаются друг в друге, становясь зависимыми друг от друга в лучшем смысле этого слова.

Бог, разумеется, так любить не может. Иначе бы Он не был Всевышним, Совершенным, Абсолютным, Владычествующим и Независимым, каковым Он является.

Утверждать, что Бог без «тебя», без Своих созданий, обеднеет – конечно же, богохульство. Бог был извечно и изначально и всегда был Совершенен.

Поэтому любовь Бога к Его созданиям можно представлять только как неравную связь, которая ничего не отнимает от всемогущего владычества Того, Кто вечно пребывает в Самом Себе. Это означает, что Бог может быть щедр, милосерден и милостив к Своему мирозданию, если пожелает, но – если пожелает – может быть справедлив и суров.

Говоря о своем Боге Любви, христиане обычно имеют в виду не Бога-Отца, а Иисуса, который, как человек, мог быть жертвой и даже принести себя в жертву ради своих собратьев. Однако Бог, хотя Он и может принимать жертвы, не нуждается в них. Необходимость пожертвовать Собой (или частью Себя) ради Себя Самого противоречила бы божественной природе Того, Кого мы зовем Иеговой, Богом или Аллахом. Бог волен простить, коль пожелает, без всяких условий или процедур. Христиане гордятся «эпохальным прорывом», воплощенным в понятии Бога Любви. На самом деле, с точки зрения философической и теологической концепции Бога это был огромный шаг назад. Христианское понятие воплощенного Бога с человеческими чертами поставило под угрозу весь прогресс, достигнутый на то время благодаря греческим мыслителям и иудейским пророкам. Тогда, как и сейчас, христиане переносили на свою концепцию божества собственные навеянные страхом желания, пытаясь хоть как-то объяснить благоговейный трепет, который является неизбежным следствием возможности беспрепятственно видеть Божественное. Если Иисус и совершил исторический прорыв, то только благодаря предписанию любить Бога и своего ближнего, как самого себя. Однако было бы полной клеветой отрицать,

существование таких же предписаний в Исламе. Христианская «братская любовь» и мусульманское братство – это одно и то же.

Не глуп и при этом мусульманин?

Брюссель, 9 апреля 1985 г.

Каждую неделю я устраиваю один или несколько обедов в штаб-квартире НАТО для посетителей, приглашенных Службой информации. Официанты привыкли ставить возле меня бутылку с минеральной водой вместо вина. Они также осмотрительно меняют блюда из свинины на что-нибудь другое. Но все-таки, многие гости замечают этот маневр.

Когда же я объясняю, что мое «меню» обусловлено тем, что я, *альхамдулиллях*, мусульманин, большинство сначала принимают это за шутку, особенно если незадолго до этого они слышали, как я со знанием дела провожу брифинг по таким вопросам, как «Отношения между Востоком и Западом», «Проблемы контроля за вооружениями», «Альтернативные стратегии» и «Общественное мнение». (Не глуп и при этом мусульманин?)

На следующем этапе проявляется любопытство. Люди спрашивают: «Что (черт возьми!..) побудило Вас стать мусульманином?»

Затем начинается третий этап расспросов, наполненных предрассудками и подсознательными страхами в отношении Ислама. Наиболее характерные клише – священная война, полигамия и Хомейни!

Я весьма терпеливо пытаюсь объяснить, что «священная война» – это западный термин. Соответствующее же понятие в Исламе, «джихад», по сути, означает не более, чем духовное усилие. Я также подчеркиваю (после язвительного замечания насчет крестовых походов), что согласно 256 аяту 2 суры Ислам запрещает принуждение в религии.

Я охотно признаю, что теологические разногласия мусульман шиитского и суннитского направлений могут быть более кардинальными, чем у католиков и протестантов.

Когда разговор заходит об отношении шариата к браку, я обращаю внимание своих гостей на то, что первая жена имеет право оговаривать в брачном договоре недопустимость других. Я также заверяю своих слушателей, что в современном, требующем крайне деликатного подхода обществе выполнить условия Корана для заключения брака с более, чем одной женой, возможно лишь в исключительных случаях, ибо, как предсказывает 129-ой аят 4 суры: **«И никогда вы не в состоянии быть справедливыми между женами, хотя бы и хотели этого».**

Обычно такие застольные разговоры заканчиваются вничью. А на что еще я могу уповать кроме того, чтобы вызвать у моих собеседников хоть какое-то уважение к Исламу?

Я заметил, что посетителей помоложе особенно привлекает один специфический аспект этой религии – то, что мусульманин предстает перед Богом как свободный индивид, без какого-либо вмешательства со стороны церковной иерархии. В этом нет ничего удивительного. Ведь молодежь имеет свои счета с ритуалами, традиционными формальностями и бюрократическими структурами.

Пусть мои шансы невелики, но я никогда не оставлял надежды на то, что некоторые из гостей во время наших обеденных разговоров смогут хотя бы на миг почувствовать духовную чистоту Ислама и признать, что эта религия представляет собой вершину человеческого разума и морали.

Аллах знает лучше.

«Библия, Коран и наука»

Брюссель, 11 апреля 1985 г.

Книга Мориса Бюкая «Библия, Коран и наука» с подзаголовком «Священные Писания в свете современного знания» – замечательное подтверждение источников Ислама. Большинство ортодоксальных иудеев бессильны ответить, в какой мере Ветхий Завет является книгой человеческой, рукотворной, и почти невозможно выделить то, что с уверенностью можно считать ниспосланным Откровением.

Это же относится и к христианам. У них, по-видимому, начинается интеллектуальный ступор, когда они сталкиваются с правдой о том, что Новый Завет, включая все четыре Евангелия, во многих отношениях представляет собой не повествования свидетелей, а вторичный пересказ. Трактовка роли Иисуса, присущая современному христианству, на самом деле была предложена эллинистическими сторонниками радикальной школы св. Павла, в которой доминировали идеи неоплатоников и гностиков. Это направление добилось столь большого успеха, что они вытеснили своих иудео-христианских противников не только с исторической сцены, но и из памяти.

Сначала Бюкай приводит множество случаев, где Библия противоречит доказанным фактам, таким как последовательность сотворения мира, генеалогия Христа и даты конкретных исторических событий. Он также упоминает хорошо известные расхождения между повествованиями различных Евангелий о Воскресении и Причастии на Тайной вечере.

По признанию самого Бюкая, он был ошеломлен, когда впервые обнаружил, что достоверность Корана нельзя опровергнуть, выявив такие же или подобные изъяны. Он

удивился еще больше, узнав, что в Коране, напротив, нет ни единого утверждения, которое впоследствии не было бы подкреплено научными исследованиями, будь то в области астрономии, генетики или глубоководных исследований. В Коране безошибочно говорится даже об особенностях развития зародыша, т. е. о фактах, которые удалось подтвердить лишь недавно благодаря методу внутриматочной микроскопии.

На основании этого Бюкай утверждает, что «подобные положения Корана являют собой феномен, вряд ли объяснимый с позиций человеческого разума»³⁰. А то, что автор при этом обнаружил довольно много случаев медицинской некомпетентности, приписываемых Пророку в недостоверных хадисах, лишь подкрепляет это утверждение.

Увы, Бюкай – как и до него Мухаммад Икбал – так стремится найти все новые подтверждения научных истин в Коране, что попадает в собственную ловушку. К примеру, обнаружив в 33 аяте 55 суры предсказание о современных астронавтах и исследованиях космоса, он видит лишь тот смысл, который сам же в него и вложил, переиначивая терминологию. Подобный подход чреват тем, что некоторые читатели Корана могут воспринять его (Коран) как прорицание, забывая при этом, что Откровение по своей природе таково, что его первейшим предметом являются теологические, а не научные истины. Научные открытия не могут опровергнуть истинное Откровение; но ведь Коран – это не руководство по физике, биологии или химии.

³⁰ Бюкай М. Библия, Коран и наука. – К.: Ансар Фаундейшн, 2002. – С. 350. – *Прим. ред.*

Ислам и стресс

Бонн, 14 июня 1985 г.

Находясь в командировке в Бонне, я забежал к своему давнему коллеге, д-ру Алоису Мертесу, первому заместителю министра иностранных дел. Из-за плотного рабочего графика ему приходится срочно уходить уже после двухминутного разговора. На следующий день его хватил удар. Инфаркт. Смерть. Слишком много стрессов?

Сегодня это понятие вошло во все западные языки как само собой разумеющееся, словно оно само поясняет вред от саморазрушительного образа жизни. Однако типичный современный человек, к примеру, коммерческий директор, работает ненамного больше, чем люди в прошлом. Новым же фактором, из-за которого стресс стал явлением последних лет, служит ощущение современным человеком собственного бессилия перед чем-либо, жизни под постоянным гнетом гонки за сверхдостижениями. Многие люди на Западе видят лишь одну альтернативу: борьба или отступление. Они уже не осознают, что есть еще и третий вариант: плавное течение.

В борьбе за большую прибыль и успех (причем вопреки времени, обстоятельствам и своим начальникам) руководители всех уровней доходят до борьбы с пределами возможностей собственного организма, употребляя различные наркотические средства: алкоголь, табак, транквилизаторы, стимуляторы и снотворное. Это ведет к предсказуемым последствиям – серьезным нарушениям функций внутренних органов: сердца, легких, печени, кровеносной и нервной систем. Поэтому благоразумные врачи требуют от своих пациентов бросить пить, курить, прекратить глотать без разбору таблетки, а еще советуют расслабляться с помощью «трансцендентальной медитации» (ТМ).

В этом я вижу еще одно доказательство того, что исламский образ жизни согласуется с богоданной природой человека и что Ислам – это прекрасное решение сегодняшних проблем со здоровьем. И впрямь, не будет преувеличением сказать, что истинный мусульманин не может быть подвержен стрессу, и наоборот.

Алкоголь?	Запрещен!
Никотин?	Крайне сомнителен из-за опасности, фактически, политеизма, который подразумевается под любой формой зависимости.
Холестерин?	Без свинины с этой проблемой можно справиться.
Избыточный вес?	Можно снизить, соблюдая пост в месяц рамадан.
Страх неудачи?	<i>Аллаху Акбар!</i> Важен лишь Божий суд.
ТМ?	А чем же еще является ежедневная пятикратная молитва!
Время-деньги?	Не для мусульманина.
Физическая подготовка?	Это побочный результат мусульманской молитвы.
Стимуляция кровообращения?	Исламское ритуальное омовение стимулирует автономную нервную систему.

Разве этот перечень недостаточно свидетельствует, что жизнь согласно Корану и сунне – это здоровая жизнь? Разве он не дает еще один повод разглядеть в Исламе немедикаментозное противоядие внутренним проблемам современного индустриального общества.

Я, как руководитель, знаю, что говорю. Но я – руководитель с молитвенным ковриком в портфеле.

Хазрети Ататюрк и другие странности

Айвалык, 19 июля 1985 г.

Сейчас на слуху история о произошедшем чуде. И действительно, если будете ехать вдоль побережья Эгейского моря из Эдремита в Айвалык, то у Гомеджа собственными глазами увидите, что силуэт горной гряды слева от вас обрел черты профиля Ататюрка!

Можно только поздравить основателя современной Турции, ведь этот ландшафт чудесным образом напоминает его суровые черты. Ныне люди предсказывают, что такое же явление вот-вот произойдет в других районах страны. Кажется, что для Мустафы Кемала начался второй подъем: причисление к лику святых. Неужели однажды у нас будет хазрети (святой) Ататюрк?

Это позволяет мне еще лучше понять, почему Ислам столь нетерпим к статуям, изображающим человеческие фигуры. Вам не дано знать о том, какая слава их ожидает.

Возле Айвалыка, над бухтой, почти отрезанной от моря и поэтому названной Олю Дениз (Мертвое море), туристы устремляются к выдающейся наружу скале, именуемой Стол дьявола (Шейтан софрасы), где этот смутьян оставил заметный отпечаток копыта как раз такого размера, чтобы бросать туда монетки.

Все это очень забавно. И чем меньше люди верят в существование Сатаны, тем большую популярность он получает. В связи с этим Бодлер отпустил Люциферу комплимент: «Самое большое достижение Сатаны состоит в том, что люди не верят в его существование». (То же самое, полагаю, можно сказать и о КГБ!)

Следует, разумеется, знать, что мусульмане видят в Шайтане, падшем Иблисе, только искусителя, а не противоборствующую Богу силу, как его трактует мифология

персов и древних германцев. Но все же любому цитированию Корана (и, следовательно, обязательной молитве) предшествует умоляющая фраза: «*А'узу билляляхи мин аш-шайтан ар-раджим*» (Ищу спасения у Бога от проклятого дьявола).

Искупавшись в Олю Дениз, где температура воды не ниже 32°C, мы решаем посетить Великую мечеть в Айвалыке, бывшую когда-то греко-православным собором. Но, вопреки исламскому обычаю, она заперта. Ведь хотя мусульмане и не должны молиться (а работать) между рассветной и полуденной молитвами (т. е. в течение шести-девяти часов), мечети, в отличие от протестантских церквей, в это время дня обычно остаются открытыми.

Впервые в такую ситуацию – замок на двери – мы попали неделю назад в Ускюдаре, когда пытались посетить знаменитую, но скрытую мечеть Джинили Джами, славящуюся голубыми изразцами 400-летней давности. В обоих случаях причина была одна: опасение кражи ковров. Причина вполне понятная. Но не значит ли это, что из-за такой предосторожности верующие не могут попасть в мечеть? Не лучше ли убрать все эти предметы роскоши и оставить двери открытыми?

Ностальгия в Ускюдаре

Ускюдар, 10 августа 1985 г.

Взбираясь на холмы у побережья Босфора возле Ускюдара, попадаешь в завораживающее место: восстановленную обитель (*текке*) дервишей, принадлежавшую мусульманам из Узбекистана – членам ордена центрально-азиатских дервишей Накшбандийя, ярко описанного профессором, д-ром Аннемари Шиммель («Мир исламского мистицизма»). Сегодня эта текке является собственностью религиозного фонда (*вакуф*), возглавляемого потомками шейхов Накшбанди, которые сейчас носят фамилию Узбек.

Восстановление продвигается – постройка за постройкой. Здесь есть жилые помещения для мужчин, обособленные от помещений для женщин (но соединенные с ними), небольшая мечеть (*месджид*), просторная кухня, романтический дворик с фонтаном и водоемом, а также разросшееся кладбище дервишей – без него ансамбль не был бы полным.

Если обстановка и может излучать покой, то именно такая. Одно лишь пребывание здесь равнозначно размышлению. Это место удалено от суетливого мира. Оно обособлено, вне времени.

Меня вдруг осеняет, что эта умиротворяющая атмосфера, возможно, и есть то, чего мусульмане желают друг другу, говоря: «*Салям!*» (Мир тебе!).

Об отношении к смерти

Ускюдар, 11 августа 1985 г.

Караджа Ахмед Мезариджи, самое большое кладбище на Востоке, а то и во всем мире, занимает большую часть поросшей лесом равнины над Ускюдаром. В огромном парке, где в основном растут кипарисы, на протяжении нескольких миль нет ничего, кроме могил, направленных так, чтобы покойники – лежащие на правом боку – были обращены лицом к Мекке. Этот ряд параллельных могил обрывается прямо у природных холмов и завершается необычным по форме и виду ландшафтом: словно огромный магнит, расположенный в Мекке, притягивал и направлял все в одну сторону.

Между этим исламским кладбищем и христианским церковным погостом есть еще одно существенное и заметное глазу отличие: характерное отсутствие помпезных памятников и статуй (хотя турки более терпимы к мрамору, чем их братьяарабы).

Показной плач, безудержные завывания, вырывание волос и раздиранье одежды, любой культ, окружающий могильные камни, любое классово-осознанное посмертное увековечивание людской славы – все это не исламский стиль поведения. Западные обозреватели склонны ошибочно истолковывать такую сдержанность как невозмутимость. Терпение перед лицом невзгод они путают с бессердечием. Как будто в 1953 г. жители Саудовской Аравии похоронили своего любимого короля Ибн Сауда в неприметной и простой могиле из-за отсутствия уважения и преданности. Нет, правильное толкование этих феноменов просто: в своем отрицательном отношении к любого рода преклонению перед умершими, мусульмане руководствуются стойким нежеланием скатиться до нарушения единобожия (*таухид*).

Они хотят подчеркнуть, что славы с Богом не делят даже ушедшие из жизни гении, пророки или святые. Он правит без помощников.

С другой стороны, жители Запада зачастую переоценивают несоответствия между космологией и эсхатологией христианства и Ислама. В обеих религиях известно, что «поскольку этот мир постоянно уходит, то постоянно приближается мир иной» (‘Абд Аль-Кадир Ас-Суфи). Добропорядочный мусульманин, как и любой добропорядочный христианин, ежедневно готовится к смерти. Такое проявление бдительности даже было наделено законным статусом как составляющая одного из обязательных ритуалов паломничества (*хадж*) – через долгое символическое ожидание на ‘Арафате.

В Коране содержится множество аллегорических описаний небес и ада, а Мухаммад ﷺ дополнил этот эсхатологический материал повествованием о своем путешествии в Иерусалим (*исра’*) и вознесении на Небеса (*ми’радж*).

Словно этого было недостаточно (и словно можно было узнать больше), благочестивые суфии в невообразимых подробностях рассуждали о смысле и тонкостях таких символических понятий, как труба (в которую протрубят перед Судным Днем) и узкий мост (через который переходят на пути в Рай). Издания, подобные «Исламской книге мертвых» («*Totenbuch des Islam*») ‘Абд Ар-Рахима ибн Ахмада АльКади (1981 г.) даже осмеливаются давать поразительно подробное описание того, что можно назвать географией потустороннего мира.

Однако ничто из этих полетов фантазии не заставит здравомыслящих мусульман поверить, что эти авторы и вправду знают, о чем говорят. Подобные «книги мертвых» со всеми их благими наставлениями о преодолении пути между

жизнью, смертью и воскрешением, лишь доказывают нашу неспособность понять о жизни после смерти больше, чем об этом недвусмысленно сказано в Откровении.

Я предпочитаю стоять на твердой почве.

Моя «книга мертвых» – это 36 сура Корана, сура *«Йа Син»*.

Встреча с Мухаммадом Асадом

Лиссабон, 21 сентября 1985 г.

В лиссабонском отеле «Тиволи» мы с нетерпением ждем Мухаммада Асада и его жену-американку Полу Хамиду. Ну вот, наконец! За рулем подъехавшего автомобиля сам Асад, несмотря на свои 85 лет. Сначала мы говорим на немецком-языке его юности, – а затем переходим на английский. Но он равно готов поддержать беседу на арабском, фарси, французском, португальском, испанском и урду.

Я, стараясь не выходить за рамки приличий, задаю множество вопросов, чтобы побольше узнать о предпосылках ошеломляющих научных и литературных успехов, достигнутых им во благо Ислама на протяжении значительной части этого века. Я также напоминаю ему о надежде, которую он выразил в 30-х годах, на то, что Ислам заполнит вакуум после духовного банкротства и ухода со сцены западного и коммунистического атеизма.

Его предсказание было отчасти верным, поскольку обе эти системы находятся в состоянии упадка. Однако, вопреки его ожиданиям, Ислам не был признан альтернативой, так как ни одна мусульманская страна не смогла достичь такого прогресса, чтобы Запад увидел в нем иную привлекательную и убедительную модель. Как раз наоборот.

Даже в преклонном возрасте Асад не принимает желаемое за действительное и не терзается чувством горечи. Его глаза так же живы и скептически, а рассуждения так же здравы и трезвы, как и всегда. Если в этом учтивом джентльмене с эспаньолкой и есть что-то несообразное, так это несоответствие между его огромным вкладом в дело возрождения Ислама, с одной стороны, и его исключительной, до самоуничужения, скромностью и добросердечием, с другой.

Асад не пребывает под действием иллюзии, что прежде, чем люди во всем мире будут готовы к стратегическому прогрессу Ислама, должно будет произойти нечто гораздо большее; и он ожидает, что какую-то часть этой ноши я возложу на свои плечи.

Аллах с теми, кто терпелив в невзгодах (*сура 2, аят 153*), и с Ним нет ничего невозможного.

Руки прочь от Корана!

Лиссабон, 22 сентября 1985 г.

Новая величественная мечеть в Лиссабоне – вдохновенное эстетикой Баухауса подобие каирской мечети Ибн Тулуна – возведена прямо напротив музея Калоушта Гульбенкиана (чью сказочную коллекцию произведений исламского искусства должен увидеть каждый).

Ныне в Португалии живут 15 тысяч мусульман, в основном исмаилиты из Мозамбика. (Вернитесь на 700 лет назад, и вы увидите, что в этой стране их было намного больше).

Как только я приближаюсь к книжному стенду в мечети, какой-то молодой человек с беспокойством преграждает мне путь. Он принял меня за нечистого туриста-немусульманина, который не должен прикасаться к Священной Книге.

Чтобы понять эту защитную реакцию, нужно знать, что Пророк сказал: «Чистота – половина веры». А потому, согласно исламской традиции, мусульманам разрешается читать Коран только в состоянии ритуальной чистоты (которая означает примерно то же, что и чистота в обычном смысле). Христиане, когда они относились к своей священной книге столь же уважительно, тоже с почтением обращались с ней.

Когда наши братья из Мозамбика понимают, что ошиблись, они тотчас же изменяют свое отношение к нам и стараются сделать наше пребывание в Лиссабоне наиболее комфортным и приятным. Братство не имеет границ.

Долгий путь по организациям

Рейс Трансуорд Эр Лайнз 815, 9 октября 1985 г.

Во время пятнадцатичасового перелета из Брюсселя в Сан-Франциско (где назначена встреча Североатлантической ассамблеи) я располагаю массой свободного времени, чтобы почитать о развитии Ислама в Соединенных Штатах Америки. Это история замечательной метаморфозы.

В 1932 г. «пророк» Элиджа Мухаммад основал в Детройте расистскую, агрессивно настроенную против белых, военизированную организацию «Черные мусульмане». Его «Нация Ислама» преследовала политические, т. е. сепаратистские, цели. Но совершенно неожиданно после посещения Мекки и обучения в Священном городе даже политические активисты превращались в праведных мусульман. Это произошло с печально известным Малкольмом Икс (убитым в 1965 г.), таким радикалом с криминальным прошлым, как Рэп Браун (ныне Джамиль Абдуллах Аль-Амин), и с сыном самого Элиджи, Уоллесом Мухаммадом.

После десятилетнего управления «Черными мусульманами» Уоллес Мухаммад сделал правильные выводы и, к всеобщему изумлению, в десятую годовщину своего прихода к руководству (20 апреля 1985 г.) распустил собственную организацию на основании того, что она является неисламской. Вместо нее он, основываясь исключительно на Коране и сунне, предложил своим чернокожим собратьям влиться в сообщество всех мусульман, черных и белых, оставаясь при этом американцами!

Не стоило ожидать, что этому предложению последуют все бывшие «Черные мусульмане». Для многих такой поворот событий был слишком радикален. Поэтому один

чернокожий экстремист, Луис Фаррахан, создал новую «Нацию Ислама», основанную на этот раз на ярком антисемитизме.

Образ традиционного Ислама, конечно же, страдает от такого развития событий. Но будущее – за большинством чернокожих мусульман Америки, которые все больше и больше прибегают к истинным источникам Ислама. Сегодня в обращении находится бесчисленное множество экземпляров Корана в переводе на английский язык, которые бесплатно распространяет созданная пять лет назад организация «*Тахрик Тарсиль Кур‘ан*».

А где, как вы думаете, находится «Нью Эра Пабליкейшнз» – компания по оптовой торговле книгами об Исламе и мусульманском мире с самой широкой номенклатурой изданий и наибольшими складскими запасами? Конечно же, в Анн-Арборе, штат Мичиган. Где же еще?

Чернокожие мусульмане, белый имам

Сан-Франциско, 10 октября 1985 г.

Когда я поинтересовался насчет городской мечети, у стола справок отеля только пожалы плечами. Все, что они могут предоставить, – «перечень церквей», насчитывающий 24 разные, в основном малоизвестные конфессии. Но Ислама в нем нет. Мы не сдаемся так просто и находим в телефонном справочнике запись: «Исламский центр, ул. Дивизадеро, 850, молитвы ежедневно в 13.00, по пятницам в 12.00». (Странный способ заимствовать формы объявлений, принятые в христианских церквях, и строго установленное время служб).

Портье в гостинице затрудняется подсказать, где именно находится мечеть. Он лишь говорит: «Не ходите туда пешком. А если вам так уж надо, то возьмите такси, и только днем». Что означает: «Осторожно! Черное гетто!»

Но я все-таки прохожу эти две-три мили пешком, следуя все время на запад, минуя улицу Гроув и площадь Аламо. В итоге я оказываюсь в благополучном черном квартале. Люди здесь дружелюбные и общительные; они делятся со мной радостью по поводу очередного яркого солнечного дня под чистым калифорнийским небом.

В Исламском центре на полуденную молитву собрались только четверо чернокожих мужчин: почтенный седовласый джентльмен, который пытается осилить Коран на арабском, беззубый пенсионер, скрученный артритом отставной военный, неспособный преклонить колени или сделать поклон – который впоследствии оказывается муэдзином, – и Юсуф Саймон, очень интеллигентный молодой шиит, изучающий политологию. С показным юмором он обрисовывает ситуацию тройной дискриминации: черного

среди белых; мусульманина среди христиан; и шиита среди суннитов.

Когда муэдзин зовет к молитве, я с удивлением слышу, что он начинает со второго призыва (*икама*), а заканчивает первым (*азан*). Нисколько не сомневаясь по поводу того, как бы отреагировал на подобное изменение порядка Биляль (самый первый муэдзин и тоже чернокожий), я как можно деликатнее указываю на эту ошибку.

Последствия моего поступка неожиданные, но логичные: это небольшое собрание решает, что я самый «знающий» мусульманин среди них, и потому назначает меня – белого человека, пришедшего неизвестно откуда, – своим имамом на сегодняшний день. Вот так я впервые оказываюсь напротив молитвенной ниши (*михраб*), возглавляя в молитве местную умму. Перед этим я, разумеется, строго проверил – ибо это обязанность имама, – чтобы четыре человека, собравшиеся на молитву, выстроились в ровный ряд...

Возвращаясь назад на автобусе, мы с Юсуфом горячо обсуждаем вопрос об истоках личного конфликта, который привел к разрыву Фатимы и ‘Аиши и подготовил почву для последующего откола шиитского течения. Сидящие рядом находятся в замешательстве. Неужели они не понимают, что между мусульманами не существует расовых барьеров? Или они не могут поверить, что женщины играли такую активную и решающую роль в самые ранние дни Ислама?

Потому что это не должно быть правдой

Осло, 28 октября 1985 г.

Я имею честь прочитать Военному обществу Осло лекцию на тему «НАТО как сообщество ценностей» в присутствии Его Величества короля Норвегии Улафа V. Как обычно, организатор представляет меня на основании поданного мной *curriculum vitae*³¹. И, как обычно, в официальном представлении упущены два факта: мое вероисповедание и мои публикации по исламской тематике.

То же самое произошло две недели назад, когда я читал лекцию в Денвере, штат Колорадо (Комитету по международным отношениям), а также в бенедиктинском университете Св. Иоанна возле Миннеаполиса. В Сент-Поле распорядитель церемоний даже изменил мое *curriculum vitae*, объявив, что я продемонстрировал «интерес к Исламу».

Зачем эта игра в кошки-мышки? Неужели принимающая сторона действительно полагает, что запись «Ислам» в моих документах – опечатка? Неужели они считают мою религию неуместным заблуждением? Потому что не может быть правдой то, что не должно быть ею?

³¹ Жизнеописание (лат.) – *Прим. ред.*

Да это же пантеизм, Гегель и гностицизм!

Брюссель, 25 ноября 1985 г.

Вот уже несколько недель «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» предоставляет свои полосы для религиозного диспута, подогреваемого критикой «теологии освобождения» Леонардо Боффа и рассуждениями Урса фон Бальтазара о том, является ли Ганс Кюнг, знаменитый швейцарский профессор католической теологии, (по-прежнему) христианином, или же он стал мусульманином. Это увлекательный спектакль.

Интересно, свидетелями чего мы являемся: раздутого в прессе мероприятия – всего лишь диалога между специалистами – или прорыва более широкого масштаба? Быть может, этот диспут выявил религиозный вакуум, жажду народа к большей стабильности вероучения? Учитывая тревожные темпы, с которыми христиане покидают свою веру и церкви, это бы не было удивительным.

Бывший президент Германии профессор д-р Карл Карстенс не делал тайн из этой тревожной тенденции в своей речи в Женеве 29 августа 1985 г.: «Что касается развития событий в будущем, больше всего меня волнует не атомное оружие..., не проблемы окружающей среды..., не демографический взрыв в странах третьего мира. Меня больше всего волнует то, что наша цивилизация может утратить свою религиозную сторону жизни. Человек, считающий себя мериллом всего, – это действительно может обернуться для нас концом...»

Он произносил свою речь на фоне гнетущих данных: опросы выявили, что «религиозная вера», которую признали за собой только 14% опрошенных, скатилась до самой нижней отметки шкалы ценностей среди немецкой молодежи. Только 6% немецких протестантов и лишь

четверть немецких католиков продолжают регулярно посещать соответствующие церкви. Многие из молодых людей Западной и Северной Европы, которых считают активистами церкви, бывают там только по политическим мотивам.

Для мусульманина этот внутрехристианский диспут представляет особый интерес, поскольку и Бофф, и Кюнг оставили дискуссию о природе Иисуса – человек и Бог, нераздельно существующий в одном лице? – на потом, как будто и не было соборов в Никее и Халкедоне, повлекших за собой пагубные последствия. Ввиду этого становится очевидным, что любое обоснование понятия Троицы, даже сегодня, – это не более, чем невнятные фразы.

Взгляните, к примеру, на последнее издание католического катехизиса для взрослых с его мистическим подходом: «Благодать – это Сам Бог в Его самовыражении (*autocommunication*) через посредство Иисуса Христа в Святом Духе. В самом глубоком смысле милость означает, что Бог принимает нас безусловно, утверждает и любит нас через Иисуса Христа в Святом Духе, и что в этой любви *мы всецело едины с Ним, пребываем в личной общности и дружбе с Богом, лично участвуя в жизни Бога*». За богохульные высказывания, подобные выделенным курсивом, мусульманский суфий Аль-Халладж был казнен в 922 г.

Трудами тех, кто впустую играет словами, этот катехизис пытается сделать мнимый статус Иисуса – как единосущного Сына Божьего – более лицеприятным через приближение к этому статусу всех людей.

Да это же пантеизм!

Примечательно также участие в очередном диспуте о Троице («Франкфуртер Альгемайне Цайтунг», 24 ноября 1985 г.) профессора д-ра Ганса Вальденфельса. По его

мнению, воплощение Бога – это «поворотный факт» – т.е. Бог, становясь человеком, «полностью лишает Себя Самого же Себя». Завершает Вальденфельс чудовищным заявлением, от которого, должно быть, изогнулось в отвращении его перо: «Через воплощение Он, Бог, становится кем-то иным».

Да это же Гегель!

В другом письме к главному редактору, опубликованном на следующий день, автор принимает позицию, типичную для *illuminati* (просветленного): «Послание Христа не обращается к разуму... Это послание для... наших душ... Бог заблаговременно сотворил нас совершенными детьми света, исключительно духовными созданиями». Автор письма не говорит нам, как, минуя разум, послания доходят до наших душ.

Да это же гностицизм!

Но даже это еще не кульминация опубликованных за последнее время нелепостей, которой стала книга французского историка Жана Делюмо «Во что я верю» («*Ce que je crois*». Изд. Grasset, 1985). Он правильно исходит из посылки о том, что христианская догма совершила такой коренной переворот в видении Бога, что во все времена понять его было способно лишь меньшинство христиан. Но затем Делюмо высказывается в поддержку ошибочной христианской идеи о том, что, поскольку Иисус Христос – Бог, то Бог – бессилён (*non-puissant*), зависим и страждущ. На самом деле, как явствует из его высказывания, Бог продолжает страдать со всеми этими ничтожными и жалкими людьми, к которым причислял себя Иисус, продолжает страдать в них. Это заставляет Делюмо выразить надежду, что многое изменится к лучшему, как только люди поймут, «что Бог страдает с нами – и более, чем мы, – под всеми грехами этого измученного мира». Нравоучение в виде жалости к Богу?

В отличие от подобных сказок исламское видение Бога – полноценное, гармоничное и ясное. Это картина, изображенная Им Самим в Коране: Единый, Неделимый, Нерожденный и Нерождающий, Создатель, Совершенный, Несравнимый, Владыка, Абсолют, Тот, Кто не нуждается ни в Совершенстве, ни в Своем собственном мироздании. Аллах, Всемогущий, Тот, Кто руководит людьми через Своих пророков без потребности в перевоплощении, воссоздании и самопожертвовании.

Ввиду столь многих недавних рассуждений о сути Христа, будет уместным – как и в любое другое время на протяжении последних 1400 лет – процитировать суру «Аль-Ихляс», 112 суру Корана: **«Скажи: «Он – Аллах – Един, Аллах, Вечный; не родил и не был рожден, и не был Ему равным ни один!»».**

Глазами очевидца

Брюссель, 29 ноября 1985 г.

В течение одной и той же недели журнал «Тайм» (за 2 декабря 1985 г.) и еженедельник «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» (№ 300) обсуждают феномен хасидских поселений в Бруклине («Тайм») и в иерусалимском квартале Меа Шаарим («Франкфуртер Альгемайне Цайтунг»). Оба издания довольно подробно описывают, как неукоснительно эти ортодоксальные иудейские фундаменталисты – выходцы из Восточной Европы придерживаются своих строгих законов, регламентирующих пищу и женскую одежду. Они также рассказывают о разделении мужчин и женщин во время ритуальных актов поклонения и семейных празднеств, к примеру, свадеб. Также повествуется о том, с каким рвением хасиды изучают Библию и Талмуд, придерживаясь рамок своих понятий, равнозначных *таклиду*³². Кроме того, оба издания отмечают, с какой бдительностью, не допуская вмешательства посторонних, хасидские общины оберегают свой стародавний образ жизни, в частности обычаи, касающиеся шаббата.

Поражает во всем этом благосклонность обоих журналов, звучащая в комментариях относительно поведения хасидов. Они отводят им место «позитивной силы» («Франкфуртер Альгемайне Цайтунг»). «Тайм», основываясь на книге Лиз Харрис «Религиозные праздники: Мир хасидской семьи», даже пишет следующее: «Хотя любавичские хасиды далеки от проблем феминизма, Харрис усматривает в их образе жизни человеколюбие и утверждает, что женщины там создают между собой сестринские отношения наподобие

³² Таклид — слепое следование традициям. – *Прим. ред.*

амазонок. Мужчины чтят своих жен, там нет бросающейся в глаза неверности».

Иными словами, то, что в других обстоятельствах было бы названо дискриминацией, фактически находит одобрение как позитивное разделение мужских и женских ролей.

Так и подмывает закричать: «Слышим! Слышим!» Вы можете себе представить, как бы эти издания воспринимали такие же явления, если бы на месте иудейского фундаментализма оказался мусульманский? Применительно к мусульманам те же самые законы и традиции были бы осуждены как безнадежно отсталые, фанатичные, лишённые разумных оснований, непонятные и нарушающие право женщин на равенство.

Предания и факты

В поезде на Гамбург, 4 декабря 1985 г.

По дороге в военный колледж Бундесвера в Гамбург-Бланкенезе, где мне предстоит выступить с лекцией, я читаю книгу Камала Салиби «Библия пришла из Аравии» («*Die Bibel kam aus dem Lande Asir*», Лондон, 1983). Эта книга ливанского профессора-протестанта, основанная на лингвистическом анализе географических названий, представляет собой сенсационную работу о происхождении Израиля.

В отличие от ученых, придерживающихся традиционных взглядов на Библию, он принимает как должное историческую достоверность библейских повествований, но не географию, которая традиционно ассоциируется с ними. Этот оригинальный метод приводит его к выводу о том, что исторические события, связанные с ранними иудейскими племенами до 500 г. до н.э., в основном происходили между Та'ифом и Северным Йеменом, а именно, в районе Асир, что в современной Саудовской Аравии. Кроме того, он доказывает, что сотни поселений, рек и гор в Асире носят названия, последовательность согласных в которых соответствует аналогичным названиям из Библии, и что удаленность этих мест друг от друга также подтверждает описания в Ветхом Завете. В Палестине же, напротив, Салиби удается найти очень немного подобных свидетельств.

Если основа древнееврейской Библии, включая и монотеизм, действительно сложилась в Западной Аравии, и там действительно жил Авраам, тогда «предания» Ислама о том, что Мекку основала Хаджар, а первую Каабу построили Ибрахим и Исмаил, становятся весьма похожими на правду.

Израильские ученые, конечно, неистово пытаются опровергнуть утверждения Салиби, опасаясь, что это

поставит под сомнение законность существования государства Израиля. Как будто для создания достойного уважения отечества тому или иному народу требуется прожить в соответствующем регионе более 2500 лет!

Критики Салиби отмечают, что как в Палестине, так и в Южном Хиджазе можно найти немало древних названий. Но это ничего не доказывает. Всем известно, что переселенцы любят переносить на свою новую родину названия городов, которые они использовали «там, дома». Достаточно вспомнить города Бисмарк в Северной Дакоте или Афины в Пенсильвании.

Однако более важно, что метод Салиби позволяет ему проверить многое из коранического повествования об иудейских пророках. Эти коранические рассказы о событиях библейских времен – не просто сокращенный библейский материал, собранный с чужих слов (как хочется верить некоторым западным специалистам). В Коране, считает Салиби, скорее содержатся самостоятельные, подлинные версии библейских событий.

Более того, он полагает, что в районе Асира находились не только первый Иерусалим (Аль-Шарим, в 35 км к северу от Нимаса) и Эдемский сад (оазис Джунайна в бассейне Уади Биша), но также Содом и Гоморра и настоящая «река» Иордан (на склонах горы Сарат). Если его лингвистическое исследование получит подтверждение, то это будет означать, что Салиби одним гениальным росчерком пера исторически обосновал многое из Библии и Корана, включая все традиции, которые связывали Моисееву веру и Ислам с Авраамом, их общим духовным отцом, жившим в местности Риджаль Алма и в горном районе Кунфуза, к югу от Та'ифа.

Иными словами, его исследование подтверждает правомерность ритуалов паломничества в Мекку, на гору 'Арафат, в долины Муздалифу и Мину.

Права человека и Ислам

В поезде на Брюссель, 5 декабря 1985 г.

В ноябрьском за 1985 г. номере журнала «Арабия» Фатхи Осман подчеркивает, что для современной исламской мысли характерно довольно смутное видение основных прав человека в контексте Ислама (с. 11). Увы, он прав.

Когда мусульман спрашивают об их отношении к основным достижениям Американской и Французской революций XVIII века, ответ бывает обескураживающе неоднозначным. С одной стороны, есть независимая исламская интеллигенция, как, например, Мухаммад Асад и сам Фатхи Осман, которые, не будучи модернистскими ревизионистами, открыто и смело подходят к вопросу о том, остается ли Ислам по своей сути и логике актуальным для нашей эпохи. С другой стороны, находится и такой автор, как Огузхан Симсек, который в журнале «Хикрет» (издается в Кельне) за 1 ноября 1985 г. чинит расправу над демократией, заявляя: «Что такое демократия? Это не по-исламски». (*Demokrasi nedir? Islam degildir.*)

Более того, исламские государства по-разному воспринимают кодексы прав человека, будь то Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН (10 декабря 1948 г.) или Международный пакт о гражданских, политических, экономических, социальных и культурных правах (принятый 19 декабря 1966 г.).

Египет, Ирак, Иордания, Ливан, Ливия, Мали, Марокко, Сирия и Тунис сравнительно быстро ратифицировали эти договоры, однако другие колебались. Из государств последней группы Саудовская Аравия и Пакистан начиная с 1980 г. стараются разработать альтернативную – исламскую – систему прав человека.

Это обусловлено тем, что западная доктрина прав человека не полностью соответствует основанному на Коране шариату, который, к примеру, угрожает серьезными правовыми санкциями для вероотступников, не предусматривает полного правового равенства женщин и не позволяет немусульманам занимать высшие посты в исламском государстве.

Мусульманский ученый-правовед не может даже игнорировать институт рабства (хотя его никто и нигде уже не признает), он обязан считаться с тем, что Коран очень подробно рассматривает рабство, не одобряет его, но и не объявляет его в полной мере вне закона.

Проблема вероотступничества менее сложна, хотя в Средние века отступников порой казнили. Кораническое предписание в 33 аяте 5 суры касается не мирного перехода в другое вероисповедание, а тяжкой измены и военного заговора против исламской страны. Смертная казнь за подобные преступления предусматривается многими современными государствами.

Нетрудно обосновать и лишение немусульман права занимать пост эмира или халифа, особенно с учетом того, что исламский закон обеспечивает полную защиту религиозным и другим меньшинствам. Согласно Конституции США мой сын Александр, родившийся американским гражданином, не может стать президентом этой страны, поскольку появился на свет за ее пределами. Если этот закон не нарушает прав человека, то в равной степени следует принимать желание исламских стран оставлять определенные посты за мусульманами.

Это подводит меня к мысли о прямом столкновении западной доктрины и исламского закона в том, что касается женского равноправия. Бесполезно отрицать, что шариат представляет собой противоположную модель, исходящую

из естественного разделения ролей и функций между полами. На основании этого шариат действует согласно тому принципу, что равное обращение должно иметь место только в равных обстоятельствах и ситуациях, но не в различных. В любом случае, исламский закон призван защищать достоинство женщин и не допускать корыстного использования мужчинами тех женских слабостей, которые коренятся в биологических различиях. Исламская формула такова: равное достоинство – различные задачи; равный статус – различные роли; равная значимость – различные возможности.

Не существует способа объективно оценить, смогли ли деловые женщины на Западе – вследствие большей «эмансипации» – реализоваться и обрести счастье в большей мере, чем их восточные сестры. Многие говорят против этого. Так или иначе, я подозреваю, что никакая «система» не может гарантировать женщинам «качество жизни» – оно в значительной степени является следствием отношения человека к другим и к самому себе.

Но западные критики должны признавать одно: для мусульман, если уж речь идет о правах человека, последнее слово остается за Богом, и это слово – Коран.

Суеверная нумерология

Брюссель, 16 декабря 1985 г.

Для мусульманина Коран – это зафиксированное на арабском языке собственное послание Бога к человечеству. С учетом этого и следует читать ироничный вызов, содержащийся в 13 аяте 11 суры: **«Может быть, они скажут: «Измыслил он [Мухаммад] его». Скажи: «Приведите же десять сур, подобных ему, измышленных [вами]...».**

Поэтому нет ничего особенного в том, что любознательные мусульмане всегда пытались выявить скрытую внутреннюю структуру, строение Священной Книги, подобно тому, как астрономы пробуют разобраться со структурой космоса в целом. Разумеется, это стремление подогревалось особым желанием проникнуть в тайный смысл так называемых *мукатта'ат* – загадочных сочетаний нескольких, до пяти, букв в начале многих сур.

Мистическая нумерология в Исламе была особым способом пролить свет на эту и другие загадки толкования. Этот эзотерический и, по сути, каббалистический подход исходит из того, что слова, как и цифры, могут обозначать или символизировать определенные числа, кроме того, он предполагает оккультный смысл таких чисел.

Как свидетельствует бросающееся в глаза отсутствие числа 13 на дверях в отеле, такие взгляды весьма популярны и вне Ислама. Мэтр каббалы Папюс описал данный метод просто: «Буквы замещаются цифрами и обратно. Цифры же, по желанию, складываются»³³.

³³ «Die Kabbala». Висбаден, 1983 г. Перевод А. В. Трояновского. Цит. по: Папюс. Каббала, или учение о Боге, Вселенной и Человеке. – СПб.: Андреев и сыновья, 1992. – С. 36. – *Прим. ред.*

Безусловно, числовой символизм, даже представленный в качестве научной теории, – это чистая спекулятивность, основанная на мнимых догадках о «естественном» количественном и качественном значении букв конкретного алфавита. В действительности же каббалистическую теософию можно рассматривать как разновидность алхимии – математический суфизм, пытающийся обрести магические силы и пророческую проницательность.

Поразительно, но даже один христианский теолог недавно провел нумерологическое исследование Корана, названное «Мухаммад и Иисус – христологически значимые основы коранических текстов». («*Muhammad und Jesus – Die christologisch relevanten Texte des Koran*»; англоязычное издание: Вена, 1978). Его автор, профессор Клаус Шедль, на 500 страницах подсчитывает, вычитает и складывает цифры справа налево, вверх и вниз, применяя «логотехнический» метод в каббалистическом стиле, лишь с тем, чтобы прийти к заключению:

1. Структура Корана безупречна.
2. Мухаммад ﷺ был творческим художником и писателем, отшлифовавшим свой текст до художественного совершенства (с. 166).
3. Кораническая христология настолько близка к Новозаветной, что христианско-мусульманский диалог о способе поведения Иисуса (а не о его статусе и природе) обещает быть полезным.

В этом контексте Шедль поступает достаточно честно, цитируя соответствующие места из Деяний Апостолов (3:13, 26 и 4: 27, 30) и тем самым напоминая читателям, что иудейские и сирийские первохристиане – в отличие от тех, которые имели эллинистические и латинские корни, – видели в Иисусе исключительно раба Божьего ('абд). Он даже

допускает, что это изначальное семитское христианство продолжает жить внутри Ислама.

Радует, что, изучив трагическую историю несторианства, этот христианский эксперт, приходит к такому выводу. Но удручает, что он делает это на основе нумерологических трюков и умаляет значимость Мухаммада, возвышая его до статуса блестящего литератора. Аллах, и только Он, является Творцом Корана.

Собственно говоря, не стоит читать книгу Шедля далее 34 страницы, где он заявляет: «Поскольку буквы – это еще и числа, мы складываем их соответствующие числовые значения». Именно здесь заканчивается наука и начинается магия.

Какое же высокомерие – полагать, что древнееврейский алфавит не только представляет собой данную Богом нумерологическую систему, но и обуславливает нумерологию арабского алфавита! Почему, спрашивается, *алиф* – соответствует 1, *та* – 400, *ра* – 200, но *ха* – только 5? И кто, ответьте мне, определил, что 55 символизирует трансцендентное совершенство?

Любопытно наблюдать этих лингвистических каббалистов за работой. Одна из их уловок – занятие самореализующимися пророчествами: они изменяют свои методы и критерии подсчета до тех пор, пока не появится символически значимый результат. Он практически гарантирован, ведь каббалисты присвоили символическое значение почти каждой комбинации чисел. Приведенные ниже цитаты помогут раскрыть эти методы:

- Само существование 86 мекканских сур «предполагает, что здесь проявляется числовой символизм; ведь 86 – это числовое значение слова «Элохим», древнееврейского имени Бога» (с. 38).

- «На наш взгляд, они (т.е. загадочные *мукатта 'ат*) являются логотехническими сигналами тревоги, оберегающими следующий за ними текст» (с. 205).

Понятно, что те, кто склонен к подобным спекуляциям, никогда не упустят мистический джек-пот.

Каббалисты XX века, сведущие в области обработки данных, несомненно стремятся подвергнуть текст Корана компьютерному анализу. Поэтому мы должны быть готовы к количественному анализу «стиля Мухаммада» и даже его предпочтения конкретным гласным звукам. Это, в свою очередь, откроет дверь для последующих микроэлектронных игр в толкование, подтверждая немецкое изречение: «Чем меньше веры, тем больше послеверия».

19 – это разгадка?

Брюссель, 17 декабря 1985 г.

В 30 аяте 74 суры Корана категорично сказано: «Над ним – девятнадцать». Излишне говорить, что на протяжении столетий было предпринято немало попыток прояснить смысл этого странного фрагмента. Говорится ли в нем об ангелах, упомянутых в следующем аяте? Или же это указание на космологическое число, общую сумму планет и астрологических знаков (как были бы склонны полагать гностики)? Или это число означает девятнадцать функций тела, которые перечисляли врачи средневековья? Одному Богу известно. Или?..

Рашид Халифа, имам мечети в Тусоне, штат Аризона, исследовал роль числа 19 в построении всего Корана («Коран: Наглядное представление чуда». «*Qur'an: Visual Presentation of the Miracle*». Тусон, 1982). В итоге ему удалось доказать, не прибегая к каббалистическим методам, что 19 – это структурный элемент по меньшей мере пятидесяти различных аспектов. Он, к примеру, отметил, что:

- Открывающая формулировка (*басмала*) всех сур (за исключением одной) состоит из 19 согласных.
- Первое Откровение (сура 96, аяты 1–5) состояло из 19 слов.
- Коран состоит из $19 \times 6 = 114$ сур.
- Имя Бога, Аллах, встречается в Коране 2698 раз. Это число, кратное 19.

К еще большему удивлению Рашид Халифа обнаружил, что загадочные буквы в начале многих сур, т. е. *мукамма'ат*, сами неизменно встречаются в соответствующих сурах количеством раз, кратным 19. На основании этого автор считает, что доказал, причем материальным путем,

божественное происхождение Корана. Знание теперь может заменить веру.

По сути, Халифа имеет в виду, что посредством анализа Корана он установил то, что ускользало от всех философов до него, – материальное доказательство существования Бога. Не осознавая порочности этой логики, он также заявляет о собственном выводе, что текст Корана в существующем виде никогда не претерпевал изменения. Ведь в противном случае разве не нарушились бы его лингвистическая структура и строение, основанные на числе 19?

На мой взгляд, метод Рашида Халифы порождает больше вопросов, чем может ответить:

– Является ли аксиомой то, что словесное откровение обладает числовой структурой?

– Разве нельзя, если столь же постараться, найти в Коране структуры, основанные и на других числах?

– С чисто логической точки зрения, является ли структурная роль числа 19 очевидным доказательством того, что 30 аят 74 суры имеет отношение к конструктивным особенностям Корана, или же это чистое совпадение?

– Можем ли мы допускать, что организация Корана (по сравнению с его ниспосланным содержанием) – это ни в коем случае не результат человеческих усилий по его составлению? К примеру, разделение сур 113 и 114 – установлено ли это Аллахом?

Я по-прежнему скептически смотрю на все подобного рода обоснования. Когда мы «свидетельствуем», что есть Бог (и никого кроме Него), то делаем это, именно потому, что не располагаем каким-либо доказательством «материального» характера. Истина состоит в том, что веру невозможно подменить ничем.

Последовательность *a la* Кюнг

Брюссель, 15 января 1986 г.

Знаменитый швейцарский теолог, профессор д-р Ганс Кюнг, нынешний директор экуменического научно-исследовательского института в Тюбингене (Германия), некоторое время имел разногласия с католическими ортодоксами. Однако после издания книги «Христианство и мировые религии» («*Christentum und Weltreligionen*», 1984) его конфликт с Римом вышел на новый уровень. Неожиданно для всех Кюнг признает, что Мухаммад был пророком. При этом он продолжает работу, начатую профессором Марбургского университета д-ром Рудольфом Бультманном, по «развенчанию мифов» Нового Завета. Следуя логике, Кюнг подключает все основные религии к экуменическому диалогу, к которому прежде допускались лишь христианские конфессии.

Во время семинара по теме «Исламский мир между традицией и прогрессом», проходившего в Штутгарте в 1985 г., Кюнг отметил, что Церковь уже не отстаивает свое классическое установление 1442 г. о том, что вне Церкви нет спасения (*extra ecclesiam nulla salus*).

Исходя из этого и вопреки решениям II Ватиканского собора (1962–1965 гг.) Кюнг заключает, что логично следующий из него тезис «*extra ecclesiam nulla propheta*» (нет пророков вне Церкви) также должен утратить силу. Он утверждает, что, признавая (пусть и с запозданием), что Ислам есть, и всегда был, подлинным путем к спасению, Церковь больше не может не сознавать, что Мухаммад ﷺ – который направляет и ведет людей по этому пути – был истинным пророком.

Кюнг также разделяет мусульманскую точку зрения, что Новый Завет предрек приход будущего пророка и что

«пророческие послания Библии и Корана несомненно согласуются друг с другом по структуре» (*Zeitschrift fir Kulturaustausch. № 3, 1985, С. 315 ff*).

Затем Кюнг хладнокровно просит своих разгневанных оппонентов из католической Церкви самим ознакомиться с этой мировой религией, которую они так долго игнорировали. Некоторые католические священники уже, вероятно, сделали это, поскольку двое из них, принадлежащие к парижской епархии, недавно приняли Ислам.

Несмотря на всех, очень немногочисленных западных интеллектуалов и деятелей искусства, которые все же открыли для себя Ислам, – например, австриец Леопольд Вайс (Мухаммад Асад), британцы Ричард Бертон, Мармадюк Пиктхол, Мартин Лингс и Кэт Стивенс, французы Рене Генон, Эва де Витрэ-Мейерович, Роже Гароди и Морис Бежар – в целом вывод Кюнга о том, что жители Запада знают об Исламе очень мало, верен. Ислам не смогли постичь даже большинство западных «востоковедов». В конце концов, разве они не служили – сознательно или нет – главным образом колониальным интересам, когда оценивали Ислам по якобы всеобщей мерке западной цивилизации и ее системе ценностей?

В издании «*Muslim World Book Review*» (т. 6, № 1, с. 5) Парвез Манзур цитирует Игнаца Гольдциера, который признает следующее: «Что бы осталось от Евангелий, если бы к ним применили методы Корана?» Логический ответ на этот самый уместный вопрос потребовал бы исследования того влияния, которое оказали на текст и интерпретацию Нового Завета философские и мифологические представления того времени. Это исследование могло бы охватывать следующее:

– взаимосвязь между персидским солнечным богом Митрой с его мистериальными культами, римско-католическим *dies soli* (днем солнца) и «*Sunday*»³⁴ в христианской мифологии;

– взаимосвязь между египетской богиней Исидой (как олицетворением *stella maris* «морской звезды» в «троице» египетских богов), римской богиней-матерью *Magna Mater*, Великой Матерью (также известной как Деа Диа и Кибела) и христианским культом Марии, «Матери Божьей»;

– взаимосвязь между римскими традициями обожествления покойных императоров постановлениями Сената и решением Никейского собора 325 г. возвысить Иисуса до единосущности с Богом.

Если провести историческое исследование по обоим источникам религий и их концептуальному багажу, то Исламу беспокоиться не о чем, чего нельзя сказать о христианстве. Ганс Кюнг понимает это и движется по пути, который, даст Бог, в итоге приведет его самого к обращению в Ислам.

³⁴ Sunday (англ.) — воскресенье; букв.: день солнца. – *Прим. ред.*

Народное восстание в Алжире

г. Алжир, 5–12 октября 1988 г.

Мои воспоминания о войне за независимость были столь тягостными, что больше не хотелось вновь ступить на алжирскую землю. Но тогда, двадцать пять лет спустя, 17 августа 1987 г., меня назначили послом Германии в Алжире.

На первый взгляд, этот прекрасный город остался прежним, но, всмотревшись внимательнее, нельзя не заметить перенаселенность и многие признаки социализма в действии. К примеру, нехватка жилья такова, что квартиры переполнены до абсурда, и членам семей зачастую приходится пользоваться кроватями поочередно: малые дети спят ночью, а те, кто постарше – но еще не работают – днем (или, по крайней мере, до тех пор, пока мать не выгонит их на улицу, чтобы убрать в «доме»). Не удивительно, что многие из них ведут себя, как взрослые, а на их лицах уже просматриваются приметы старости. Эти дети выходят из школы тихо, без такого знакомого веселого шума и крика.

Великая идея всеобщей индустриализации страны – названная «*industrialisation industrialisante*» – не только не достигла своей цели, но и уничтожила земледелие и ремесла. Аналогично этому, практически все крупные промышленные комплексы, многие из которых построены в неудачно выбранном месте, не приносят прибыли. К примеру, окружающую Блиду долину Митиджа, которая прежде была одним из самых плодородных районов в стране, трудно узнать из-за слишком сильного загрязнения цементом.

После победы над Францией многие алжирцы решили, что им больше не придется обслуживать кого-либо, в том числе и туристов. Но природные ресурсы Алжира – а именно, нефть и газ – обернулись двойственным благом. Действительно, хотя на эти две позиции приходилось 97% всех поступлений

от экспорта, они едва могли погашать проценты государственного долга и покрывать затраты на импорт продуктов питания, которые прежде Алжир экспортировал. В изобилии, пожалуй, оставались только солнце, песок и дети, по поводу чего люди шутили, что при социалистической экономике, наверное, даже песок будут скоро выдавать по карточкам. Не стоит говорить, что одна единственная правящая – вот уже четверть века – партия монополизировала всю государственную, общественную и экономическую жизнь и не желала каких-либо реформ.

Образование и медицина, однако, были на высоте. Но это послужило причиной появления постоянно возрастающего числа безработного «академического пролетариата», который настойчиво допытывался у «номенклатуры», почему такая потенциально богатая страна на самом деле столь бедна. Некоторые из них обвинили коммунистические круги в составе Фронта национального освобождения (ФНО) в том, что те «конфисковали» плоды совместных исламских, буржуазных и социалистических усилий в войне против Франции. Говоря о своем правительстве или даже о своей стране, эти молодые люди всегда употребляли слово «они» и никогда – «мы». Они, очевидно, искали альтернативу социализму и свое собственное место, что – как первое, так и второе – могла обеспечить только их религия – Ислам. Действительно, только мечети предлагали и представляли собой удобное место для выражения и организации протеста. Так рядом с официальным родился «параллельный Ислам».

Такова подоплека народного восстания, которое произошло на этой неделе главным образом в алжирской столице, но не только. В течение всей недели разгневанные подростки и молодые мужчины удерживали власть в своих руках, а полиция, армия и правительство на это время скрылись из вида. Казалось, повстанцы неистовствовали без

разбору, но вскоре стало ясно, что их истинными целями были такие ненавистные институты, как правительство, полиция, правящая партия и даже «Фронт Полисарио». Прежде, чем армия, наконец, подавила восстание силой, исламское движение, действовавшее до сих пор в подполье, обнаружило себя в качестве единственной силы, способной успокоить улицы и восстановить порядок без кровопролития. Так появился Фронт исламского спасения (ФИС) под руководством Аббаси Мадани, который сразу же получил узаконенный статус оппозиционной партии. В столице Алжира чувствовалось то, что, должно быть, чувствовалось во время столь же кратковременной «политической весны» 1968 г. в Праге.

Стрельба продолжалась еще некоторое время. Однако я, имея бронированный «Мерседес», мог передвигаться достаточно свободно. Моя основная задача, помимо расследования обстоятельств и анализа ситуации, заключалась в подготовке возможной эвакуации немецкой колонии и предотвращении паники. Как и полагается при таком быстром развитии событий, моим классическим советом на случай сомнения было «не высовываться». Поскольку вся обычная деятельность была приостановлена, посольству хватало и основных сотрудников; поэтому я предложил каждому самостоятельно решать, не опасно ли приходиться в офис. Удивительно или нет, но секретарши, которые обеспечивали телексную связь с Бонном, в целом казались более смелыми, чем некоторые из их коллег-мужчин...

Моя жена в эти напряженные часы тоже не прекращала играть на арфе. Она просто переместилась подальше от окна, в угол, куда могли попасть только рикошетные пули. (Где, позвольте спросить, находится такое место, которое можно назвать «безопасным»?)

Последние из ‘ибадитов

Бени-Изген, 26 мая 1989 г.

В Алжире ничто не расслабляет больше, чем уединение в Мзабе, каменной пустыне, расположенной в 650 километрах к югу от столицы. Именно здесь, в безлюдном месте, нашли убежище от религиозных преследований и построили семь потрясающих городов (таких как Гардая, Малика, БениУзген и Эль-Атеф) последние истинные ‘ибадиты. И именно здесь они, без каких бы то ни было послаблений, придерживались своей суровой интерпретации Ислама и исламско-демократических традиций.

Этнические берберы, говорившие, тем не менее, на лучшем арабском во всей стране, мзабиты активно участвовали в вооруженной борьбе против французской оккупации, ведь в этих местах располагался штаб южного Вилая (военного района) сил ФНО. Но после войны мзабиты отказались от наград, государственных пособий ветеранам партизанской борьбы и других привилегий, которые градом посыпались на бойцов ФНО. Они боролись только ради Аллаха и Его уммы. Кроме того, они успешнее, чем кто-либо другой в этой стране, защищались от проникновения социализма.

Через Эль-Уэд и Уарглу – из-за песчаной бури мы не смогли добраться до Хасси-Мессауда – я повел машину на Бени Узген. Здесь 350 человек должны были слушать мою лекцию под названием «Десять моментов в практике Ислама, которые мне не нравятся». Вот они:

1. Стиль проповеди на пятничных службах (*хутба*), а именно то, что проповедники обычно обращаются в большей степени к чувствам, чем к силе разума, и что делают они это подобно генералу, призывающему войска к битве.

2. Тяга к насилию у многих молодых мусульманских активистов, которые склонны насаждать свои взгляды, а не полагаться на убеждение, – словно можно пренебречь «мекканской стадией» завоевания сердец и умов, опустив ее, и сразу же приступить к «мединской стадии» построения исламского государства.

3. Феномен слепого подражания (*таклид*), проистекающий из боязни запрещенных новшеств (*бид'а*), который препятствует обновлению исламской юриспруденции в соответствии с требованиями современного общества.

4. Этническое высокомерие, которое уже чувствовалось со стороны первых мусульманских народов (таких как арабы и персы) по отношению к мусульманам из других частей света. Такое отношение сохраняется и сегодня, несмотря на то, что, по утверждению Мухаммада Асада, на Западе мало мусульман, но много Ислама, между тем как в мусульманском мире много мусульман, но мало Ислама.

5. История Ислама стала историей деспотизма, хотя шариат требует управления на основе согласия (*шура*).

6. Технофобия или, иными словами, позиция неприятия всего западного, словно существует такое понятие, как «исламская» и «неисламская» технология. Умма оказалась перед единственной альтернативой – освоить современные технологии или пребывать под их господством.

7. Ригористическая, пуританская тенденция превращения Ислама из общедоступной религии в религию избранных через внедрение так называемых «благих» новшеств (*аль-бид'а аль-хасана*).

8. Заикленность на малозначительных вопросах, что чревато превращением Ислама в талмудистскую религию. Ведь важно подчинение Богу, а не то, как ты чистишь зубы.

9. Раздробленность исламского мира, что доводит плюрализм до негативных крайностей.

10. Маргинализация женщин, а это означает маргинализацию более половины мусульманского населения, к которой, кстати, относятся матери всех мусульман-мужчин.

Я не критиковал отсутствие терпимости, и правильно. Эти чрезвычайно религиозные мужчины слушали меня спокойно, уважительно и скептически, а не выдворили из города. А ведь многие из них принадлежали к технической «интеллигенции» своей страны.

Тем временем моя жена проводила время с женщинами, которые – все до одной – и в детстве, и будучи взрослыми ведут совершенно скрытый образ жизни, полностью покрывая себя – за исключением глаз – при выходе из дома.

Когда хозяева пригласили меня после лекции на чай, я спросил, неужели им кажется, что образованному мужу не обязательно иметь образованную жену. Ответ звучал удручающе ясно: «Как? Ведь с женой проводишь не так много времени, разве нет?» Мне так и хотелось цинично заметить: «Конечно, и притом в темноте».

На обратном пути, между Джельфой и Берруагией, – хотя бури и не было – нам пришлось проехать 150 км в таком густом тумане из пыли, что сквозь него не проникал свет наших фар. Это означает, что пустыня, перескакивая через так называемый «зеленый пояс» к югу от Атласских гор, постепенно приближается к столице Алжира, расположенной всего в 80 километрах. Это также доказывает, что ничто не может устоять перед одновременным влиянием солнца, ветра и сухости. Но ведь в таком случае пустыня растет и в человеческих сердцах.

Большой взрыв: Богу места нет?

г. Алжир, 22 октября 1989 г.

Карл Фридрих фон Вайцеккер, немецкий ученый-ядерщик, недавно подтвердил, что «законы физики не объясняют, чем в действительности является «материя». Эти законы лишь сообщают нам, как должно строиться наше восприятие, чтобы мы были готовы к знакомству с предметами». Это было фундаментальным открытием в области как макро-, так и микрофизики. Ведь с тех самых пор, как Вернер Гейзенберг в 1927 г. сформулировал принцип неопределенности (*Unsch rferelation*), или индетерминантности, изначально применительно к положению и скорости электрона, мы предостережены от восприятия как реального того, что на самом деле является лишь результатом какого-либо конкретного метода исследования.

И все же, космологи (такие как Стивен Хокинг) состязаются между собой в объяснении физического происхождения вселенной. Благодаря теории относительности Альберта Эйнштейна обрела правдоподобие так называемая «Теория большого взрыва», поскольку сейчас мы, как правило, предполагаем, что время – это одно из измерений пространства, а пространство – одно из измерений времени. Эта посылка также позволяет рассуждать о том, что перед зарождением космоса не было ни пространства (и, следовательно, времени), ни времени (и, следовательно, пространства).

Философы всегда утверждали, что Бог создал мир *ex nihilo*, т. е. из ничего, – где ничего подразумевает отсутствие как пространства, так и времени. Но классические философы никогда не отрицали того, что мир создан, как и не настаивали на том, что он является результатом

бессмысленного процесса. Быть может, следует спросить Стивена Хокинга, откуда взялись возможность, условия и материя для «большого взрыва»?

Ученым-естественникам нужно только вернуться на одно или пару звеньев в причинной цепи – той самой цепи, которая в итоге возвращает к Аллаху, Создателю и Хранителю всех миров.

«Когда сотрясается земля...»

г. Алжир, 29 октября 1989 г.

Сегодня турецкий национальный праздник. Стоит невыносимо душный вечер. По дороге на прием к моему турецкому коллеге мы заметили, что все коты исчезли – дурной знак в этом месте, где часто случаются землетрясения. Затем, на обратном пути, мы встревожились при виде людей – а у многих были младенцы на руках, – покинувших свои дома. Только тогда мы поняли, что Алжир в очередной раз начало трясти.

Мы тоже стояли на улице, едва удерживаясь на подкашивающихся от страха ногах, когда закачались пальмы. Хотя страшнее всего был звук – грохот, словно нас вот-вот переедет поезд. На самом же деле, эпицентр находился где-то в 60 километрах отсюда, как обычно, на побережье возле Типасы.

Но мусульманин не должен паниковать, сталкиваясь с такими невероятно мощными силами природы, неважно, сколь беспомощным и ничтожным чувствуешь себя во время такого сильного землетрясения (6 баллов по шкале Рихтера). Наоборот, следует думать о том, что ожидает нас в будущем, как об этом говорится в 99-й суре Корана, «Аль-Зальзала», где описывается, как начнется Судный День – точно так, как сегодня, но только гораздо хуже, с чудовищным по силе землетрясением.

Эта сура заканчивается так: **«...и кто сделал на вес пылинки добра, увидит его, и кто сделал на вес пылинки зла, увидит его».**

Ислам: Альтернатива

Тарудант, 24 апреля, 1991 г.

Из США приходят невероятные новости о том, что Фрэнсис Фукуяма, руководитель группы планирования и координации политики Госдепартамента США, провозгласил «конец истории». Кончина мирового коммунизма очевидно заставила его прийти к невероятному выводу о том, что «американский образ жизни» непременно должен стать всеобщим. С уходом «второго мира» слаборазвитому «третьему миру» останется лишь принять «первый мир» как обязательную для себя модель. Это то, что можно назвать триумфаторством в лучшем (или худшем) смысле слова.

Следуя доброму обычаю Министерства иностранных дел Германии, мы проводим первый отпуск в принимающей нас стране, Марокко. На своем «Фольксвагене Гольф» мы отправляемся в экзотическую поездку по стране, начиная с горнолыжного курорта (!) Ифран, к югу от Феса, через горные гряды Среднего и Высокого Атласа к Эль-Рашидии, Эрфуду, Рисани, Тингирту, Уазазате и Агадиру и далее на Тизнит, что на краю Западной Сахары.

В историческом отеле «Пале-Салям» в Таруданте, столице плодородного (если идут дожди) района Сусс, я вдруг начинаю понимать, что должен ответить на заявление Фукуямы, указав на простую замену конфликта между Западом и Востоком конфликтом между Севером и Югом – а это признак того, что западному образу жизни и поныне существует альтернатива, а именно – Ислам. При этом я должен постараться рассеять многие распространенные предубеждения против Ислама, столь глубоко засевшие в западной психике, посвятив по главе таким вопросам, как священная война, фатализм, обскурантизм, нетерпимость, хиджаб и исламское уголовное право.

На следующий день мы вернулись в Рабат раньше намеченного срока, чтобы я смог начать составлять содержание книги и формулировать свои идеи. Спустя двадцать три дня рукопись, за исключением алфавитного указателя, была готова. И, наконец, через два месяца после этого престижное мюнхенское издательство «Ойген Дидерих» включило книгу в свой осенний план. Она называлась «Ислам: Альтернатива»³⁵.

³⁵ 1992 г.: 4-е изд. Мюнхен, 1999 г. Английское изд.: 3-е изд. Amana Publications, Beltsville, MD, 1999.)

Старейший город на земле?

Дамаск, 10 февраля 1992 г.

Подобно городам Алеппо и Иерихон, Дамаск также претендует на звание старейшего города на земле. Однако Дамаск, интеллектуальная столица Ближнего Востока, определенно может предложить нечто большее, чем вечность. Арабский язык, на котором говорят здесь, настолько ясен, изыскан и красив, что Райнер Мария Рильке, немецкий мастер музыкальной поэзии, был очарован им, не нуждаясь в понимании. Одно бесспорно – этот район между Тигром, Евфратом и Средиземным морем был колыбелью культуры человечества. (Чтобы убедиться в этом, достаточно посетить местный национальный музей.)

Via recta, прямая дорога длиной в два километра, которая проходит через старый город, до сих пор находится здесь – как и описано в Деяниях Апостолов. Город также напоминает о св. Павле, который обратился в христианство приблизительно в 33 г. н.э. и впоследствии, со своими радикальными воззрениями на жизнь Христа, стал настоящим основателем христианства.

Дамаск – это одно из тех мест, которые в путеводителе «Мишлен» названы «vaut le voyage» (стоит посетить). Но я приехал сюда по одной единственной причине – помолиться в великолепной мечети Омейядов. Пятничная мечеть четырнадцати халифов Омейядов, которые жили здесь до 750 г., безусловно является пятой из наиболее почитаемых жемчужин исламского архитектурного наследия после Великих мечетей в Мекке и Медине, Купола Скалы и мечети Аль-Акса в Иерусалиме. Ее цветная мозаика с растительным орнаментом, а также городская архитектура тех времен составляют часть культурного наследия всего человечества.

Поскольку единственный выживший (после мятежа Аббасидов) представитель этой династии основал Андалусский халифат в Кордове, нельзя, не вернувшись, рано или поздно, в Дамаск, не проникнуть и в его историю. Выдающийся курдский принц Салах Ад-Дин (Саладин) – главный противник крестоносцев, ставший легендой еще при жизни, – тоже десять лет жил в Дамаске и похоронен у стен Большой дамаской мечети. То, что Иоанн Креститель похоронен внутри, – это отступление от правил, причины которого кроются в христианском прошлом этой постройки. Однако у этой мечети есть не только прошлое, но и будущее: согласно некоторым учениям исламской эсхатологии с наступлением конца света сюда, а точнее – в ее юго-восточный минарет, вернется Иисус...

Сегодня на улице холодно – пять градусов мороза, и мы, подъезжая к дамасскому аэропорту, наблюдаем зрелище, столь же грандиозное, сколь и нелепое: покрытые снегом песчаные дюны и мечеть Омейядов. А дорога такая скользкая, что я добираюсь на молитву едва не на четвереньках!

На следующий день я посещаю могилу Мухьи Ад-Дина ибн Аль-‘Араби, андалусского *аш-шайх аль-акбар*, который умер здесь в 1240 г. и считается, причем даже некоторыми христианскими мистиками, величайшим из мыслителей-суфиев. Местность на северной окраине города, где находится его могила, овеяна таким поразительно османским духом, словно ее перенесли сюда из Стамбула. Это теософский островок покоя.

Я не сомневаюсь, что гностическое озарение Ибн ‘Араби не доказано и недоказуемо, и что он не просто затронул пантеизм, что логически следует из его неоплатонической доктрины *вахдат аль-вуджуд* (единство и единственность

бытия). Кто скажет, чем был Коран для Ибн ‘Араби – руководством или предлогом?

Я отрицаю не разумное обоснование вопроса о том, имманентен Бог или трансцендентен, Един ли Он или Всеобъемлющ, а саму возможность ответить на него. Однако мусульманину, который уверен, что Бог «ближе к нему, чем шейная артерия»³⁶, и вместе с тем, что Он – Непостижим, следует остерегаться давать какие-либо исчерпывающие или убедительные ответы на такие вопросы. Любой иной подход чреват созданием теоморфной доктрины человека, которая так же плоха, как и панантропоморфный образ Бога.

Ночью из своего номера я вижу освещенные кресты на куполах церквей, расположенных по всему старому городу. Это наводит меня на мысль о множестве минаретов в США и Европе, с которых запрещено призывать к молитве.

³⁶ См.: сура 50, аят 16. – *Прим. ред.*

Поспешная расправа СМИ

Рабат, 15 марта – 8 апреля 1992 г.

В начале 1992 г. мюнхенское издательство «Ойген Дидерих» анонсировало для книжных магазинов и средств массовой информации книгу *«Ислам: Альтернатива»*. Это незамедлительно вызвало протест – причем задолго до выхода книги – даже среди книготорговцев-коммивояжеров.

Теперь я – раззадоренный феминистами левого толка – читал в немецкой прессе все эти ложные и полностью безосновательные обвинения в том, что защищаю полигамию, забрасывание камнями прелюбодеев и избивание женщин, а потому совершенно не подхожу на пост посла христианской страны. (Которой именно?) Даже в бундестаге представители социал-демократической партии принялись обсуждать вопрос о моем отзыве.

Главная проблема с моей защитой заключалась в том, что книга, с помощью которой я смог бы опровергнуть все эти глупые обвинения, вышла только после 6 апреля, то есть через три недели после начала кампании в СМИ.

Кроме того, теперь я читал, что якобы довел одного из служащих своего посольства до самоубийства и заставил всех сотрудниц в Рабате носить покрывало. Серьезные обвинения, даже если они были чистейшим вымыслом.

Занимая с 1983 по 1987 гг. пост руководителя информационной службы НАТО, я сам тогда был человеком от СМИ и общался со многими журналистами по вопросам военной обороны и ядерной стратегии. Но поскольку это была международная элита, я, вероятно, оставался в неведении о скрытой «желтой прессе», влияние которой испытываю сейчас в Германии.

На фоне непрекращающейся клеветы на Ислам, связанной как с делом Рушди, так и с войной в Персидском заливе,

некоторые телевизионные и печатные СМИ (особенно таблоид «*Бильд ам Зоннтаг*»), очевидно, спешат доказать, избрав меня в качестве жертвы, что Ислам противоречит конституции, и тем самым проводят черту между большинством добропорядочных и меньшинством недобропорядочных людей, т. е. мусульман. В Германии этот (по сути, фашистский) метод называется «отгораживание» (*ausgrenzen*), а участвующих в нем СМИ именуют «СМИ-палачами» (*Hinrichtungsmedien*).

С помощью этого же метода (но с большим обоснованием) было бы нетрудно доказать, что Иудаизм и Христианство также «противоречат конституции». В конце концов, не Коран, а Библия призывает забрасывать камнями прелюбодеев, и не Коран, а Новый Завет содержит отвратительные места, порочащие женщин.

Нападки СМИ стали до того злобными, что я начинаю чувствовать себя изгоем. Разумеется, Министерство иностранных дел в Бонне не могло позволить мне, своему послу, самому защищаться в СМИ, но и не могло вмешиваться в это дело от моего имени – вплоть до самого последнего времени, когда этот якобы *corpus delicti*³⁷ появился на рынке. Парадоксальная ситуация, если таковая вообще была.

Когда благодаря поспешно отпечатанному сигнальному экземпляру Министерство иностранных дел наконец смогло прочитать книгу «Ислам: Альтернатива», ее признали объективной и не вызывающей возражений. Меня «оправдали» в пресс-релизе – который СМИ, конечно же, не позаботились распространить, – и я продолжил работу послом в Королевстве Марокко.

³⁷ «Тело преступления», вещественные доказательства, улики или состав преступления (лат.). Термин римского права. – *Прим. ред.*

Никто не извинился и не определил величину оскорбления, нанесенного моей семье. Я, собственно говоря, пострадал меньше всех, так как вся эта кампания случилась во время месяца Рамадан, и соблюдение поста помогло мне удержаться на еще большем, чем обычно, расстоянии от дел второстепенной важности, как то карьера и престиж.

Однако для мусульманской общины в Германии этот инцидент был и остается очень значимым. Это, несомненно, было явной попыткой поставить мусульман на место, не говоря уже о вынесенном СМИ приговоре – что они следуют чему-то, то есть Исламу, «политически некорректному». Могло ли стать так, что немцы, которые больше не могут потворствовать антисемитизму, направленному против евреев, обращают свои антисемитские взгляды в сторону теперь уже арабов, и что мусульмане, как в религиозном, так и в этническом плане, становятся мальчиками для битья?

Вечерние уроки

Рабат, 19 марта 1992 г.

Год за годом, вечер за вечером, большую часть месяца Рамадан я, согнувшись, сижу на полу королевского дворца в Рабате и часа два – перед самым *ифтаром* – слушаю, что говорят ученые-теологи со всего исламского мира. Так же поступает весь кабинет министров Марокко, сотрудники генштаба вооруженных сил этой страны и весь аккредитованный здесь мусульманский *corps diplomatique*³⁸. По сути, в последние часы перед прерыванием поста вся нация объединяется у телевизоров во время трансляции этого события.

До прибытия короля Хасана II и принцев читают Коран, причем в очень изысканной манере, и делают это зачастую простые мальчики из Юго-Восточной Азии. Слово Божье, преподнесенное столь искусно и экспрессивно, очаровывает, независимо от того, понимаешь его смысл или нет.

Однако понимать выступающих желательно, даже если они со своей высокой трибуны не всегда обращаются к актуальным темам. Но в моем случае это зависит от того, на каком языке они изъясняются, – на классическом арабском (*аль-фусха*), как это принято у ученых из Палестины, Ливана, Иордании и Сирии, или переходят на местные диалекты, что свойственно североафриканцам. Мой учитель, араб из Сирии, сказал об этом кратко: «На кораническом арабском только декламируют; на классическом арабском только пишут; а на разговорном арабском только говорят». И все же уникальность арабского языка заключается в том, что он остался таким же, как и 1400 лет назад, а кораническая

³⁸ Дипломатический корпус (фр.). – *Прим. ред.*

лексика вошла в разговорный язык. Мы же, наоборот, не можем самостоятельно читать даже Чосера.

Порядок проведения этих лекций, именуемых «*Ад-дурус альхасанийя*», символичен. Король, как и мы, сидит на полу и слушает, глядя снизу вверх на устаза, который выступает с высокой трибуны. Так мудрость символически поставлена над властью. Сидя тут, мы путешествуем в историю исламской науки – в университет Аль-Азхар в Каире, Зейтуна в Тунисе, Карауйин в Фесе. Тогда, как и сейчас, ученики сидели на полу вокруг своего учителя, который опирался о колонну в мечети и пояснял правовые вопросы, обращаясь в первую очередь к Корану, затем – к сунне Пророка и, наконец, проводя аналогии с этими двумя главными источниками исламской юриспруденции.

Иногда король вмешивается в ход лекции – как, например, тогда, когда он попросил Верховного муфтия Египта Мухаммада Ат-Тантауи (нынешнего ректора университета Аль-Азхар) не сокращать излагаемые сведения, а расширить материал, вернувшись к нему на следующий день.

После лекций мусульманские послы поочередно приглашают многих участников к себе в резиденцию на *ифтар*. Сегодня моя очередь. После захода солнца у нас подали воду, сок, миндальное молоко и финики; затем мы вместе совершили вечернюю молитву (*салят аль-магриб*) на садовой террасе. Нашим имамом согласился стать господин Мухаммад Бусетта, высокоуважаемый генеральный секретарь исторической партии «Истикляль».

Ужин, состоявший из *шорба фрик* – сытного супа, который обязательно подают во время Рамадана, жареного ягненка (*машуи*) и баклавы с *мухаллабийей* на десерт, съели так быстро, что все были дома в кругу семьи еще до ночной молитвы (*салят аль-‘иша*’).

Интересно, а наступят ли времена, когда ни у кого не будет вызывать удивление, что министры, королевские советники и руководители партий приходят в резиденцию немецкого посла на молитву? (Так как я мусульманин, мне запрещено биться об заклад, но я и не обязан раскрывать, на что бы поставил!)

Паломничество как проблема материального характера

Рабат, апрель 1992 г.

Как гласит старая немецкая военная мудрость, каждую проблему можно свести до материальной стороны дела, и тем самым разрешить ее. В случае хаджа возникает целый ряд таких проблем, например: прививка против менингита, получение визы паломника в посольстве Саудовской Аравии, а также заказ авиабилетов (в конкуренции с 50 тысячами марокканцев, которые пытаются сделать то же самое).

Кроме того, необходимо запастись особым снаряжением паломника: двумя непрошитыми отрезами белой хлопковой ткани одинакового размера (11,8× м), парой сандалий без швов, непрошитым кожаным поясом с тремя отделениями (для удостоверений личности и билетов, для медикаментов и для денег), белым зонтом, который может оказаться спасительным, и непрошитым мешком (чтобы положить в него экземпляр Корана, записную книжку, запасную банку «Пепси-колы» и что-нибудь перекусить, пусть и всухомятку). Наш врач, которому хорошо известно, какие проблемы со здоровьем случаются у паломников, советует нам взять с собой что-нибудь от жара, головной боли, насморка, диареи и волдырей на ногах.

Но это только материальный багаж. Поскольку совершение паломничества носит религиозный характер, необходимо ознакомиться с его духовными аспектами и событиями прошлого, восходящими к традициям авраамического монотеизма. В противном случае существует опасность пережить стресс или переутомление, вызванные чрезвычайно суровым климатом и огромным скоплением людей. Поэтому я читаю все, что только возможно, и задаю

тысячу вопросов друзьям, которые уже совершили хадж. Мне очень хочется отправиться туда – ведь без этого в моей жизни чего-то не хватает. Но все равно мне немного боязно.

Друзья и соседи уже начали наносить традиционные «прощальные визиты», но легче мне от этого не становится. Видимо, это оттого, что здесь, в Марокко, хорошо помнят, насколько опасным было путешествие в Мекку и обратно расстоянием в 12 тысяч километров: до прихода века высоких скоростей для преодоления такого пути требовалось около года, и зачастую это была дорога без возврата.

Неприятности сносим с терпением

Аэропорт Мухаммада V, Касабланка, 28 мая 1992 г.

Целый вечер и ночь напролет мы напрасно прождали прибытия саудовского авиалайнера. Но как полагается и должно паломнику, никто не жалуется, никто и не думает возмущаться. Наоборот, мы держимся вместе, совершая на жестком мраморном полу ночную и рассветную молитвы.

Наконец, в 5:37 утра, с десятичасовым опозданием, мы вылетаем в Джидду. Вместо обычной музыки нас успокаивает чтение Корана, звучащее из динамиков.

Рядом со мной сидят мусульмане из Сенегала – самые набожные из набожных. Среди них – замечательный парень, Мухтар Диури, один из сыновей президента Диуфа.

Перед тем, как мы входим в воздушное пространство над Меккой, первый пилот напоминает пассажирам, что настало время подтвердить намерение (*нийя*) совершить хадж, облачиться в одежды паломника и выполнить два ракъята молитвы, не вставая при этом с места. В один миг весь пассажирский салон становится белым.

В саду Пророка

Медина, 1–3 июня 1992 г.

Постоянно расширявшаяся Мечеть Пророка в Аль-Мадина аль-мунауввара (Лучезарном городе) охватывает уже не только один квартал, как это было в 1982 г., – теперь она простирается на целый район. Мечеть, окруженная ныне одиннадцатью минаретами (из запланированных четырнадцати), вмещает 480 тысяч молящихся. Хотя у нее нет стен и частично отсутствует потолок, температура в мечети сравнительно умеренная. Мусульманская строительная фирма, расположенная возле немецкого Штутгарта, соорудила оригинальную конструкцию – гигантские зонты из легкого металла, днем обращенные к солнцу и закрывающиеся на ночь, и систему с циркулирующей холодной водой под полом.

С наступлением времени молитвы у мечети собрались сотни тысяч паломников и не паломников. Мы с шейхом Нахнахом из Алжира тоже приблизились к мечети, но не пешком, а в лимузине с кондиционером. Верите или нет, но нам спокойно уступали дорогу – никто не выразил презрения, не стукнул по крыше автомобиля, как это произошло бы в любом другом случае. Религиозное рвение опровергло законы массовой социологии!

В мечети рядом со мной оказались банкир-пакистанец из Бахрейна и турецкий гастарбайтер из немецкого города Бохум. Тем самым мы трое, *in nuce*³⁹, олицетворяем всеобщность Ислама.

Только ближе к полуночи, когда мечеть немного опустела, у нас появилась возможность посетить ее небольшую историческую часть, ар-рауда, сад Пророка, который при

³⁹ Здесь: В зародыше (лат.) – *Прим. ред.*

жизни Посланника окружали жилища его жен. Именно там, в комнате ‘Аиши, похоронен Пророк со своими сподвижниками, Абу Бакром и ‘Умаром. Здесь, где жил, работал, проповедовал, любил и умер любимый Пророк, многие из моих братьев-паломников, кажется, полностью утратили контроль над собой, зайдясь в рыданиях и плаче. Ведь разве не мечтали они годами приблизиться к человеку, чья миссия изменила их жизнь?

В отличие от 1982 г., сейчас мечеть Пророкаﷺ граничит с историческим кладбищем Аль-Баки’. Но не только его, но и место, где похоронено так много членов семьи Пророка и сподвижников (в том числе ‘Усман, Фатима и ‘Аиша), сравнивали с землей, и теперь никто, кроме специалистов, не может найти их могил. Вот уж действительно радикальный подход к предупреждению героизации и сакрализации! Мы с шейхом Нахнахом видели, как у большой группы иранских паломников начал закипать гнев по этому поводу. Но никто его не выплеснул. Спокойствие и терпение – главные черты паломника, и любая суэта сделала бы их хадж недействительным.

Столь же радикален и лишен сентиментальности ваххабитский подход саудовцев к их архитектурному наследию – совсем небольшому, на самом деле, – мечети в Куба’ и мечети Аль-Киблатейн⁴⁰. В 1982 г. мы с женой видели их невредимыми. Но по прошествии времени на их месте построили современные сооружения больших размеров. Что за странное представление о приоритетах!

После ночной молитвы мы с шейхом Нахнахом несколько часов беседовали с алжирскими студентами. Угадайте, о чем именно мы говорили?

⁴⁰ Мечеть находится в Медине и ориентирована в двух направлениях – одна ее часть обращена к Иерусалиму, а другая – к Мекке. – *Прим. ред.*

Хадж – не ‘умра

Мекка, 5–9 июня 1992 г.

С тех пор, как я впервые ступил (правой ногой) в великолепную Большую мечеть в Макка аль-мукаррама (Достопочтеннейшей Мекке), меня терзает ностальгия по этому месту. Я постоянно тоскую по царящей там атмосфере, где центром всего является Бог. (Сравнивать ее с любым христианским местом паломничества было бы совершенно неправильно. Мекка уникальна).

На этот раз мы ехали до Запретной мечети через один из множества новых транспортных туннелей, проложенных в каменистых холмах вокруг Мекки, из-за чего те выглядят так, словно сделаны из швейцарского сыра. Мы выехали из туннеля как раз напротив этой «мечети мечетей». Здесь тебя переполняет удивительно прекрасное чувство – будто внезапно попадаешь домой.

Итак, я опять семь раз обошел вокруг Каабы и вновь пробежал между (стилизованными) холмами Сафа и Маруа. Однако, в отличие от прошлого раза, сейчас не зима, а лето (когда средняя температура достигает 44°C), и я – не один из десяти тысяч, а один из двух миллионов паломников.

Народу так много, что невозможно укрыться от палящего солнца под зонтом. Это очень опасно, ведь для выполнения обязательных ритуалов хаджа – *тауаф* и *са‘и* – требуется почти два часа. Временами я даже не мог контролировать свои движения, становясь подобным капле воды в огромной человеческой волне, перекатывающейся из стороны в сторону. Теперь я был счастлив, что уже ознакомился с местностью во время ‘умры. Однако прилагаемые физические усилия не позволяли в полной мере осознавать духовный масштаб того, что я совершал вместе с остальными.

На следующий раз я попытался избежать толпы, выполняя обход вокруг Каабы по второму этажу, который находится на крыше ограждения мечети, хотя для этого пришлось преодолеть пешком гораздо большее расстояние. Но там, наверху, пол раскален, словно угли. Пройдя немного походкой танцующего медведя, я вынужден был отказаться от этой затеи.

Не удивительно, что такие условия и огромное скопление паломников становятся причиной смертей, особенно от солнечных ударов и инсультов. После каждой ритуальной молитвы мы молимся «за умерших» – за паломников, скончавшихся со времени последней молитвы. Не исключено (это не угрозы), что среди них окажусь и я.

Совершая обход вокруг Каабы, вновь и вновь проверяя себя и обращаясь непосредственно к Богу, я молюсь: «О Аллах, смотри, как Твоя объективная реальность становится моей субъективной реальностью: реальностью, которую я ощущаю постоянно и повсеместно». Это личное обращение к Богу (*ду‘а*) стало лейтмотивом моего хаджа.

‘Арафат

Мина – ‘Арафат – Муздалифа – Мина – Мекка, 10–11 июня 1992 г.

Накануне решающего «Дня ‘Арафат» все паломники напряжены, ведь присутствие на ‘Арафате (*аль-вукуф*) – непереносимое условие хаджа. Нет ‘Арафата, нет и хаджа. Неудивительно, что все немного волнуются. Аллах, пожалуйста, не дай споткнуться в последнюю минуту!

Наконец-то мы все здесь – более двух миллионов человек в одеждах, подобных савану, которые ожидают Судного Дня и выкрикивают: *Лаббайк аллахумма, лаббайк!* (Здесь я, о Аллах, в Твоем распоряжении!). Разве кто-то на Западе еще способен оценить такую степень поклонения и преданности?

В конце дня читают ту самую проповедь, которую Мухаммад произнес здесь, с горы ‘Арафат, во время своего последнего паломничества в 632 г. Я делю небольшой тент с американским мусульманином, профессором экономической статистики в университете Джорджтауна. Мы молимся, размышляем, молимся, беседуем и опять молимся, и так час за часом.

Сейчас так жарко (52°C), что воздух дрожит. Пока я без зонтика дохожу до ближайшего туалета, у меня начинают гореть ноги. Но я не замечаю этого. Опытные паломники знают: во время хаджа даже большие тяготы кажутся мелкими неприятностями.

После захода солнца 50 тысяч автобусов пытаются одновременно выехать на Муздалифу. В итоге образуется затор, достойный Книги рекордов Гиннеса. Муздалифа, где мы останавливаемся на вечернюю молитву (*саят аль-магриб*), находится всего в семи километрах отсюда, но мы добираемся туда за четыре часа. Казалось бы, мы должны быть совершенно изможденными, голодными и томимыми жаждой. Но мы вместе совершаем вечернюю и ночную

молитвы, собираем нужное количество камешков (чтобы «забросать дьявола») и спешим к Мине. Там, посередине ночи, мы совершаем этот древний ритуал, символизирующий наш личный отказ от зла. Затем, непонятно как, мы снова оказываемся в Мекке и перед самым восходом солнца успеваем совершить утреннюю молитву.

Неописуемо уставшие и так же неописуемо счастливые, мы совершаем свой практически последний *тауаф*, с запозданием понимая, что стали хужжадж, настоящими паломниками. Я долго гляжу на Каабу, этот храм абсолютного монотеизма, который стал архитектурным совершенством не из-за сложности конструкции, а благодаря исключительной простоте.

После двадцати шести часов пребывания на ногах в этом климате мы добираемся в отель в Мине, где останемся еще на три дня, поздравляя друг друга и обращаясь к Аллаху с просьбой принять наше паломничество. Я проснулся уже почти вечером, когда настало время для второго ритуала бросания камешков.

Праздник Жертвоприношения

– тогда же и там же

Мина, 11–12 июня 1992 г.

Сегодня мусульмане всего мира празднуют ‘Ид аль-адха (праздник жертвоприношения), в точности повторяя то, что происходит здесь, в Мине и ее окрестностях, где примерно 10 тысяч мясников со всего мусульманского мира режут около 500 тысяч овец. Большую часть мяса тут же замораживают, а на следующий день его отправят в бедные регионы мусульманского мира, например, в Сомали. Оплачивая своего ягненка, я велел отправить его мясо в Боснию.

Это жертвоприношение животных также в высшей степени символично. Его совершают в память о готовности Авраама принести в жертву своего сына Исмаила – если на то воля Бога – и готовности Исмаила быть принесенным в жертву – если на то воля Бога. Однако Бог не пожелал, чтобы это случилось, и тем самым раз и навсегда упразднил ужасный обычай приносить в жертву людей. После испытания покорности Авраама и Исмаила в жертву Богу был принесен овен. Таким образом, нам, паломникам, следует помнить о том, что мы всегда должны быть готовы отказаться от самого дорогого, если оно становится несовместимым с нашей покорностью Богу. Только в этом случае мы ограждены от поклонения современным идолам.

Отправившись совершать ритуал бросания камешков в третий, и последний, раз, я шел по ночной Мине. Всюду на улицах спали люди, а во многих автобусах работали двигатели, охлаждая воздух для отдыхающих паломников. Запах от выхлопных газов и остатков пищи стоял такой, что мне пришлось прикрывать нос куском ткани, опрысканной одеколоном.

В этой не совсем обычной обстановке – и так, словно каждый должен знать турецкий язык, – паломник из Турции обратился ко мне с обескураживающим вопросом: «*Seytan nerede?*». (Где дьявол?) Вместо того, чтобы рассмеяться, я вполне серьезно указал ему дорогу к ближайшему из трех столбов, символизирующих сатану. Не каждый день можно так точно определить местонахождение дьявола, не так ли?

На второй день праздника король Фахд ибн ‘Абд Аль-‘Азиз пригласил меня на обед в свою резиденцию в Мине. Среди других гостей я заметил султана Брунея, сына иранского президента Рафсанджани, верховного судью Пакистана, а также Аниса Мансура, плодовитого египетского писателя и журналиста. Это напомнило о том важном факте, что паломничество в Мекку – это еще и ежегодная неофициальная встреча на высшем уровне политических и интеллектуальных кругов, а также «передвижной» университет.

Королевский обед проходил согласно правилам исламского этикета, предписывающим активно общаться перед едой, мало разговаривать (и быстро кушать) за столом и уходить, как только поешь. Таким образом, в отличие от западной традиции, я не стал ждать, когда встанет из-за стола король, а ушел, как только наелся. В соответствии с этим правилом даже король остается за столом в одиночестве после того, как уходит его последний гость.

Когда спустя несколько дней я летел из Джидды обратно в Рабат, стюард протянул мне свежий номер журнала «Тайм». На обложке крупными буквами было написано: «Ислам: должен ли мир бояться его?»

Если бы они были китами...

Бонн, 19 июля 1993 г.

В Министерстве иностранных дел я случайно встречаю своего давнего и очень хорошего друга д-ра Хансйорга Айффа, последнего посла Германии в Югославии (до ее распада). Мы оба подавлены, потому что вот уже два года так называемый цивилизованный мир, якобы олицетворяющий гуманизм и озабоченный правами человека, практически пассивно наблюдает за тем, как уничтожают Боснию и жестоко убивают ее мусульманское население.

На мой взгляд, эту трагедию можно было предотвратить, если бы некоторые из стран НАТО своевременно приняли решительные меры в соответствии с правилами урегулирования кризисных ситуаций и обострений конфликтов, так часто отрабатываемыми во время обучения персонала. Агрессора можно было бы изолировать и немедленно предъявить ему ультиматум о санкциях, которые неприемлемы для него, ибо намного перевешивают потенциальную выгоду от агрессии.

Но все вышло наоборот. Фактически, наложенное эмбарго изолировало не Сербию, а Боснию. В ультиматуме были указаны такие большие сроки, что это дало Белграду косвенный сигнал – волноваться не стоит. Если кто-то и встал на позицию сдерживания, так это западные страны, жертвы политики самосдерживания. Вместо того, чтобы оставить сербских генералов в состоянии некоторого замешательства, западные военные «эксперты» едва не ежедневно успокаивали их, заявляя, что военное решение балканского вопроса либо невозможно, либо окажется слишком дорогостоящим и приведет к обратным результатам.

На этом фоне гуманитарная помощь Запада походила на алиби. Запад делал так, чтобы боснийцы не голодали, пока их убивают. Как высказался по этому поводу один американский сенатор: «Если бы боснийцы были китаи, в их защиту выступили хотя бы Гринпис и Всемирный фонд дикой природы».

Как объяснить такое ужасающее бессилие общественной морали? Почему общество не заявило протест против бездействия правительств? Мне в голову приходят только два внятных объяснения. Первое проистекает из того факта, что неспособность делать практические выводы при правильном понимании, – это типичный симптом упадка. Неужели падение нравов на Западе достигло той стадии, когда общество откровенно материалистического и гедонистического толка уже не принимает жертв, которые не приносят материальной выгоды? Мусульмане подозревали, что Запад *de facto* отошел от христианства; теперь они знают это наверняка.

Второе объяснение непосредственно связано с тем, что жертвами были мусульмане. Как и многие западные наблюдатели, я глубоко убежден, что, будь сербы мусульманами, а боснийцы – католиками или евреями, страны НАТО вмешались бы без промедления и решительно. (Разумеется, если бы Босния и Герцеговина к тому же располагали месторождениями нефти и природного газа, это помогло бы еще больше). Вряд ли кто-то открыто признает то, что искусно маскируется: многие европейские политики чувствовали бы себя весьма неуютно, если бы в центре их континента находилось исламское государство. Но волноваться им не стоит: Дейтонское соглашение гарантирует, что такого не случится.

Боснийские мусульмане – первые, но, возможно, не последние жертвы в Европе, где разворачивается кампания

ненависти, дезинформации и клеветы в отношении всего исламского. То, что сеют со своих рабочих столов СМИ, может стать кровавой реальностью на улицах.

Но урон был нанесен и по другую сторону культурной границы. Каковы будут для мусульманского мира отдаленные последствия нарастающего там цинизма по отношению к «правам человека» и «демократии» на западный манер? Ведь слишком много мусульманской молодежи как в арабском мире в целом, так и в Палестине в частности, отчетливо видят двойные стандарты внешней политики Запада, не в последнюю очередь сравнивая успех демократии в Гаити с положением в Алжире.

Эти тенденции совершенно противоположны наведению мостов, отчего столкновение цивилизаций в итоге похоже на самореализующееся пророчество.

Чего же стыдиться!

Мюнхен, 22 июля 1993 г.

Сегодня мы отмечали двадцатую годовщину мечети в Мюнхене-Фраймане, душой которой является Ахмад фон Денффер. Было многое: декламация Корана, воспоминания, поздравительные телеграммы, выступления.

Одно неожиданное выступление – представителя лютеранской Церкви, старшего церковного советника Хайнца Клаутке – взволновало всех. Он сказал: «В этой мечети, рядом с вами, я чувствую себя почти как дома, ведь в этой обстановке совершенно естественны слова о Боге. Когда я нахожусь в своей церкви, у меня временами складывается впечатление, что люди стесняются упоминать Его, будто стыдятся этого».

Если действительно дошло до того, что принадлежность к христианству означает не более, чем одно из человеческих чувств, тогда Ислам с его нерушимыми трансцендентальными связями является, по сути, единственной альтернативой для духовного возрождения в Европе.

Как быть политически корректным

Франкфурт, 15 октября 1995 г.

Сейчас уже совершенно ясно: Салман Рушди может публиковать все, что пожелает. Критиковать его – табу. С другой стороны, у любого, кто пишет об Исламе с хоть сколько заметной долей симпатии, могут возникнуть серьезные неприятности.

Именно это испытала на себе нынешней осенью Аннемари Шиммель, всемирно известный немецкий специалист по суфизму, вскоре после того, как ее номинировали на престижную ежегодную премию Немецкого союза книготорговцев. Когда на нее набросились СМИ, Шиммель призналась, ничуть не оправдывая знаменитую *фатуа* (юридическое заключение), изданную аятоллой Хомейни против Рушди, что лично она, как и миллионы мусульман, потрясена и возмущена богохульствами, содержащимися в «Сатанинских стихах».

Это сделало свое дело. Из объекта интереса СМИ она превратилась в их излюбленную жертву. Десятки ее книг подверглись проверке на наличие неблагонадежных взглядов – но все напрасно. Единственное, в чем можно упрекнуть этого профессора исламских наук (Гарварда и Бонна), так это в том, что она занималась своими изысканиями с сопереживанием, а не с отвращением.

Я, как и другие друзья г-жи Шиммель, пытался убедить ее не устраняться, ведь в противном случае это нанесет неизмеримый вред Исламу в Германии. Такую точку зрения разделил президент Германии Роман Херцог. После его заявления, что он, как и планировалось, лично вручит ей премию, вопрос был решен.

Сегодня президент Херцог вручил премию Аннемари Шиммель, и это транслировалось по радио и телевидению. В

своих выступлениях они оба сказали много хорошего об Исламе как о религии и цивилизации, а также предупредили об опасности секуляризации, которая становится псевдорелигией нетерпимости, и тем самым умело воспользовались оружием «политической корректности».

Это стало победой в битве за Ислам и свободу слова.

Диалог или конфронтация

Каир, 24–27 июля 1996 г.

Как и в 1993 и 1995 гг., я участвую в ежегодной международной конференции Верховного исламского совета Египта. Однако теперь я уже представляю не только себя лично, но и созданный в 1995 г. Центральный совет мусульман Германии – будем надеяться, аутентичную защитную организацию Ислама в моей стране. В этом году в конференции принимает участие бывший канцлер Хельмут Шмидт, который рассказывает, что с достоинствами и красотой Ислама его познакомил покойный президент Анвар Садат во время круиза по Нилу.

Однако даже если бы на конференции не присутствовали такие светочи мысли (включая главу коптской Церкви папу Шануду II), ее следовало посетить хотя бы потому, что здесь можно познакомиться со многими мусульманами со всего мира. К примеру, с достопочтенным шейхом Сабри Кочи из Албании, который провел двадцать семь лет в коммунистических тюрьмах за свое вероисповедание, или с муфтием Якубом Эфенди Слумичем из Сараево, который буквально излучает *барака* (благодать), или со многими другими мусульманами из Кореи, Китая, Японии, Аргентины, Бразилии, Москвы, Киева, Алма-Аты, Лагоса, Найроби...

Разумеется, с каждым новым участником конференции шанс обменяться полезной информацией за столом переговоров уменьшается. (Именно поэтому я – в плане обсуждаемой тематики и научной ценности – предпочитаю меньшие по масштабам конференции, подобные тем, что каждые два года проводит Иорданская королевская академия в Аммане).

У всех исламских конференций от Рабата до Эр-Рияда есть, пожалуй, одна характерная особенность: они, как правило, собирают вместе представителей статус-кво, будь то правительственные чиновники или *'уляма'* (учены). Однако имеет ли смысл обсуждать необходимость диалога и терпимости – применительно к отношениям между Севером и Югом или к ситуации в мусульманских странах – в отсутствие тех, кто подвергает сомнению этот статус-кво как несправедливый, недемократический и неисламский? Разумеется, всегда легче говорить о своих оппонентах, чем с ними самими. Однако в этом случае сохраняются, как и прежде, страх и разочарование, а безопасность будет гарантирована не согласием, а, как и прежде, обеспечена полицией.

Во время официальной церемонии по случаю дня рождения Пророка (*маулид ан-наби*) президент Хосни Мубарак вручил профессору Аннемари Шиммель и мне Орден Нила I степени – в признание наших заслуг в деле возрождения Ислама. Однако мы рассматриваем эту награду и как жест против антиисламских кругов в Европе.

После Малколма Икс

*Рейс Люфтганзы 419 из аэропорта Даллеса
во Франкфурт, 27 мая 1997 г.*

Второй год подряд я езжу с лекциями по США. В прошлом году я выступал в Вашингтоне, но главным событием стало мое участие во впечатляющей ежегодной конференции Исламского общества в Северной Америке (Колумбус, штат Огайо, 30 августа – 2 сентября). В этом году это была поездка от Атлантики до тихоокеанского побережья страны, организованная и профинансированная Советом по американо-исламским отношениям (САИО) со штаб-квартирами в Санта-Кларе и Вашингтоне – очень действенной и преданной своему делу мусульманской организацией по защите гражданских прав.

Увидеть, как работают мусульмане в самом Вашингтоне – в Американском мусульманском совете (АМС), в Международном институте исламской мысли в Херндоне, штат Вирджиния, и его Американской магистратуре исламских и общественных наук в Лисбурге, штат Вирджиния, в Институте исламистики и арабистики в Америке (ИИАА) в Ферфаксе, штат Вирджиния, – это одно, но увидеть американский Ислам в глубинке – совсем другое. В этом году мне открылась жизнь мусульман в Санта-Кларе, Анахайме и Лос-Анджелесе, штат Калифорния, в Фениксе, штат Аризона, в Детройте, Диарборне, Чикаго, Милуоки, Лансинге и Паттерсоне, штат Нью-Джерси, и это вселило в меня еще больший оптимизм, чем прежде.

В целом, по сравнению с положением Ислама в Европе, я вижу шесть отличий, благоприятствующих развитию Ислама в Америке.

1. Поскольку в США очень большая община мусульмануроженцев этой страны, никто не может сказать, к

примеру, мусульманам афро-американского происхождения: «Почему бы вам не вернуться туда, откуда вы приехали?» – как это часто говорят мусульманам, переселившимся в Европу.

2. Хотя в США много мусульман-иммигрантов (за исключением Дирборна, где плотно проживает шиитская община выходцев из Ливана), преобладающей этнической группы здесь нет. В Европе же, наоборот, большинство мусульман во Франции – североафриканцы, в Великобритании – индопакистанцы, а в Германии – турки. Таким образом, ситуация в Америке менее подвержена серьезным этническим предрассудкам или страху культурного проникновения.

3. Многие американские мусульмане-иммигранты и их дети – уважаемые граждане с университетским образованием и хорошим заработком, между тем как в европейские страны большинство мусульман-иммигрантов попадают как гастарбайтеры и неквалифицированные рабочие.

4. В Америке всегда было представлено множество религий, в Европе – нет.

5. Европейцы страдают собирательными воспоминаниями, восходящими к временам крестовых походов и военных кампаний Османской империи в Центральной Европе. Европа также граничит с мусульманскими странами: на юге – с Северной Африкой, а на востоке – с Турцией и Центральной Азией. Это порождает взаимные страхи и тревоги, которых лишен средний американец.

6. Большинство американских мусульман – граждане Америки, чего не скажешь о Европе. А без гражданства мусульманин вряд ли будет уверен в себе.

Следует добавить еще одно: американские мусульмане – это американцы, то есть в большей или меньшей степени

столь же динамичны, склонны к новшествам, знакомы с технологиями, напористы и организованы, как и американцы в целом.

Разумеется, и там не все так радужно. Я не беспокоюсь о еретической «Нации Ислама», ведь многие бывшие члены организации «Черные мусульмане», включая Мухаммада ‘Али и Малколма Икс, в конце концов, увидели свет – увидят и другие. Раньше или позже, но среди афроамериканцев также возобладает Ислам суннитского толка. Что меня волнует больше, так это отсутствие достаточного слияния черной и белой общин на уровне мечети. Если это сохранится и в третьем поколении иммигрантов, тогда, должно быть, здесь что-то не так с самим устройством.

И наконец, американские мусульмане должны примириться с грозным «врагом по рождению», т. е. с чрезвычайно искусными и мощными сионистскими СМИ и лоббистскими группами, которые не так влиятельны и многочисленны в Европе. Пока еврейское лобби пребывает в уверенности, что, чем хуже Исламу, тем лучше Израилю, нашей религии предстоит нелегкая борьба. Но нелегкие битвы тоже можно выигрывать.

Мусульманин года

Лос-Анджелес, 3 октября 1998 г.

Я приехал в южную Калифорнию всего на один день, чтобы получить ежегодную премию, которой Исламская информационная служба награждает «мусульманина года». Как и многие мусульмане-иммигранты, занимающиеся наукой, доктор медицины Назир У. Хаджа, уролог, выходец из Индии, закончивший Гарвардскую медицинскую школу, посвящает огромную часть своего времени исламскому *да'уа* (призыву). Фильмы и видеоматериалы, которые он снимает вместе с Фаруком Убайси в Алтадене, проводя интервью с такими людьми, как Мухаммад Асад и Аннемари Шиммель, расходятся по всему мусульманскому миру. Возможно, он решил сделать меня лауреатом своей премии именно из-за популярности среди американских мусульман видеоматериала («Путешествие в Ислам»), который он создал вместе со мной в мае 1997 г. За ним должен был последовать еще один видеоматериал, отснятый по случаю настоящего события («Новые подходы – новое тысячелетие»).

Это событие, как и обычно, сопровождал почти профессиональный сбор средств, который дал около 500 тысяч долларов, что свидетельствует как о достатке, так и о духе жертвования *уммы* (общины) в США.

Но все же на протяжении всей поездки у меня было нехорошее чувство, поскольку я не желаю состязаться с другими братьями и сестрами *фи сабилиллах* (на пути Аллаха), как и не хочу ощущать себя, или даже становиться, «профессиональным мусульманином», который делает Ислам своим ремеслом.

Коран: вновь и вновь

Стамбул, 22 октября 1998 г.

Три года назад Шабан Курт, владелец и редактор исламского издательства «Джагры Яинлары» («Призыв»), что в стамбульском районе Тюрбе, попросил меня помочь ему выпустить перевод Корана на немецкий язык на основе перевода, автор которого назвался псевдонимом Макс Хеннинг (Лейпциг, 1901). Курт уже переиздал английский перевод Мармадьюка Пиктхолла и работал над подготовкой к изданию старых франко- и русскоязычных переводов. Он выбрал вариант Хеннинга по убедительным причинам: на эту работу уже не распространялось авторское право, она была единственным, адекватным, по мнению мусульман, переводом Корана на немецкий язык, сделанным немусульманином.

Я даже не представлял, во что ввязываюсь, когда ответил «да». Во-первых, старый текст нужно было переписать с готического латинским шрифтом, а его аяты следовало полностью перенумеровать, так как они все еще располагались в соответствии с устаревшей нумерацией, введенной Августом Флюгелем в XIX веке. Кроме того, Введение и практически все сноски оказались настолько анти- или неисламскими, что их необходимо было заменить. Алфавитный указатель также не соответствовал требованиям, поскольку основывался исключительно на понятиях, номинально встречающихся в тексте. (К примеру, такое понятие, как гомосексуализм, отсутствовало).

Но это еще не все. Я с запозданием понял, что за последнее столетие немецкий язык изменился настолько, что многие предложения современные немцы уже не поймут. (Коран – это единственная книга, чей язык остается неизменным на протяжении 1400 лет.) И наконец, я должен

был исламизировать перевод Хеннинга в нескольких ключевых аспектах. Я уважал его взгляды, но только в том случае, если хотя бы один мусульманский комментатор или переводчик аналогично прочитывал тот или иной отрывок из Корана. Если это было не так, я придерживался единого мнения мусульман или позиции большинства. В отсутствие таковой я преимущественно (но не во всех случаях) обращался к переводу Мухаммада Асада.

Ввиду того, что я работал с турецким секретарем, который не знал немецкого языка и не располагал немецкой версией компьютерной редакторской программы, на подготовку нового издания у меня ушло в общей сложности три года. Сегодня его уже начали распространять, причем даже в турецких исламских центрах Германии. (Другую, подарочную версию, изданную Югеном Дидрихом в Мюнхене, я представлял на Франкфуртской книжной ярмарке 15 октября 1999 г.)

Если вы думаете, что теперь я, как мне могло бы казаться, считаю, что смог «освоить» Коран, то ошибаетесь.

Мое засвидетельствование почтения Махди

Вад-Медани, 10 марта 1999 г.

С 6 по 12 марта мне удалось посетить Судан, с трудом встающую на ноги страну, о которой много злословили, страну, которая слишком велика, чтобы осмотреть ее всего за несколько дней. Я давно с нетерпением ждал встречи с Хасаном Ат-Тураби. Немного людей в так называемых странах «третьего мира» имеют такое же разностороннее образование и столь блестяще общаются с Западом, как он. И все же сегодня в Вашингтоне его опасаются как хартумского «Серого кардинала» и сторонника терроризма.

Я понял, что такое государственный терроризм на самом деле, когда посетил руины фармацевтического завода «Аш-Шифа» в центре Хартума, неожиданно разрушенного американскими крылатыми ракетами, хотя заявления о производстве на этом заводе химического оружия не получили ни малейших подтверждений. Поразительный пример беспощадности империализма XX века. Однако суданцы воспринимают это с определенной долей мудрости и юмора, обвиняя Монику Левински, еврейку-любовницу президента Клинтона, в том, что ему потребовалось выпустить пар.

Пребывая в Хартуме, я не увидел никаких признаков антихристианских настроений. Наоборот, я опоздал на завтрак с послом Германии на непростительные тридцать минут, так как движение было перекрыто католической процессией... (Кстати сказать, визу мне выдавал тоже христианин – посол Судана в Бонне).

Трогательно видеть, как просто Махди, Мухаммад Ахмад ‘Абдуллах, и его преемник жили в Омдурмане, а затем отметить, что нынешний президент Судана живет в том

самом дворце, в котором в 1885 г. останавливался его ярый противник Чарльз Гордон.

Я не знаю ни одной другой бедной страны, чья немногочисленная интеллектуальная элита была бы столь же высокообразованна, как в Судане. Хасан Ат-Тураби – ведущий мусульманский активист, который своей смелой книгой «Женщины, Ислам и мусульманское общество» (1973) сделал для восстановления исламских прав мусульманских женщин больше, чем кто-либо другой. И все же наша встреча за обедом 8 марта меня разочаровала. Мне кажется, он стал настолько знаменитым, что уже разучился слушать.

Сегодня в Вад-Медани, в 250 километрах к югу от Хартума, я посетил школу по изучению Корана, сохранившую традиции 375-летней давности: толковых мальчиков, приезжающих в школу со всей Черной Африки, чтобы провести здесь несколько лет, «принимает на воспитание» самый авторитетный шейх. Каждый день ученики встают в 3 часа утра, чтобы выучить новую суру Корана, которую затем записывают на деревянные дощечки самодельными стирающимися чернилами. Завтрак подают после молитвы *фаджр*. Затем мальчики повторяют выученное накануне. Днем, когда наступает невыносимая жара, они устраивают полуденный отдых, а после вечерней молитвы сразу же отправляются спать. Какие счастливые и веселые дети с такими живыми глазами! Я мог попросить любого из старших учеников продекламировать выбранную мною наугад часть Корана, и все они выдерживали испытание.

«Байт Аль-Кур'ан»

Манама, 1 мая 1999 г.

Не только деньги, но и беззаветная преданность д-ра Абдуллатифа Джассима Кану принесли Бахрейну славу страны, владеющей сокровищами исламского наследия. И именно здесь организации «Откройте для себя Ислам» удается ежедневно обращать в Ислам иностранных рабочих, приезжающих в большинстве своем из Филиппин и Индии.

В открывшемся в 1990 г. «Байт Аль-Кур'ан» – редком примере удачной современной архитектуры в стране третьего мира – сейчас размещается уникальная коллекция старинных рукописей и переводов Корана, среди которых – экземпляр первого латинского текста, отпечатанный в 1543 г. в Базеле по указанию Мартина Лютера. Было любопытно видеть, как в латинский перевод – совсем неплохой – были вставлены антиисламские обращения (например, Филиппа Меланхтона), чтобы нейтрализовать любой, возможно, положительный результат от его прочтения.

Перед моей лекцией д-р Кану с гордостью показал мне свое последнее приобретение – подлинный экземпляр второго в истории немецкого перевода Корана, сделанного Йоханном Ланге и напечатанного в Гамбурге в 1688 г. Он озаглавлен «Полный свод турецкого закона Магометова Алькорана», демонстрируя тем самым, что немцам Ислам представлялся религией их главных врагов – турков.

Таким образом, антиисламские настроения в Германии, связанные с присутствием турецких гастарбайтеров, имеют давнюю и «прочную» традицию.

«Когда сотрясается земля...»

Стамбул, 17 августа, 1999 г.

В 3 часа 8 минут утра Турция переживает сильнейшее за многие годы землетрясение, достигающее 7,8 баллов по шкале Рихтера. Его эпицентр находится неподалеку от Гёльчюка, турецкой военно-морской базы на Мраморном море возле Измита. В течение бесконечно долгих сорока пяти секунд нас с женой, спящих глубоким сном, подбрасывает в постели. Электричества уже нет, но полиция призывает всех граждан покинуть дома в ожидании еще более сильного толчка. Так что следующие несколько ночей мы проводим на асфальтированной автостоянке у нашего дома – зрелище, странным образом походящее на пикник.

Я хожу и напоминаю людям, о чем говорится в 99 суре Корана:

«Когда сотрясется земля своим сотрясением, и изведет земля свои ноши, и скажет человек: «Что с нею?» – в тот день расскажет она свои вести, потому что Господь твой внушит ей. В тот день выйдут люди толпами, чтобы им показаны были их деяния; и кто сделал на вес пылинки добра, увидит его, и кто сделал на вес пылинки зла, увидит его».

Но, кажется, никто из моих соседей по асфальту не слышал об этой суре. Кемализм покончил с подобным знанием.

Вскоре поползли слухи, что военно-морская база, где начальство собиралось праздновать победу военных в сражении против *хиджаба*, полностью разрушена землетрясением и даже ушла под воду. А разве Жиль Кепель не назвал одну из своих книг «Месть Аллаха»?

Почти неделю люди в Стамбуле ходили, как зомби. Затем жизнь наладилась, и они вновь утратили осмотрительность (и

стали пить водку так же часто, как и прежде). Сколько же предупреждений людям нужно? А сколько предупреждений они уже получили?

Да'уа под кокосовыми пальмами

Каямкулам, 12 февраля 2000 г.

Мусульмане всего мира очень спокойно относятся к понятию авторского права. Если книга хороша для Ислама, неужели она не должна попасть в руки как можно большего числа людей, разве не должна она стоять как можно меньше? Словом, мусульмане считают знание всеобщей собственностью. Как следствие, существуют «пиратские» издания почти всех моих книг, в том числе и на языке малайалам, на котором говорят в южной Индии.

Вот так я получил приглашение из Кочина встретиться с мусульманами Кералы, самого южного штата Индии, что на побережье Индийского океана. Этот штат был исламизирован еще в VIII веке н. э., причем не путем завоевания, а благодаря арабским торговцам во главе с Маликом ибн Динаром. Ныне в Керале относительное большинство – мусульмане, а затем в порядке убывания следуют христиане, марксисты и индуисты.

Аэропорт Кочина отделен от города бесконечными кокосовыми рощами; растут кокосовые пальмы и вдоль дороги. Организация студентов-мусульман (мужского пола) Кералы проводила свой ежегодный съезд в Каямкуламе, расположенном между рукавами реки и, разумеется, под кокосовыми пальмами. На съезде присутствовали 13 тысяч студентов. Когда я читал вторую лекцию, внезапно хлынул совершенно неслыханный в это время года ливень, да такой, что от него невозможно было укрыться. Когда я все-таки засомневался, стоит ли продолжать, лидер студентов просто сказал: «Наш гость приехал за шесть тысяч миль, чтобы выступить перед вами. Так что, будьте добры, послушайте его». Никто не пошевелился. Моя рукопись расплзлась от дождя, шум которого заглушал голос, хотя я говорил в

микрофон. Однако 13 тысяч студентов, мокрые насквозь, все как один, продолжали сидеть на своих местах.

После этого они показали мне свою книжную выставку. Увидев изданных пиратским способом всех самых известных авторов, в том числе Фрейда, Дарвина, Ницше и Сартра, я понял, что мне, в общем-то, жаловаться не на что, – мне это, скорее, польстило.

Единственной трудностью в гостях у этих необыкновенно радушных, как и все мусульмане, людей оказалась их еда. Все блюда с одинаковым (подобным карри) вкусом были такими острыми, что едва не вызывали у меня тошноту. Представляете, они приправляли специями даже воду! Я впервые почувствовал себя треклятым американским туристом, когда за завтраком спросил официанта, нет ли у него воздушного риса или кукурузных хлопьев...

Фес и Лахор

Лахор, 27 февраля 2000 г.

Институт политических исследований Хуршида Ахмада пригласил меня как почитателя Хуррама Мурада прочесть первый цикл «Лекций в память о Хурраме Мураде» в Исламабаде, Лахоре и Карачи.

Незадолго до этого я посетил Красный Форт в Дели, но, увидев Красный Форт в Лахоре, был вновь потрясен гигантскими размерами этих архитектурных чудес. Как смогли правители династии Великих Моголов – Джахангир, Джаханшах и Аурангзеб – возвести такие громады, рядом с которыми османский дворец Топ Капи и Версаль выглядят карликами? И как скромна по сравнению с ними могила Мухаммада Икбала, расположенная на территории Форта в Лахоре!

В Лахоре сохранились такие шедевры, как Шиш-Махал (1631) и мечеть Бадшахи (1673), но складывается впечатление, что Индия – немусульманское государство – заботится об исламском наследии больше, чем Исламская Республика Пакистан.

Хуже того, старый город в Лахоре, который своим средневековым очарованием и уютом может соперничать с Фесом, настолько грязный и зловонный, что даже не верится, что в нем живут мусульмане. Разве чистота не составляет треть нашей веры?

Посмотрев великолепный фильм Акбара Ахмеда «Джинна»⁴¹, я понял, что Пакистан, как исламское государство, остушился, потому что был основан великим государственным деятелем, но не великим мусульманином.

⁴¹ Джинна, Мухаммад Али (1876-1948) – основатель Исламской Республики Пакистан. – *Прим. ред.*

Похороны в Стамбуле

Стамбул, 5 апреля 2000 г.

Мою свекровь Зекие Агралигиль в 85 лет разбила болезнь Альцгеймера. Сегодня ее похоронили на огромном кладбище Кара Ахмед в Ускюдаре. Погребальная молитва, которая состоялась в мечети Тесвикие, прошла, как обычно: во время предшествовавшей ей молитвы зухр чуть больше половины мужчин – участников церемонии слонялись около мечети, разговаривали и даже курили, символизируя тем самым раскол между мусульманами, соблюдающими предписания религии, и мусульманами Турции, которые являются таковыми лишь по паспорту. Не участвовали в молитве и женщины, будто их тоже отговорили присутствовать на этой части церемонии. К тому же – и это типично для Ближнего Востока и Турции – многие приходят на похороны в неподобающей одежде – в джинсах и цветастых рубашках. Похороны уже перестали быть величественным ритуалом ухода из этой жизни.

Однако то, что члены семьи омывают тело, несут гроб к катафалку и помогают рыть могилу, больше напоминает мусульманам о смерти, чем прощальные церемонии на Западе. Последнее стало настолько неопределенным, что когда гроб автоматически исчезает за занавесью крематория, можно без труда впасть в самообман насчет истинного смысла смерти.

Турецкие имамы приходят в дом покойного прочитать Коран и совершить примерно получасовую молитву в день похорон, а также на 8-й и 40-й день, хотя знают, что это незаконное новшество (*бид'а*). Так увеличивается их вознаграждение за услуги, а люди, которых в иной ситуации не застанешь с покрытыми волосами или за молитвой, ощущают на себе отпечаток религии. Это каким-то образом

придает подобным церемониям *мавлид* неисламскую магичность (и удерживает домохозяйек на кухне тогда, как некоторые размышления были бы более уместны).

Скажите мне, как вы обращаетесь с покойными, и я скажу вам, кто вы.

Столетие Мухаммада Асада

Вена, 18 мая 2000 г.

Сегодня Австрийское востоковедческое общество им. Хаммера-Пургштала организовало встречу в память о Мухаммаде Асаде по случаю 100-летия со дня его рождения. Он родился 2 июля 1900 г. в Лемберге – на то время австрийском, а ныне польском городе⁴².

Таким образом, Австрия стала заново узнавать своих выдающихся сынов; однако мусульманский мир, для которого Асад был истинным даром Европы прошедшего столетия, так и оставил это без внимания. К примеру, кроме меня и других докладчиков, профессоров Рейнхарда Шульце из Берна и Гюнтера Виндхагера из Вены, большую часть аудитории составляли немусульмане. Гюнтер Виндхагер сейчас работает над докторской диссертацией, посвященной Асаду, – нечто, неслыханное доньше в мусульманском мире.

Этот феномен не только обусловлен невниманием или неблагодарностью, но и отражает отсутствие терпимости среди мусульман. Любой, кто писал так же много, как Асад, причем писал книги столь значимые, охватывающие все стороны Ислама – Коран, *хадисы*, *фикх*, а также посвященные недавним событиям в Пакистане, вероятно, не может рассчитывать на всеобщее одобрение. Безусловно, можно не соглашаться с какими-то местами в переводе и комментариях Корана, выполненных Асадом, не приветствовать его стремление свести сущность шариата главным образом к нормам Корана, с его позицией по поводу *хиджаба*, но разве это уменьшает его огромный вклад в Исламское возрождение XX века? Призывал ли кто-то жителей Запада к пониманию и принятию Ислама более,

⁴² Неточность автора. Лемберг – это современный Львов. – *Прим. ред.*

нежели он в своей книге *«Дорога в Мекку»*? От какого еще интеллектуала этого века – Мухаммада Икбала, Аль-Маудуди, Хасана Аль-Банна, Саййида Кутба, Фатхи Османа, братьев Хазут, Рашида Аль-Ганнуши, Анвара Ибрахима, Джеффри Ланга – можно ожидать влияния более долговременного, чем от Асада?

У нас не так много интеллектуалов-мусульман, чтобы пренебрегать нашими гениями.

Хофманн, Мурад Вилфрид

**Путешествие в Ислам:
Дневник немецкого дипломата**

Редактор *И. Сулу*

Перевод с английского *Л.Ю. Самсоненко*

Литературный редактор *В.П. Грабовский*

Компьютерная верстка и дизайн *Г.Д. Аблятифова* Оформление
обложки *Ю.В. Фрындак*

Свидетельство о внесении в Государственный реестр
субъекта издательской деятельности ДК № 1779 от
06.05.2004 г.

Подписано в печать 01.04.2008. Формат 84x108/32.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.

Распространяется бесплатно.

ОО «Ансар Фаундейшн»,
04119, г. Киев, ул. Дегтяревская, 25-А.

Замечательные наблюдения, приведенные в этом дневнике, проливают свет на то, как автор приближался к Исламу — процесс, растянувшийся на многие годы и увенчавшийся его решительным обращением в эту веру в 1980 г.

Как отмечает Мурад Хофманн, страницы данной книги — это не более, чем «диалог с самим собой», проистекающий из серьезной увлеченности немецкого интеллектуала проблемами этики, нравственности и эстетики.

Опыт дипломата и впечатления от путешествий по мусульманским странам — в основном государствам Северной Африки и Турции — побудили Хофманна углубиться в изучение Корана, и спустя годы он понял, что обращение в Ислам является логическим завершением его поисков главной жизненной истины. После этого он выбрал себе имя Мурад, которое означает “цель” — то есть самую сокровенную цель жизни Вилфрида Хофманна...

Мухаммад Асад

Д-р Мурад Вилфрид Хофманн родился в католической семье в Германии в 1931 г. Окончил Юнион Колледж, штат Нью-Йорк (США), продолжил образование в Мюнхенском университете, где в 1957 г. защитил докторскую диссертацию по праву. В 1960 г. удостоен степени магистра в Гарвардской школе права. Принял Ислам в 1980 г. В 1983–1987 гг. — директор бюро информации НАТО в Брюсселе, 1987-1990 гг.— посол ФРГ в Алжире, 1990 – 1994 гг. — в Марокко. Совершил умру в 1982 г., хадж – в 1992 г. Автор книг: «Путешествие в Ислам: Дневник немецкого дипломата (1951 – 2000)», «Ислам: Альтернатива», «Путешествие в Мекку», «Религия на подъеме», «Ислам 2000».

Всеукраинская ассоциация общественных организаций «Альрайд»

создана в 1997 году. В ее состав входит восемнадцать общественных организаций, функционирующих в разных областях Украины.

Сферы деятельности:

- культурно-просветительская;
- благотворительная;
- социальная помощь молодежи Украины.

25-А, ул. Дегтяревская, Киев-119

Украина, 04119

E-mail: office@arraid.org

www.islamUA.net

www.arraid.org

Общественная организация «Ансар Фаундейшн» входит в состав ВАОО «Альрайд» и занимается издательской деятельностью.

25-А, ул. Дегтяревская, Киев-119

Украина, 04119